

2023

Volume 9

No 2 (34)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2023

Том 9

№ 2 (34)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 31978. Формат 240×170. Объем 112 с. Тираж 40 экз. Свободная цена. Заказ № 23077. Дата выхода в свет 30.06.2023. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Anna A. Talitskaya – Yaroslavl State University (Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPa (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Larisa V. Ukhova – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

Т. К. Ростовская – д-р социол. наук, профессор, ФНИСЦ РАН (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. В. Ухова – д-р филол. наук, доцент, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Ignatjeva O. A.**

Ideal-typical constructions of legitimate orders of power and their foundations 144

Sokolov A. V., Mironova S. V.

Specifics of online communication of students with the university in social networks and messengers 152

Kraynova N. V., Prusov D. A.

Nonprofit Organizations and Political Protest: Social Media Coverage of Protest Action by Public Organizations 176

SOCIOLOGY**Afzali M., Ryazantsev S. V., Bezverbnaya N. A.**

Relationship between immigrant integration and socioeconomic indicators of European immigrant-receiving countries 186

Kokoreva M. E.

The Impact of Health Insurance on the Well-being of Russian Society: History and Prospects 200

Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Karepova S. G.

Academic Motivation of Modern Students: The Experience of Cluster Analysis 210

PHILOLOGY**Kurguzova E. V.**

Structural and semantic characteristics of the names of military facilities (based on the names of the barracks of the German Armed Forces) 220

Petrova E. A.

The function of predicate words in organization of scientific text 232

Beglova E. I.

Russian speech etiquette in the aspect of speech genre in diachrony (on the material of Russian phraseological dictionaries) 242

ПОЛИТОЛОГИЯ**Игнатъева О. А.**

Идеально-типические конструкции легитимных порядков власти и их основания 144

Соколов А. В., Миронова С. В.

Специфика онлайн-коммуникации студентов с вузом в социальных сетях и мессенджерах 152

Крайнова Н. В., Прусов Д. А.

Некоммерческие организации и политический протест: освещение форм протестных компаний в социальной сети «ВКонтакте» 176

СОЦИОЛОГИЯ**Афзали М., Рязанцев С. В., Безвербная Н. А.**

Взаимосвязь интеграции иммигрантов и социально-экономических показателей европейских стран 186

Кокорева М. Е.

Влияние медицинского страхования на благополучие российского общества: история и перспективы 200

Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А., Кареева С. Г.

Учебная мотивация современных студентов: опыт кластерного анализа 210

ФИЛОЛОГИЯ**Кургузова Е. В.**

Структурно-семантические характеристики названий военных объектов (на материале названий казарм Вооружённых сил ФРГ) 220

Петрова Е. А.

Функция слов-предикатов в организации научного текста 232

Беглова Е. И.

Русский речевой этикет в аспекте речевого жанра в диахронии (на материале фразеологических словарей русского языка) 242

Ideal-typical constructions of legitimate orders of power and their foundations

O. A. Ignatjeva¹

¹Saint-Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-144-151

Research article
Full text in Russian

Maintaining the legitimacy of power is one of the key tasks of the ruling elite. The possession of means of coercion and the ability to use them against the unwanted is not a sign of a good regime, as the basis of legitimacy is the trust of the object of governance (society) in the subject of governance (the ruling elite). Undoubtedly, there are many different legitimate orders, but in order to conduct a full-fledged study of them in the future it is necessary to construct their ideal types, starting from the works of classical political theory and from political practice. The aim of this article is to formulate and analyze ideal-typical constructions of legitimate orders of power and to identify their foundations. Undoubtedly, digital technologies are making their mark on the nature of the political order of society, but one cannot ignore the diversity of political regimes in different countries: from authoritarianism to democracies of different shades. But each ideal type of legitimate order has its own basis of legitimacy: from tradition and law to norm and public knowledge. Over time, power orders change: they become more humane and accessible to communication between the authorities and the population, which they begin to hear and try to coordinate their actions with the wishes of society.

Keywords: ideal-typical construction; legitimacy; legitimate order of power; legitimate violence; discipline; knowledge; public reason

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ignatjeva, Olga A. | E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru
Cand. Sc. (Sociology)

For citation: Ignatjeva O. A. Ideal-typical constructions of legitimate orders of power and their foundations // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 144-151. (in Russ.)

Идеально-типические конструкции легитимных порядков власти и их основания

О. А. Игнатьева¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-144-151
УДК 321.013

Научная статья
Полный текст на русском языке

Поддержание легитимности власти является одной из ключевых задач правящей элиты. Владение средствами принуждения и возможность их использовать в отношении неугодных не является признаком хорошего режима, так как в основе легитимности лежит доверие объекта управления (общества) субъекту управления (правлящей элите). Несомненно, что существует множество разных легитимных порядков, однако для проведения полноценного их исследования в будущем необходимо сконструировать их идеальные типы, отталкиваясь от работ классиков политической теории и от политической практики. Целью данной статьи является формулировка и анализ идеально-типических конструкций легитимных порядков власти и выявление их оснований. Несомненно, что цифровые технологии накладывают свой отпечаток на характер политического устройства общества, но нельзя игнорировать и многообразие политических режимов разных стран: от авторитаризма до демократий разных оттенков. Но для каждого идеального типа легитимного порядка характерны свои основания легитимности: от традиции и закона до нормы и публичного знания. Со временем властные порядки меняются: они становятся более гуманными и доступными для коммуникации власти с населением, которое она начинает слышать и старается согласовывать свои действия с пожеланиями общества.

Ключевые слова: идеально-типическая конструкция; легитимность; легитимный порядок власти; легитимное насилие; дисциплина; знание; публичный разум

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игнатьева, Ольга Анатольевна | E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru
Кандидат социологических наук, доцент кафедры политического управления

Для цитирования: Игнатьева О. А. Идеально-типические конструкции легитимных порядков власти и их основания // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 144-151.

Введение

Проблему легитимности политической власти в обществе нельзя недооценивать, так как она является основой его стабильности. На протяжении многих веков данная проблема была связана с престижностью власти, но в основе ее престижа лежали разные основания. Несомненно, что на разных этапах развития общества существовали гетерогенные модели легитимации власти в зависимости от политической культуры и особенностей исторического развития стран. Сегодня проблема легитимации встает с новой силой, поскольку она сопряжена с обратным процессом делегитима-

© ЯРГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ции власти, потерей властью своего престижа. Способна ли власть сегодня выполнять поставленные перед ней задачи по сохранению безопасности жизни или она подвержена дисфункциям? Целью данной статьи является формулировка и анализ идеально-типических конструкций легитимных порядков власти и выявление их оснований. Таким образом, автор видит первоначальную задачу сведения многообразия к гомогенности для создания идеально-типических конструкций легитимных порядков для того, чтобы в будущем перейти к изучению их разнообразия (особенно на современном этапе развития). Несомненно, что цифровые технологии накладывают свой отпечаток на характер политического устройства общества, но нельзя игнорировать и многообразия политических режимов разных стран: от авторитаризма до демократий разных вариаций. Все это отражается на легитимном порядке власти в современном обществе. Логика исследования при анализе легитимного порядка предполагает привлечение работ М. Вебера [1; 2; 3], М. Фуко [4; 5], Ж. Делеза [6], Б. Стиглера [7] – исследователей, которые занимались проблемами легитимации власти.

Теоретико-методологические основания исследования

В основу анализа легитимных порядков власти положена методология понимающей социологии Макса Вебера: идеально-типические конструкции, метод понимания и принцип «свободы от оценочных суждений». Идеально-типическая конструкция, по мнению М. Вебера, – это «ментальная картина, которая сводит в непротиворечивом космосе мысли, специфические исторические отношения и события» [8, с. 190]. Она нужна для установления причинно-следственных связей между социальными феноменами. Для создания идеально-типических конструкций Макс Вебер обращается к Г. Риккерт и его индивидуализирующему принципу образования понятий и принципу отнесения к ценности [9, с. 293]. Метод понимания заимствуется Вебером у В. Дильтея и служит для проникновения в смысл социального действия. Но Вебер придает ему контекст рациональной интерпретации действия, а не сопереживания, как у Дильтея. Рациональный подход к пониманию социального (политического) действия предполагает использование идеально-типических конструкций, которые сформулированы однозначным образом. Еще одной особенностью методологии М. Вебера является принцип «свободы от оценочных суждений», который используется для сохранения объективности научного знания при проведении теоретического и эмпирического исследования. «Под оценкой в дальнейшем следует понимать ... «практическую» оценку доступного влиянию наших действий явления как достойного порицания или одобрения» [2, с. 415].

Репрессивный порядок власти

На протяжении большей части истории государственности власть суверена носила репрессивный характер, т. е. предполагала использование физического насилия для сохранения его жизни как высшей ценности и гарантии существования государства. Описание репрессивного характера власти используется в политической социологии Макса Вебера. Так, например, он определяет государство как союз господства одних над другими, поддерживаемый возможностью применения насилия [10, с. 490]. Для характеристики репрессивного легитимного порядка автором используется политическая теория Макса Вебера. Анализ работ М. Вебера [3; 10], М. Фуко [4; 5], М. Дина [11] позволяет выделить следующие черты, характерные для репрессивного легитимного порядка: 1) вертикальные отношения господства-подчинения; 2) господство суверена (власть во имя защиты жизни суверена); 3) право суверена на смерть под-

данных; 4) власть подавляет объект управления; 5) право на легитимное насилие; 6) закон как средство подчинения подданных; 7) плебисцитарная демократия (конец XIX – нач. XX в.); 8) нелиберальная управленческая ментальность (нацизм, фашизм, авторитаризм).

Однако, по мнению Н. Лумана, широкое применение легитимного насилия ведет к делегитимации власти, поэтому его использование можно рассматривать только как крайнюю меру, которая необходима для сохранения целостности государства и стабильности внутри общества. «Возможность распоряжаться контингенцией, сказать «да» или «нет» относительно желаемых кем-то ролей является базисом власти. Эта возможность превращается в основу власти в том случае, если образуются интересы, имущественные состояния или должности, лишение (или умаление) которых функционирует как альтернатива избежания» [12, с. 71].

Макс Вебер выделяет три основания легитимности власти [1; 3]: традиция как основа традиционного господства, закон как основа легально-рационального господства и харизма как основа харизматического господства. Несомненно, что закон до сих пор является основой поддержания легитимного порядка, что делает данную классификацию актуальной. Однако, с точки зрения логики теоретических концепций немецкого социолога, она является неполной, так как в теории понимающего действия он выделяет четыре типа действий (традиционное, аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное), в то время как его классификация предусматривает только три типа господства и оснований для них. Таким образом, пропущено ценностно-рациональное господство, где в качестве основания легитимности могло бы быть счастье подданных и общественное благо [13].

Вебер полагает, что власть — это «шанс в рамках социальных отношений провести личную волю вопреки желанию другого» [14, с. 28]. Однако, по мнению Вебера, более точным понятием, отражающим вертикальные отношения власти, является господство. «Господство – шанс, что приказ определенного содержания вызовет повиновение данной группы людей» [Там же]. Не всегда господство предполагает наличие сильной бюрократического аппарата, иногда властитель может опираться на харизматическую общность, которая затем путем рутинизации может стать той самой бюрократией. Термин «легитимность» появляется в теории Вебера благодаря работам немецкого правоведа Г. Еллинека [15, с. 219], подразумевая доверие населения существующей системе власти. Таким образом, традиционное, легально-рациональное и харизматическое господство – это легитимные типы власти в классификации М. Вебера, которые пользуются доверием общества в силу, соответственно, престижа традиции, харизмы или закона.

Фашизм, тоталитаризм и авторитаризм – нелиберальные формы управленческой ментальности, которые являются одной из характеристик репрессивного легитимного порядка. Их сутью является утверждение превосходства одних наций над другими, подавление господствующей властью не только объекта управления (своего общества), но и более слабых государств. «Биополитика населения и расы, на языке сторонников империализма, в фабианском социализме и евгенике, связывает внутренние вопросы, касающиеся качества национального населения, с вопросами его пригодности по отношению к другим национальным группам» [11, р. 172–173]. Политические режимы, основанные на идее превосходства одних людей над другими в рамках классов и наций, поставили под угрозу исчезновения целые государства в начале и середине XX века. Биополитика как совокупность знаний о жизненных процессах, сформулированная М. Фуко [4], стала использоваться для определения не только

права на жизнь, но и права на смерть. Знания анатомополитики стали использоваться властью в изощренных пытках в тюремных учреждениях. «Пытки, подобные тем, которые практиковались в Иране в XX в. используют медицинские и психологические методы и дисциплины, включая лечение электрошоком, чтобы открыть частные интересы тел для общественного контроля» [16, р. 63].

Таким образом, легитимный порядок власти, отраженный в концепции политической власти Макса Вебера, характеризует ее репрессивную сущность, предполагая в своей основе использование легитимного насилия для сохранения как суверенитета государства, так и стабильности внутри общества. Этот идеальный тип легитимного порядка носит максимально негуманный характер, поскольку все в нем, даже жизнь подданных, подчинена благу суверена или господина (в терминологии М. Вебера).

Дисциплинарный порядок власти

Формирование дисциплинарного легитимного порядка власти относится к XVIII веку. «Дисциплинарная власть формируется с XVIII в., когда люди начинают активно перемещаться в пространстве. Дисциплинарная власть требует замкнутого пространства, в котором действуют свои правила. «Места» дисциплинарной монотонности: работные дома для нищих, колледжи (аналог монастырских школ), интернаты (наиболее совершенная форма образования), казармы (появляются в XVIII в.), мануфактуры» [17, с. 173]. Так, по крайней мере, он значится в работах М. Фуко. Этот порядок власти носит более гуманный характер, чем репрессивная власть М. Вебера, но право суверена на смерть поданных все же сохраняется (однако мыслится это в пределах сохранения общества и для его блага). Власть также представлена вертикальными отношениями господства-подчинения, как и в случае с репрессивным легитимным порядком, но задачи в дисциплинарном государстве у субъекта власти меняются. Господствующий субъект прибегает к науке для того, чтобы управлять подчиненным объектом (обществом). Он собирает знания о теле (анатомополитика) и жизни (биополитика) [4]. Также господствующий субъект 1) контролирует (надзирает) объект управления; 2) нормирует его (через различные техники анатомо-, биополитики и дисциплинарные учреждения); 3) несет бремя опеки над жизнью граждан; 4) подавляет объект управления, делает его послушным; 5) для него характерна репрессивная толерантность; 6) либеральная управленческая ментальность; 7) либеральная демократия.

Основанием легитимности власти, основной целью которой является контроль и нормирование политического тела, становятся норма и знания о том, что такое эта норма, как ее вывести и как применить. Соответственно, важным ресурсом дисциплинарного легитимного порядка становится биополитика как корпус знаний (в том числе социогуманитарного характера), направленный на регулирование жизненных процессов политического тела (населения) для увеличения его численности и повышения уровня его благосостояния [18, р. 52]. Биополитика предлагает разные техники управления населением страны, которое условно делится на тех, кто является самостоятельным и успешным, и тех, кто представляет полную противоположность первым. Поведение первых власть поощряет. Во вторую группу попадают индивиды, лишенные возможности трудиться и, таким образом, самостоятельно зарабатывать на жизнь. Это может быть связано с инвалидизацией, психологическими изъянами и проблемами социализации. В последнем случае у государственного аппарата и науки есть особые методы, позволяющие наказывать и стимулировать неуспешных индивидов.

Формирование экономической теории в контексте классической политэкономии сыграло особую роль для внедрения либерализма в управление государством с учетом экономических рычагов. Такое управление означает реформирование политических и социальных институтов с учетом политэкономического знания. «Здесь понятие экономики влечет за собой фундаментальную биоэкономическую реальность, движимую естественным дисбалансом между средствами существования и численностью населения, обнаруженную Мальтусом, и которая стимулирует возделывание все менее плодородных земель» [11, р. 145]. При этом либерализм можно рассматривать как критический подход к доминированию дисциплинарной власти, так как его целью становится защита прав и свобод личности, где в основе лежит закон, который является одним из инструментов либеральной управленческой ментальности.

Создание условий для обеспечения безопасности государства и контроль за ними является одной из целей дисциплинарного легитимного порядка. При этом особую роль играет обеспечение внутренней безопасности и, как ее часть, борьба с бедностью, поскольку бедные слои общества, особенно когда их подавляющее большинство, представляют собой угрозу стабильности общества и государства. Так, И. Бентам полагал, что для борьбы с нищетой нужно создавать условия, в которых бедняки смогут самостоятельно заработать себе на жизнь, а не надеяться на вспомоществование государства и социальные пособия [19, р. 76]. В рамках либерализма создание условий для свободного функционирования рынка заключалось не в полном невмешательстве государства в экономику, но в создании способов для эффективного функционирования экономики и общества.

Представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе в качестве одной из технологий власти, которую можно отнести к дисциплинарному легитимному порядку, называет репрессивную толерантность. «Народ терпит правительство, которое, в свою очередь, терпит оппозицию в рамках учреждений власти, установленных конституцией» [20]. Общество терпит насилие со стороны власти, так как того требует конституция и закон, которые, в свою очередь, служат поддержанию власти господствующего субъекта и покорности со стороны управляемого объекта.

Таким образом, дисциплинарный легитимный порядок власти направлен на нормирование отношений внутри социума на основе нормирования поведения «нюансов» анатомического и политического тела. Он является более гуманным, чем репрессивный легитимный порядок власти, однако не решает вопросы создания условий для того, чтобы каждый индивид чувствовал себя счастливым. При дисциплинарной власти государство заботится не об отдельном индивиде, а о биопроцессах, необходимых для сохранения и поддержания популяции в рамках государственных границ.

Современный легитимный порядок власти

Попытку концептуализировать новый тип власти сделал Ж. Делез, введя понятие «общество контроля» в своей работе *Postscript on Societies of Control* [6] и Б. Стиглер, введя понятие психовласти. Психовласть – новый набор технологий, относящихся к эпохе детерриториализации, в котором индивиды представляют собой не работников, а скорее потребителей [7, р. 26]. Да и сам М. Фуко в поздних работах вводит альтернативу дисциплине – безопасность. Безопасность представляет собой способ власти, возникающий наряду с дисциплинарным и в то же время противоречащий ему, направленный на рост и циркуляцию, а не на контроль и регулирование.

Данные попытки относятся к периоду до сетевого общества, с наступлением которого стали широко использоваться информационно-коммуникационные техноло-

гии при взаимодействии правящих элит и общества. Характерной особенностью современной власти является ее коммуникативный характер и широкое использование цифровых технологий (цифровых платформ, искусственного интеллекта, алгократии) [21]. Основными чертами данной идеально-типической конструкции являются: 1) горизонтализация властных отношений между субъектом и объектом власти за счет расширения коммуникативных возможностей; 2) правящая элита широко использует информационно-коммуникационные технологии при взаимодействии с обществом; 3) объектом управления становится общество знания, где знания выражаются в качестве суждений в процессе публичной коммуникации; 4) власть вовлекает население в публичность; 5) политическая элита становится более доступной для населения; 6) правящая элита, опираясь на науку, создает условия для развития самости индивидов, при этом минимизируя свою вовлеченность в их жизнь; 7) целью власти становится создание общественного блага; 8) демократия приобретает эпистемический характер; 9) неолиберальная управленческая ментальность; 10) особую роль приобретает важность фактора доверия населения власти.

В качестве оснований легитимности современной власти можно выделить знания, суждения, публичный разум, ценности, выраженные в суждениях, дискурсы. «Люди в своем взаимодействии выступают как ценностно-рациональные субъекты, ценностная структура которых определяется тем, как люди понимают этот мир. Социальные факты являются выражением тех ценностей, которые совместно выбирают люди» [22, с. 188]. Появляется основание для четвертого типа легитимности в классификации М. Вебера.

Вторая половина XX в. является этапом переход к неолиберализму, для которого характерна минимизация участия государства в жизни своего населения. При этом ответственность за самореализацию и благосостояние перекладывается государством на самих граждан. «Неолиберальные формы управления характеризуются не только прямым вмешательством со стороны специализированных и уполномоченных государственных аппаратов, но и характерным развитием косвенных методов руководства и контроля над людьми без одновременной ответственности за них» [18, р. 59]. Неолиберальная форма управленческой ментальности означает искусство управления, привлекающего знания социальных наук для формирования самостоятельного субъекта, который будет действовать в интересах государства.

Таким образом, идеально-типическая конструкция современного легитимного порядка власти фиксирует черты, характерные для развитого демократического государства, эталоном которого является модель полиархии Р. Даля [23]. Основанием легитимности является доверие, суждения и дискурсы, рождаемые в ходе публичной коммуникации.

Заключение

Несомненно, что легитимные порядки власти на разных этапах развития общества должны различаться, и для каждого этапа характерна гетерогенность этих порядков. Но для того, чтобы более подробно изучать разновидности, нужно сначала создать идеальные типы легитимных порядков на основании работ ведущих политических мыслителей и политической реальности. В данном исследовании было сконструировано три идеально-типические конструкции легитимных порядков власти: репрессивный, дисциплинарный и современный. Каждый из них имеет свои характерные черты и расположен в эволюционном порядке развития политических режимов. Несмотря на свои грозные наименования, они так или иначе апеллируют к доверию

населения власти, без которого невозможна социальная стабильность и устойчивость политических институтов. Но для каждого идеального типа легитимного порядка характерны разные основания легитимности, о которых речь шла в данной статье. Со временем властные порядки меняются: они становятся более гуманными и доступными для коммуникации власти с населением, которое она перестает тотально использовать в своих целях и начинает слышать.

Ссылки

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 453-484.
2. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 415-452.
3. Weber M. *Economy and Society: an outline of interpretive sociology*. Berkley: University of California Press, 1978. 1462 p.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 416 с.
6. Deleuze G. *Postscript on the Societies of Control* // MIT Press. 1992. October. Vol. 59. P. 3-7. URL: <https://www.jstor.org/stable/778828> (дата обращения: 29.01.2023).
7. Stiegler B. *Technics and time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2011. 270 p.
8. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1978. 579 s.
9. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий: логическое введение в исторические науки / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
10. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2006. С. 485-528.
11. Dean M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. Second Edition. London: SAGE Publication Inc., 2010. 304 p.
12. Луман Н. Власть / Пер. с нем. М.: Практикс, 2001. 256 с.
13. Buchanan J., Tullock G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy* // *The Collected Works of James M. Buchanan*. Vol. 3. Indianapolis: Liberty Fund, 1999. P. 3-353.
14. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1972. 943 s.
15. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юр. центр-Пресс, 2004. 752 с.
16. Rejali D. *Torture and Modernity: Self, Society and State in Modern Iran*. Boulder, Co: Westview Press, 1994. 176 p.
17. Бокарева О. Б. Концепция власти и понятие «власть-знание» в философии М. Фуко // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 3 (1). С. 172-175.
18. Lemke Th. Foucault, Governmentality, and Critique. *Rethinking Marxism* // *A Journal of Economics, Culture & Society*. 2002. № 14. P. 49-64. <http://dx.doi.org/10.1080/089356902101242288>
19. Bentham J. *The Theory of Legislation*. London: Routledge & Kegan Paul, 1950. 422 p.
20. Маркузе Г. Репрессивная толерантность. М.: Астрель, 2011. URL: https://royallib.com/book/markuze_gerbert/repressivnaya_tolerantnost.html (дата обращения: 29.01.2023).
21. Игнатьева О. А. Алгократия в политической системе: pro & contra // *Социальные и гуманитарные знания*. 2022. Т. 8, № 2. С. 138-145.
22. Сморгунов Л. В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 181-197.
23. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: Высшая школа экономики, 2010. 288 с.

Specifics of online communication of students with the university in social networks and messengers

A. V. Sokolov¹, S. V. Mironova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-152-175

Research article
Full text in Russian

The article proposes a methodology for analyzing the features of communication between the university and subscribers by the example of considering the communities of P. G. Demidov Yaroslavl State University. The main methods of analysis are: content analysis, event analysis, index analysis and case study. This toolkit made it possible to develop a classification of publications posted in student communities by form and content, to identify the correlation of these characteristics, as well as to determine the most frequently used and interesting format for subscribers to submit information in online communities, to establish the level of subscribers' involvement in the functioning of online platforms. The subject of the study was posts in 3 communities on the Vkontakte social network and in one telegram channel, posted in March-April and July-August 2022. As a result, it is concluded that the telegram channel is the most active in terms of the number of publications, however, it does not contribute to user engagement. The channel is mainly news in nature. In online groups of general orientation, user engagement is lower compared to self-organized activist groups ("Students' Union" and "Students' Trade Union Organization"). Taking into account the specifics of the popularity of certain forms of publications and their contents, as well as the most appropriate time periods for promoting and presenting information, can help in attracting new users and subscribers' interest in the activities of the online community.

Keywords: online communication; social networks; form of the post; content of the publication; information agenda; user activity; user engagement; social reaction of users

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sokolov, Alexander V. | E-mail: alex8119@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-7325-8374
Doc. Sc. (Politics), Associate Professor

Mironova, Svetlana V. | E-mail: s.mironova97@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-8455-2659
Postgraduate

Funding: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FENZ-2022-0001).

For citation: Sokolov A. V., Mironova S. V. Specifics of online communication of students with the university in social networks and messengers // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 152-175. (in Russ.)

Специфика онлайн-коммуникации студентов с вузом в социальных сетях и мессенджерах

А. В. Соколов¹, С. В. Миронова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-152-175
УДК 32.019.5

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предлагается методика для анализа особенностей коммуникации вуза с подписчиками на примере рассмотрения сообществ ЯрГУ им. П. Г. Демидова. В качестве основных методов анализа выступают контент-анализ, event-анализ, индексный анализ и кейс-study. Данный инструментарий позволил разработать классификацию размещаемых в студенческих сообществах публикаций по форме и содержанию, выявить корреляцию данных характеристик, а также определить наиболее часто используемый и интересный для подписчиков формат подачи информации в онлайн-сообществах, установить уровень вовлеченности подписчиков в функционирование онлайн-площадок. Предметом исследования стали посты в 3 сообществах в социальной сети «ВКонтакте» и в одном телеграмм-канале, размещенные в марте–апреле и июле–августе 2022 года. В результате делаются выводы о том, что телеграмм-канал является наиболее активным по числу публикаций, однако не способствует вовлечению пользователей. Канал носит преимущественно новостной характер. В онлайн-группах общей направленности вовлеченность пользователей ниже по сравнению с самоорганизованными группами активистов («Союз студентов» и «Профсоюзная организация студентов»). Учет специфики популярности отдельных форм публикаций и их содержаний, а также наиболее подходящих временных отрезков для продвижения и подачи информации может помочь в привлечении новых пользователей и формировании интереса подписчиков к деятельности онлайн-сообщества.

Ключевые слова: онлайн-коммуникация; социальные сети; форма поста; содержание публикации; информационная повестка; пользовательская активность; вовлеченность пользователей; социальная реакция пользователей

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соколов, Александр Владимирович	E-mail: alex8119@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-7325-8374 Доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических наук
Миронова, Светлана Владимировна	E-mail: s.mironova97@mail.ru ORCID iD: 0000-0002-8455-2659 Аспирант

Финансирование: Минобрнауки России (проект № FENZ-2022-0001 «Потенциал молодежных общественных организаций для консолидации российского студенчества в интересах развития страны»).

Для цитирования: Соколов А. В., Миронова С. В. Специфика онлайн-коммуникации студентов с вузом в социальных сетях и мессенджерах // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 152-175.

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Социальные сети в настоящее время являются неотъемлемой частью жизни людей: более 75 % от населения России являются пользователями глобальной сети, а более 73 % – посещают коммуникационные онлайн-площадки. Такие цифры позволяют говорить о трендах повсеместного и регулярного использования социальных сетей. Согласно исследованиям, среднее время, проведенное в социальных сетях, составляет 2 часа 16 минут ежедневно, при этом 56 % пользователей таким образом поддерживают связь с родственниками, друзьями, почти 43 % проводят в сетях свое свободное время, 11,5 % общаются по рабочим/учебным моментам. На 2023 год в России остаются распространенными и наиболее часто используемыми социальная сеть «ВКонтакте» – 75,3 %, мессенджеры WhatsApp и Telegram – 71,5 % и 64,4 % соответственно [1]. В то же время трендом интернет-поведения пользователей в 2022 году в России можно назвать активное развитие телеграмм-каналов и привлечение на площадку уникальных пользователей [2].

Стремительное развитие цифровых сервисов связано не только с конкуренцией инициативных групп, но и с потребностями пользователей, которые не могут быть функционально удовлетворены одним приложением. В результате различные цифровые площадки и социальные сети, даже предоставляя пользователям практически сходные сервисы, имеют различную аудиторию [3]. Это позволяет пользователям социальных сетей транслировать на цифровых ресурсах разные модели поведения [4], реализуя потребность в самопрезентации через транслирование отличных друг от друга образов [5].

Интернет и социальные сети стали тем пространством, в котором пользователи проводят большое количество времени, что оказывает существенное влияние на университетскую среду и образовательный процесс [6]. В этой связи важно отметить, что студенты не являются единой и однородной социальной группой. В вузах формируются отдельные группы интересов, получающие собственное представительство и в онлайн-пространстве (обучающие [7], научные [8], полиэтнические [9], геймерские [10], волонтерские [11], политические [12]). Созданные и функционирующие онлайн-сообщества могут быть интерпретированы с позиций социологии как динамичные социальные и культурные образования с неопределённой системой членства, но с общим набором целей, идей и схожестью индивидуального опыта [13]. В связи с множественностью интересов студенты университеты создают электронную образовательную среду [14] и собственные онлайн- и офлайн-сообщества, тем самым формируя уникальные экосистемы для обеспечения вовлечения обучающихся и поддержания условий для взаимодействия с ними [15].

Популярность коммуникационных интернет-площадок, их распространенность, простота использования помогают консолидировать и информировать различные социальные группы, в частности, студенческую молодежь. Следуя трендам онлайн-коммуникации, университеты как субъекты, координирующие студенческие сообщества, могут таким образом повышать свою узнаваемость и привлекательность. Вопросы цифровизации высшей школы, в том числе особенности коммуникации учебного заведения со студенческим сообществом и влияние коммуникативных процессов на репутацию вуза, изучали А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, В. А. Лукушин [16], А. Ю. Домбровская [17], Т. Э. Петрова [18] и др. Цифровое взаимодействие в студенческой среде, по мнению исследователей, открывает возможности по укреплению профессиональными сообществами, формированию культуры отдельного вуза,

созданию и продвижению бренда университета, повышению конкурентоспособности учебного учреждения [16]. В то же время отмечается и негативное влияние социальных сетей на пользователей [19], формирование и реализация зависимого поведения студентов в рамках образовательной среды [20].

В условиях повсеместной цифровизации одной из задач менеджмента вуза является привлечение новой аудитории в сообщества/каналы, повышение охватов, обеспечение пользовательской активности в создаваемых сообществах, ведение коммуникации с подписчиками. Большинство исследователей анализирует вовлеченность студенческого сообщества в деятельность университета с точки зрения рассмотрения используемого функционала, пользовательских реакций. Например, исследования цифровой среды ведущих отечественных университетов демонстрируют преобладание информационной повестки над коммуникационной, что ограничивает процесс взаимодействия университета и целевых групп, снижает эффективность такой коммуникации [17]. Однако немаловажным фактором является повестка университета, содержательные акценты, продвигаемые в сообществах, позволяющие определить интересы студенческой молодежи, сформировать «портрет» студента вуза, сформулировать типичные поведенческие реакции.

Методика исследования

Для построения стратегии продвижения студенческих сообществ в социальных сетях необходимо проведение предварительного анализа интересов аудитории (содержание, темы публикаций) и иных предпочтений пользователей (форма контента, количество постов в день). С целью определения особенностей онлайн-коммуникации в студенческих интернет-сообществах проведено исследование с применением комплекса методов политологического анализа: кейс-study, event-анализ, контент-анализ, индексный анализ. Одной из задач исследования стало сравнение особенностей коммуникации студенческого сообщества в рамках самоорганизаций – групп активистов, профсоюзной организации – и в рамках взаимодействия с вузовским менеджментом в основных сообществах. Методика апробировалась на примере Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Временным периодом исследования выступали 2 весенних месяца (март-апрель) и 2 летних (июль-август), что позволило выявить закономерности изменений в динамике размещения контента, его тематических линий и форм в зависимости от учебного или неучебного периода. Для изучения были выбраны три сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: «ЯРГУ СТУДКЛУБ», ««Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова», «Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ» и один телеграмм-канал общей тематики: «ЯрГУ | Демидовский университет».

На основе контент-анализа размещенных в сообществе постов была разработана классификация публикаций «по форме» и «по содержанию», при этом под «формой» понимается внешнее выражение информации, её оформление, а под «содержанием» – передаваемая постом смысловая нагрузка. Всего было выделено 18 различных форм контента и 16 видов содержания (см. таблицу 1).

Далее на основе event-анализа проанализирована динамика размещения публикаций разных видов по форме и содержанию, выявлена корреляция полученных данных с временными периодами, пользовательскими реакциями на публикации. В рамках данного метода изучались такие онлайн-действия, как «лайки» – выражение пользователем поддержки публикации посредством клика (в Telegram «лай-

ком» считаются положительные реакции (эмодзи) пользователей на публикации); «дизлайки» – проставление дизлайков возможно только в социальной сети Telegram и таковыми будут считаться негативные реакции (эмодзи); «репосты» – механизм, позволяющий пользователям размещать контент на иных страницах, в личных сообщениях; «просмотры» и «комментарии».

Таблица 1

Классификация публикаций по форме и содержанию

Классификация по форме публикаций	Классификация по содержанию публикаций
<ul style="list-style-type: none"> • Афиши/приглашения • Карточки • Информирование о проведенном мероприятии • Инструкции • Скринкасты • Кейсы • Лайфхаки • Квизы/опросы/голосования • Подборки • Лонгриды (повествование) • Конкурсы и розыгрыши • Флешмобы/марафоны • Ответы на вопросы • Live-трансляции • Инфографика • Оперативные новости • Мастер-классы • Заявления/мнения/интервью активистов, руководителей и т. п 	<ul style="list-style-type: none"> • Новостная повестка университета (события университета, достижения, итоги) • Новостная повестка региона/страны • Исторические справки • Организационные посты для студентов университета (подача документов на стипендию, на общежитие, расписание и т. п.) • Организационная информация для выпускников вуза • Административная информация вуза (заседания управляющих органов) • Регистрация на мероприятия вуза • Регистрация на иные мероприятия (города, региона, страны) • Поддержка команды университета • Информация о трудоустройстве • Учебная/образовательная информация • Реклама/скидки студентам • Поздравления • Мемы/шутки • Участие в социально-значимых мероприятиях • Организационная информация для абитуриентов вуза» (приемная кампания, подача документов)

На основе полученного массива данных была рассчитана вовлеченность пользователей в деятельность сообществ, состоящая из 3 различных показателей:

Доля пользователей, оставляющих реакции на посты, от числа подписчиков = $(SI/n)/AR$,

Доля пользователей, оставляющих реакции на посты, от числа просмотров = $(SI/n)/(av.p)$,

Доля пользователей, просматривающих посты, от общего числа подписчиков группы = $(av.p)/AR$,

где SI – сумма лайков, комментариев, репостов;

AR – число подписчиков в сообществе/канале;

n – число публикаций;

av. p – среднее число просмотров.

Рассмотрение этих показателей позволило выявить процент пользователей, просматривающих размещаемые записи, а также контент, вызывающий наибольший интерес у студентов, что в дальнейшем поможет корректировать наполне-

ние групп для привлечения большего числа подписчиков, развития онлайн-площадок университета.

Гипотезами исследования стали следующие утверждения:

1. Наибольшая вовлеченность пользователей характерна для публикаций, содержащих мемы/шутки. Пользователи оставляют большее число одобрительных оценок (лайков) на такие публикации. Контент, содержащий афиши мероприятий/приглашение на них, получает больше репостов.

2. В период студенческих каникул активность в сообществах меньше, а основным типом контента являются новостные повестки, мемы, исторические справки.

Результаты исследования

В ЯрГУ во всех студенческих сообществах за 4 рассмотренных месяца было размещено 635 публикаций, которые просмотрели 804932 раза. На эти публикации было поставлено 18774 лайков, 2420 репостов, а также опубликовано 1405 комментариев. Наибольшее число сообщений публиковалось в телеграмм-канале университета (355) и в группе «Союз студентов» (139). Самым активным месяцем по числу публикаций в большинстве групп стал август.

В то же время во всех сообществах в социальной сети «Вконтакте» вовлеченность пользователей в деятельность сообщества была выше в учебные месяцы, то есть в марте и апреле.

Можем заметить, что вовлеченность пользователей выше в группах активистов («Союз студентов» и «Профсоюзная организация»), что может объясняться объединением в этих сообществах узкой группы пользователей ради достижения определенной цели (определена конкретная целевая аудитория). В то время как группа «ЯрГУ СТУДКЛУБ» объединяет максимальное число подписчиков и представляет собой основную группу университета, где публикуется общая информация для разных групп студентов, а также для выпускников, абитуриентов и т. п. (см. рисунок 1).

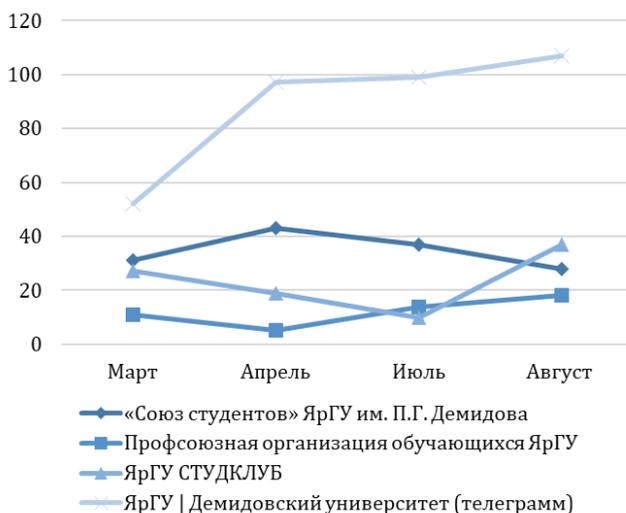

Рисунок 1. Динамика количества размещенных постов в сообществах по месяцам.

Несмотря на наименьшее число постов в группе «Профсоюзная организация обучающихся», именно в этом онлайн-объединении фиксируется высокая социальная реакция пользователей. Наоборот, лидером по числу публикаций стало сообщество в мессенджере Telegram, но соцреакция в нем оказалась наименьшей (см. таблицу 2).

Таблица 2

Основные количественные показатели сообществ ЯрГУ

Группа	Число публикаций	Среднее число лайков	Среднее число комментариев	Среднее число репостов	Среднее число просмотров
«Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова	139	33,02	4,76	5,2	1307,6
Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ	48	57,104	17,38	16,35	2732,5
ЯрГУ СТУДКЛУБ	93	47,7	5,9	11,03	2557,49
ЯрГУ Демидовский университет (телеграмм)	355	19,84	3,02		715,94

Рассчитав вовлеченность пользователей в просмотр публикаций подписчиками, отметим, что показатель является наибольшим в группах «Союз студентов» и «Профсоюзная организация», где каждый 6 и каждый 5 подписчик, соответственно, просматривали публикации. В то же время коэффициент вовлеченности подписчиков сообщества в действия под постами, то есть оставление реакций в виде лайков, репостов и комментариев, составляет лишь 1,65 % и 1,92 % в этих же группах. В двух других онлайн-сообществах, носящих общий характер, этот коэффициент меньше 1 %.

Доля пользователей, оставляющих реакции на посты от числа просмотров, была максимальной в сообществе Союза студентов и составила 3,15 %, минимальной – в «ЯрГУ СТУДКЛУБ», где равнялась 2,3 % (см. таблицу 3).

Таблица 3

Коэффициент вовлеченности пользователей в сообществах ЯрГУ

Группа	Доля пользователей, оставляющих реакции на посты от числа подписчиков	Доля пользователей, оставляющих реакции на посты от числа просмотров	Доля пользователей, просматривающих посты, от общего числа подписчиков группы
ЯрГУ СТУДКЛУБ Студклуб	0,8 %	2,3 %	35 %
Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ	1,92 %	3 %	62 %
«Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова	1,65 %	3,15 %	52,4 %
ЯрГУ Демидовский университет (телеграмм)	0,86 %	2,84 %	30,1 %

Сообщество в социальной сети «ВКонтакте»: «Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова»

Сообщество «Союз студентов» в ЯрГУ позиционируется как группа, представляющая обучающимся информацию о досуговой, внеучебной, развлекательной и творческой деятельности. Интерфейс сообщества выполнен в едином стиле, что делает группу узнаваемой.

За 4 месяца в группе было размещено 139 публикаций (в среднем в месяц размещается **34,75 поста**). Все они опубликованы от имени сообщества, то есть администратором. Наиболее активным по числу сообщений стал апрель, когда был опубликован 41 пост, при этом пользователи ставили больше лайков и комментариев в августе, а репостов – в апреле (см. *таблицу 4*). Наибольшая вовлеченность пользователей в деятельность сообщества также была характерна для апреля (3,65 %) и марта (3,50 %), то есть охватывала учебные месяцы.

Таблица 4

Соцреакция и вовлеченность пользователей в сообществе «Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова

Дата	SI	Просмотры	Вовлеченность
Март	1210	34593	3,50 %
Апрель	2026	55460	3,65 %
Июль	1236	47185	2,62 %
Август	1252	44525	2,81 %

При ведении сообщества используются разнообразные формы постов. В рассматриваемой группе было 11 уникальных форм. Самыми часто используемыми становились:

- оперативные новости – 41 пост;
- информирование о проведенном мероприятии – 32 поста;
- карточки – 27 постов.

Наиболее выраженная реакция пользователей, не требующая каких-либо действий с его стороны, т. е. просмотры, характерна для таких форм, как «информирование о проведенном мероприятии», «конкурсы и розыгрыши», что может быть связано с размещением в публикациях «отметок» отдельных пользователей или других сообществ, автоматическая выдача на основе алгоритмов «ВКонтакте» этих сообщений аудиториям сторонних групп.

Комментарии пользователи предпочитали писать под «карточками», «подборками», «информированием о проведенном мероприятии», «афишами/приглашениями», так как чаще всего такие формы постов требуют взаимодействия/ответа от аудитории. Оценку «нравится» больше всего ставили под формами «информирование о проведенном мероприятии», «лонгриды», «оперативные новости», «квизы/опросы/голосования».

Интересно отметить, что посты, которыми пользователи захотели поделиться или сохранить себе, относятся к «инструкциям», «афишам/приглашениям» и «лайфхакам» (см. *таблицу 5*).

**Распределение публикаций по форме в сообществе
«Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова**

Форма поста	Кол-во постов	Ср. репостов	Ср. лайков	Ср. комментариев	Ср. просмотров
Афиши/приглашения	19	9,16	24,05	4,5	1097,42
Заявление/мнение/интервью руководителя/активиста организации	1	3	20	4	889
Инструкции	1	62	47	2	3313
Информирование о проведенном мероприятии	32	3,58	44,81	4,56	1719,25
Карточки	27	4,53	28,55	7,16	1227,92
Квизы/опросы/голосования	1	6	31	1	1242
Конкурсы и розыгрыши	1	4	22	0	1864
Лайфхаки (Лид-магниты)	1	8	19	2	977
Лонгриды (повествование)	8	4,12	34,12	2,85	1082,75
Оперативные новости	41	3,91	32,26	4,1	1111,51
Подборки	7	5,57	27,57	5,6	1460,42

Содержательно также было выделено использование 11 различных видов постов. Больше всего администраторы создавали публикации по таким темам, как:

- новостная повестка университета (события университета/достижения/итоги) – 55 постов;
- мемы/смешные видео/шутки – 20 постов;
- поздравление (преподавателей/активистов/с государственными и иными праздниками) – 16 постов;
- реклама/скидки студентам – 15 постов.

Как и в случае с формами постов, по содержанию пользователи тоже чаще всего делились или сохраняли себе «полезную» информацию, касающуюся вопросов регистрации на мероприятия, а также различные инструкции (как попасть в студенческий актив, как получить стипендию, принять участие в конкурсе и т. п.). При этом интересны участникам группы и смешные шутки/мемы, ими тоже делились в среднем 5,8 человека, а комментарии отставляли в среднем 7,66 пользователей. Еще студенты комментируют посты, рассказывающие об участии в социально-значимых мероприятиях, и сообщения, направленные на поддержку команды университета (см. таблицу 6).

Наибольшее число «лайков» сопровождало посты, поддерживающие команду университета, содержащие новостную повестку университета и описывающие участие в социально-значимых мероприятиях.

Посты по форме «оперативные новости» освещали темы новостной повестки университета, организационную информацию для студентов, поздравления, описание реклам/скидок студентам и поддержку университета.

**Распределение публикаций по содержанию в сообществе
«Союз студентов» ЯРГУ им. П. Г. Демидова**

Содержание поста	Кол-во постов	Ср. репостов	Ср. лайков	Ср. комментариев	Ср. просмотров
Мемы/смешные видео/шутки	20	5,8	28,75	7,66	1316,95
Новостная повестка региона/страны	3	2	19,33	0	900,66
Новостная повестка университета (события университета/достижения/итоги)	55	3,57	39,05	4,39	1474,21
Организационные посты для студентов университета	4	13,25	28,5	3	2358,75
Поддержка команды университета	7	3,71	56,28	4,66	2092,85
Поздравление (преподавателей/активистов/с государственными и иными праздниками)	16	2,66	34,18	4,42	1078,25
Регистрация на иные мероприятия (города/региона/страны)	4	5,66	20,5	2	750,75
Регистрация на мероприятия вуза	9	17,33	27,66	4	1109,66
Реклама/скидки студентам	15	4,78	17,86	1,75	686,0
Участие в социально-значимых мероприятиях	2	4	32,5	8	1595
Учебная/образовательная информация	4	4,75	22,5	3	958

В виде «карточек» подавалась учебная/образовательная информация, новостная повестка университета, организационные посты для студентов и мемы/шутки.

Информирование о мероприятиях сводилось к темам новостной повестки региона/страны и университета, а также участию в социально-значимых мероприятиях.

Интересно отметить, что более разнообразным содержанием отличались посты в виде «афиш/приглашений». В то же время для освещения «новостной повестки университета» использовалось наибольшее число уникальных форм поста (6).

Коррелируя форму и содержание, удалось определить типы постов, которые использовались чаще, и те, что были более популярны у пользователей, то есть сопровождались высокой социальной активностью участников сообщества.

Самыми часто используемыми в сообществе стали (см. рисунок 2):

- информирование о проведенном мероприятии/новостная повестка университета (29 постов);
- оперативные новости/поздравления (15 постов);
- карточки/Мемы, шутки (13 постов).

Рисунок 2. Динамика использования публикаций по форме/содержанию в группе «Союз студентов» ЯрГУ им. П. Г. Демидова.

При этом больше всего оценку «нравится» студенты ставили оперативным новостям о поддержке команды университета (61,66), информированию о проведенном мероприятии на социально-ориентированную тему (51), инструкциям по регистрации на мероприятия вуза (47). Комментарии оставляли чаще всего на карточках со смешными шутками и мемами (9,33).

Рассматривая используемость и популярность разных видов и форм публикаций в зависимости от времени их размещения, заметим, что в каждый анализируемый месяц одним из часто публикуемых постов было информирование о проведенном мероприятии, оформленное в виде университетской новости, причем больше всего их было в учебные месяцы – в апреле и в марте. В июле и августе наравне с информированием о мероприятиях также активно размещались в форме карточек мемы и шутки.

Сами же студенты в марте и апреле больше ставили «лайков» на посты, информирующие о мероприятиях университета, посвященные поддержке команды университета, участию в социально-значимых мероприятиях и регистрации на вузовские мероприятия. В летний период тренды были аналогичными в большей части, однако увеличилось число афиш и приглашений на мероприятия.

Репостов и просмотров было больше у приглашений/афиш с организационной тематикой и инструкций по регистрации на мероприятия университета. Так как в данном случае число просмотров и репостов наибольшее, можем говорить о том, что этими постами публично поделились другие сообщества и группы, привлекая тем самым свою аудиторию и способствуя увеличению просмотров. Пользователи предпочитали делиться приглашениями на регистрации на вузовские мероприятия и лайфхаками об учебе. Можем предположить, что такие публикации чаще всего либо сохранялись, либо отправлялись в личных чатах.

В рамках сотрудничества с организациями и компаниями сообщество делало репосты записей других групп, содержащих полезную и актуальную информацию для студентов. В группе активистов за рассматриваемый период было размещено

37 таких записей. Все они являются либо приглашениями от некоммерческих организаций к участию в молодежных региональных/федеральных проектах/конкурсах, либо предложениями от коммерческих компаний для студентов университета. Чаще всего репосты были от групп: лагерь «Моё поколение» – 9 записей; «Музей здоровья» и «Ярославский резерв» – по 3 записи; «Мосигра», «Ярославский музей заповедник», «Вектор в будущее», «ПиццаФабрика» – по 2 записи. Единичные репосты также были сделаны от таких организаций, как: «Тотальный диктант», «Союз студентов МФЮА», «Территория смыслов» и др.

Сообщество в социальной сети «ВКонтакте»: «Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ»

Профсоюзная организация – объединение студентов университета с целью защиты и продвижения своих интересов. Как и в предыдущем онлайн-сообществе, группа «Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ» в социальной сети «ВКонтакте» имеет общий стиль оформления, в котором выдержаны все публикации и обложка сообщества. В данном сообществе, как и в предыдущем, размещать публикации могут только администраторы, следовательно, можем говорить о профессиональном ведении группы. Среди подписчиков в группе 4401 человек, при этом количество публикаций было наименьшим среди анализируемых сообществ в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова: их число составило 48.

Из них большая часть размещена в августе (18), а наименьшая – в апреле (5). Интересно отметить, что, несмотря на то, что средние показатели активности участников сообщества были выше в августе, наибольшая вовлеченность пользователей была характерна для апреля и составила 4,15 % против 2,67 % в апреле. Такие данные свидетельствуют о том, что в августе хотя и больше пользователей просматривали записи сообщества, но доля тех из них, кто оставлял реакции на постах, была значительно меньше.

В целом из данных таблицы 7 можно заметить активную вовлеченность именно в учебные месяцы, когда в марте она была 3,36 %, а в апреле 4,15 % при меньшем количестве публикуемых материалов.

В группе профсоюза значительно преобладали посты по форме карточек (16, или 33 %) и афиш/приглашений (14, или 29 %). Также публиковались оперативные новости (6) и информирование о проведенном мероприятии (5). Всего же было использовано 8 различных уникальных форм публикаций (см. рисунок 3).

Таблица 7

Соцреакция и вовлеченность пользователей в сообществе «Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ»

Месяц	Число постов	Среднее число лайков	Среднее число репостов	Среднее число комментариев	Среднее число просмотров	Вовлеченность
Март	11	67,1	16,2	13,6	2731,7	3,36 %
Апрель	5	63,8	12,8	17,0	2175,4	4,15 %
Июль	14	59,7	12,6	10,1	2459,9	3,23 %
Август	18	47,1	20,4	27,5	3099,8	2,67 %

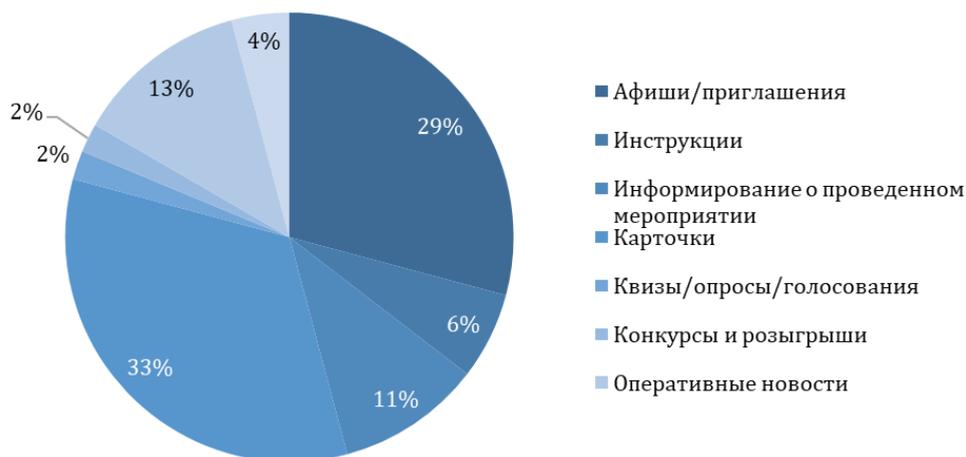

Рисунок 3. Количество уникальных форм публикаций, использованных в сообществе «Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ».

Пользователям понравились больше «конкурсы и розыгрыши», собравшие 150 лайков, «информация о проведенном мероприятии», которая в среднем оценивалась в 76,6 лайков и «карточки» с 64 лайками в среднем. При этом, как и в сообществе «Союз студентов», репост делали чаще «афиш и приглашений» и «подборок». Комментировать пользователи предпочитали такие формы, как «квизы/опросы/голосования» и «конкурсы/розыгрыши» (см. таблицу 8).

По содержанию среди проанализированных публикаций было определено 10 уникальных видов постов, из которых 13 – это «мемы/смешные видео/шутки», 10 – «реклама/скидки студентам»; 6 – «реклама/скидки студентам» и 5 – «организационные посты для студентов университета». Остальные записи с иными содержательными акцентами носили единичный характер.

Таблица 8

Распределение публикаций по форме в сообществе «Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ»

Форма публикации	Число постов	Среднее число лайков	Среднее число репостов	Среднее число комментариев	Среднее число просмотров
Афиши/приглашения	14	39,9	22,1	7,8	2011,4
Инструкции	3	24,3	19,3	1,0	1862,0
Информирование о проведенном мероприятии	5	76,6	5,8	22,8	3093,0
Карточки	16	64,0	9,1	10,5	2600,6
Квизы/опросы/голосования	1	54,0	10,0	109,0	4592,0
Конкурсы и розыгрыши	1	150,0	47,0	96,0	17038,0
Оперативные новости	6	68,8	22,3	13,5	2463,5
Подборки	2	43,0	26,0	7,5	1964,0

Подписчики группы чаще всего просматривали и ставили оценку «нравится» на посты-поздравления (в среднем 109 «лайков») и поддержку команды университета (84,8 «лайков» в среднем). Также нравились студентам мемы/смешные шутки и новостная поддержка университета. Как и в сообществе активистов «Союз студентов ЯрГУ», подписчики делились в большей части организационными публикациями. Отметим, что в этой группе было сделано большое число репостов публикаций, содержащих организационную информацию для абитуриентов вуза. Наибольшая вовлеченность пользователей свойственна «поздравлениям», где каждый 4-й просмотревший пост оставил какую-либо реакцию. При этом поздравления не набирали значительного числа комментариев и репостов, а высокое значение показателя вовлеченности достигалось за счет лайков.

В сообществе студенческого профсоюза сохраняется и тенденция оставления комментариев под развлекательным контентом в виде шуток/мемов и под информационной поддержкой команды университета (см. таблицу 9).

Рассматривая связи формы и содержания, заметим, что большее число различных содержательных аспектов (7 уникальных видов содержания поста) было создано и опубликовано в виде «афиш и приглашений». В качестве афиш подавалась обычно организационная информация для студентов вуза, о регистрации на мероприятия различного уровня, реклама и скидки. При этом такие типы постов, как афиши с новостной повесткой университета и афиши рекламы, были одними из самых часто используемых в сообществе – 3 и 4 поста соответственно.

Лидером по числу размещенных постов стала информация развлекательного характера, то есть шутки и мемы, оформленная в виде карточек (11 публикаций).

Таблица 9

**Распределение публикаций по содержанию в сообществе
«Профсоюзная организация обучающихся ЯрГУ»**

Содержание публикации	Ср. число лайков	Ср. число репостов	Ср. число комментариев	Ср. число просмотров	Вовлеченность
Мемы/смешные видео/шутки	62,8	9,2	19,8	2660,0	3,34 %
Новостная повестка университета (события университета/достижения/итоги)	60,7	17,8	12,8	2397,8	3,72 %
Организационная информация для абитуриентов вуза	31,0	20,0	1,0	2213,0	2,35 %
Организационные посты для студентов университета	46,0	29,4	12,5	2335,2	3,44 %
Поддержка команды университета	84,8	7,0	19,0	3148,3	3,52 %
Поздравление (преподавателей/активистов/с государственными и иными праздниками)	109,0	4,3	15,7	3097,3	4,16 %
Регистрация на иные мероприятия (города/региона/страны)	37,0	12,5	1,0	2037,0	2,45 %
Регистрация на мероприятия вуза	23,7	12,7	-	1715,3	2,14 %

В сообществе не совпадают публикации, которые вызывают большую социальную реакцию у участников группы, и посты, часто размещаемые администраторами. В частности, студенты предпочитают ставить лайки на посты:

- конкурсы, розыгрыши/ реклама, скидки студентам (в среднем 150),
- новости/поздравления (126 лайков),
- информирование о проведенном мероприятии / поддержка команды университета (102 лайка).

Репосты свойственно делать на контент, который способствует получению выгоды, скидок, каких-либо преференций: афиши, приглашения/реклама, скидки – 35, оперативные новости / организационные посты для студентов университета – 54, конкурсы и розыгрыши / реклама/скидки студентам – 47.

Контентом, освещающим поздравления, хотели поделиться меньше всего – 4 «репоста» в среднем.

Квизы, опросы, голосования, освещающие развлекательный контент, конкурсы и розыгрыши различных бонусов для студентов, результативно использовать для повышения комментарийной активности. Именно такой тип информации набрал больше всего комментариев в сообществе профсоюза – 109 и 96 соответственно.

Однако следует отметить, что, несмотря на наибольшее число реакций на посты, информирующие о рекламе/скидках для студентов в форме конкурсов и розыгрышей, показатели вовлеченности на таких записях были минимальными – 1,72 %. Такими постами, как правило, студенты активно делились (делали репост) на своих страницах, что, в частности, могло быть условием участия в розыгрыше, в результате чего алгоритмы «ВКонтакте» суммировали число просмотров на всех аналогичных записях.

Наибольшая вовлеченность была на постах подборки/реклама, скидки студентам – 5,19 %, где было много репостов при сохранении средних значений просмотров, что позволяет сделать вывод о сохранении подобных публикаций в личных сообщениях и оперативные новости/поздравления – 4,99 %.

Из 11 записей на странице сообщества в марте популярными были афиши/приглашения с рекламой и скидками и информирование о проведенном мероприятии/поддержка университета – по 2 публикации каждого вида. Наибольшая вовлеченность – 5,28 % – была на постах поздравлениях; 5,19 % – на подборках рекламных и бонусных предложений для студентов; 4,87 % – афиши/приглашения по новостной повестке образовательного учреждения. В апреле отмечаются схожие тенденции.

В июле и августе же преобладал развлекательный контент в виде карточек с мемами и шутками. Также по содержанию в августе отмечалось наибольшее число публикаций организационного характера, представленного в виде афиш, инструкций, оперативных новостей и информирования о прошедших мероприятиях.

Почти половина (22 публикации) в данной группе была создана в рамках партнёрства с другими организациями и содержала рекламу, приглашение, иную информацию, полезную студентам. Как и в предыдущей рассмотренной группе, освещение организаций/мероприятий-партнеров происходило не посредством репоста из другой группы, а через создание уникальной публикации и её размещение от лица администратора. Организационными, чья реклама была размещена в «Профсоюзной организации обучающихся ЯрГУ», становились НКО, общественные организации и движения: СКС РФ, всероссийский медиафорум «Точка сбора России», АИС «Молодежь России», Межрегиональная летняя творческая лаборатория K.Art.ON, конкурс «Твое время», РосмолодежьГранты, областной этап конкурса «Правозащит-

ник года», Лига КВН Профкома ЯрГУ, студенческая весна ЯрГУ и др. Среди коммерческих организаций размещались посты о «РЖД бонус», Яндекс.плюс, стендапе Вани Усовича, паназиатском бистро «Пипяю».

Таким образом, в двух рассмотренных сообществах, объединяющих преимущественно активистов университета, была выше общая вовлеченность пользователей в онлайн-действия, что может быть следствием более узкой целевой аудитории. Также вовлеченность в учебные месяцы была значительно выше, нежели в каникулы, что может свидетельствовать о направленности деятельности сообществ на освещение внеучебных, развлекательных событий, проходящих во время активного обучения. В обоих сообществах в летний период увеличивалось число размещаемых мемов и шуток для поддержки активности в сообществе в условиях уменьшения количества инфоповодов в деятельности университета.

Самым используемыми постами в группе «Союз студентов ЯрГУ» были «оперативные новости» и «информирование о проведенном мероприятии» по форме и «новостная повестка университета» по содержанию. В сообществе студенческого профсоюза «карточки», «афиши и приглашения» – по форме и «мемы, шутки», «реклама/скидки студентам» – по содержанию.

Оценку «нравится» участники групп предпочитали ставить в качестве поддержки команды университета, на поздравлениях и новостной повестке. Пользователи предпочитают оставлять комментарии на посты с шутками и с поддержкой команды университета. Квизы, опросы, голосования, освещающие развлекательный контент, и конкурсы/розыгрыши различных бонусов для студентов также результативно использовать для повышения комментарийной активности, так как зачастую такие посты включают в себя прямой механизм взаимодействия с аудиторией (чтобы принять участие, необходимо поставить лайк, сделать репост и т. п.).

Репосты же свойственны постам с полезной, развлекательной (мемы, подборки скидок), учебной информацией и организационным постам в таких формах, как «инструкции», «карточки», «афиши», «оперативные новости». Причем зачастую репосты не сопровождалось увеличением числа просмотров, что позволяет говорить о непубличном обмене такими постами либо о сохранении их пользователями в личные сообщения.

Оба сообщества размещали на своих страницах рекламу, информацию от некоммерческих и коммерческих организаций, полезную и интересную для студентов. Такие посты размещались в виде отдельной публикации от имени администратора.

Сообщество в социальной сети «ВКонтакте»: «ЯрГУ СТУДКЛУБ»

Сообщество «ЯрГУ СТУДКЛУБ» и телеграмм-канал «ЯрГУ | Демидовский университет» являются основными для трансляции общеуниверситетских событий и новостной повестки университета. Сообщество «ВКонтакте» «ЯрГУ СТУДКЛУБ» объединяет наибольшее число подписчиков – 7215 (по данным на 1 ноября 2022 г.), при этом за 4 рассматриваемых месяца опубликовано всего 93 поста (23,25 публикации в среднем в месяц).

Как и в ранее рассмотренных сообществах, вовлеченность была выше в марте (2,47 %) и апреле (2,92 %). Наибольшее число публикаций характерно для августа. Максимальное количество репостов было в июле, что может быть обусловлено работой приемной комиссии и информированием абитуриентов, студентов о процедуре приема в вуз (см. таблицу 10).

Соцреакция и вовлеченность пользователей в сообществе «ЯРГУ СТУДКЛУБ»

Месяц	Число постов	Среднее число лайков	Среднее число репостов	Среднее число комментариев	Среднее число просмотров	Вовлеченность
Март	27	38,2	8,3	5,4	1937,6	2,47%
Апрель	19	71,9	11,9	7,1	2974,1	2,92%
Июль	10	65,2	22,0	5,8	4258,0	2,06%
Август	37	37,5	9,7	5,5	2336,4	2,01%

Всего 7 различных видов форм постов было использовано в сообществе – это минимальный показатель среди онлайн-сообществ ЯрГУ. В основном использовались афиши/приглашения (36 публикаций); оперативные новости (30 сообщений) и информирование о проведенном мероприятии (18 постов). Эти же формы стали и самыми просматриваемыми в сообществе (70720, 74597, 72442 просмотров соответственно).

Больше всего лайков пользователи оставляли на информирование о проведенных мероприятиях, оперативные новости и инструкции. По количеству репостов лидирует такая форма, как «инструкции», подтверждая ранее выявленный тренд. Комментарийная активность в среднем была ниже, чем в сообществах активистов, комментарии размещалась активнее под постами «конкурсов и розыгрышей», что также отражает уже выявленную закономерность (см. рисунок 4).

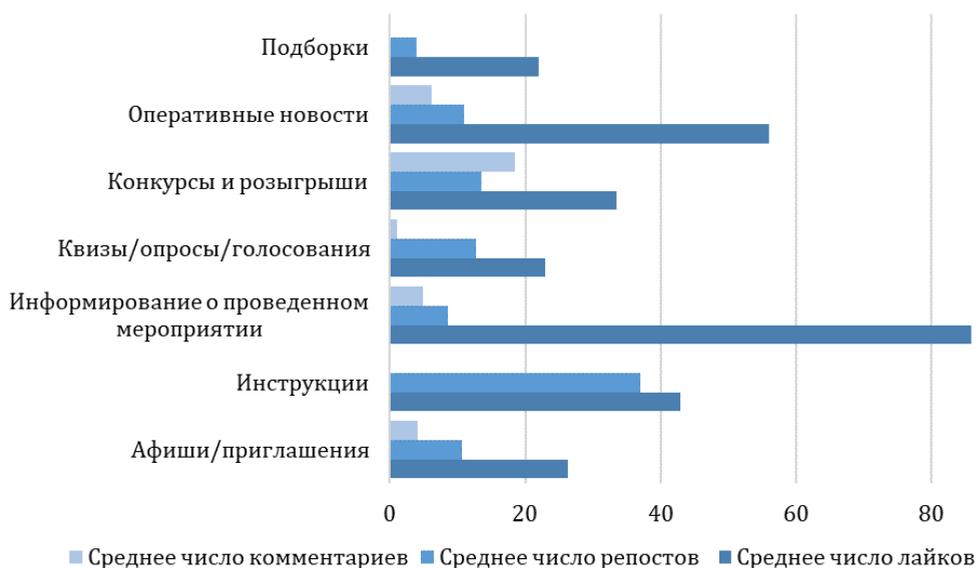

Рисунок 4. Показатели соцреакции пользователей на различных формах постов в сообществе «ЯРГУ СТУДКЛУБ».

Максимальная вовлеченность пользователей характерна для форм «конкурсы и розыгрыши» – 2,73 %, «оперативные новости» – 2,72 % и «инструкции» – 2,67 %.

Содержательно в сообществе выделено 10 различных акцентов, среди которых лидируют по числу публикаций «новостная повестка университета» (26 постов), регистрация на иные мероприятия (города/региона/страны) – 18 публикаций и реклама/скидки студентам – 17 постов. В этих же категориях на посты было поставлено больше лайков и репостов. Также социальная реакция в виде оценки «нравится» была высокой на поздравления, а активно делились еще организационными постами для студентов университета, абитуриентов и публикациями, анонсирующими регистрации на мероприятия вуза.

Через формы «афиши/приглашения» и «оперативные новости» подавалось большее число разнообразных смысловых содержаний. Например, через афиши освещались такие темы, как: новостная повестка университета, организационные посты для студентов университета, поддержка команды университета, регистрации на мероприятия, реклама/скидки студентам, участие в социально-значимых мероприятиях. В оперативных новостях, помимо перечисленных смысловых акцентов, также раскрывались тема поздравлений. Через форму «конкурсы и розыгрыши» подавали информацию о рекламе и скидках для студентов. А в интерактивных формах – «квизы/опросы/голосования» – освещались новости университета и организационные моменты.

Больше всего лайков собирали посты «информирование о проведенном мероприятии/ новостная повестка университета (события университета/достижения/итоги)» – 1267, оперативные новости/поздравления – 476, оперативные новости/новостная повестка университета – 428.

В основном онлайн-сообществе вуза делались репосты афиш/приглашений на регистрацию на мероприятия вуза (172), информирования о проведенном мероприятии/новостной повестки университета – 122. Эти же посты сопровождались значительным увеличением просмотров.

Вовлеченность пользователей была выше в таких постах, как:

- оперативные новости/поздравление – 5,15 %;
- оперативные новости/ поддержка команды университета – 4,22 %;
- инструкции/организационная информация для абитуриентов вуза – 3,77 %.

В марте большую долю публикаций занимали афиши, приглашения на мероприятия вуза, а постами с максимальной вовлеченностью стали поздравления. В апреле схожие тенденции с преобладанием афиш и приглашений. Летние периоды характеризуются увеличением развлекательного контента в таких форматах, как «квизы/опросы/голосования», «конкурсы и розыгрыши», «реклама для студентов».

Отметим, что в сообществе не использовались формат карточек, популярный в других сообществах, а также не зафиксирована тема «поддержки команды университета», также одна из часто транслируемых в группах активистов.

Более 80 % (75) публикаций содержит упоминание сторонних организаций, при этом такое упоминание не является репостом из другого онлайн-сообщества, а представляет собой уникальный, отдельно написанный пост с указанием наименования организации и ссылки на неё. Так же, как и в предыдущих группах, размещалась информация как от коммерческих, так и от некоммерческих компаний. Больше всего, особенно в летний период, публиковалась информация от К.Арт.ОН (33 публикации). Также были отмечены следующие организации: «Краса студен-

чества России», «Лофт» на Нахимсона, Росмолодёжь, центр гуманитарной помощи #МЫВМЕСТЕ, телеграм-канал «Самое время», школа «Гранат», «Ярославский резерв», «Киномакс-Аура», Клуб настольных игр, лофт, «Россия – страна возможностей», «Российская студенческая весна», Всероссийский студенческий конкурс «Твой Ход», Росмолодёжь.Гранты, Платформа «Другое Дело», «МедиаДрайверы».

Телеграмм-канал «ЯрГУ | Демидовский университет»

Телеграмм-канал университета, согласно данным TGStat, был создан в марте 2021 года, однако начал активное привлечение подписчиков и развитие с января 2022 г. В настоящее время число подписчиков меньше, чем в сообществах в социальной сети «ВКонтакте», – их число 2401. Данные программы также указывают, что 28 % подписчиков читают публикации сообщества, что коррелирует с данными, рассчитанными нами, где аналогичный показатель составляет 30 % (данные в таблице 1). В телеграмм-канале за 4 месяца было размещено максимальное число постов – 355 – по сравнению со всеми рассмотренными группами в ЯрГУ.

Отметим, что в мессенджере невозможно отследить количество репостов, поэтому вовлеченность считалась только из оценок и комментариев. Функционал Telegram предусматривает различные вариации оценок «нравится», которые выражаются в виде эмоджи. При рассмотрении публикаций не было выявлено эмоджи, выражающих негативное отношение к посту (дизлайков), поэтому оценка «нравится» – это сумма всех эмоджи на пост.

Отличие от сообществ в «ВКонтакте», наибольшая активность по размещению постов и соцреакции пользователей на них были в летние, каникулярные месяцы. Высокая вовлеченность фиксировалась в июле (3,88 %) (см. таблицу 11).

Таблица 11

Соцреакция и вовлеченность пользователей в телеграмм-канале «ЯрГУ | Демидовский университет»

Месяц	Число постов	Среднее число лайков	Среднее число комментариев	Среднее число просмотров	Вовлеченность
Март	52	12,2	4,0	599,1	2,70 %
Апрель	97	14,1	2,8	562,4	3,01 %
Июль	99	23,4	2,5	668,2	3,88 %
Август	107	25,3	3,2	956,1	2,99 %

В мессенджере было зафиксировано наибольшее разнообразие форм и содержания постов. 13 уникальных форматов публикаций использовалось для оформления контента. Среди них наиболее используемыми стали оперативные новости, опубликованные 120 раз; информирование о проведенном мероприятии – 65 публикаций, афиши/приглашения – 64 поста, квизы/опросы/голосования – 32 публикации и заявление/мнение/интервью руководителя/активиста организации – 30 записей, лонгриды – 20, подборки – 14.

Комментарийная активность в мессенджере в среднем равняется 3, такой показатель является наименьшим в ЯрГУ. Формой, на которую пользователи ставили большее число реакций, становились квизы, голосования, так как такие записи

предполагают прямое взаимодействие с аудиторией, эти же посты стали самыми комментируемыми (в среднем 4,3). Опять же квизы/голосования вовлекали максимальное число участников сообщества – 8,34 %. Также интересными для пользователей становились формы «инфографика» и «ответы на вопросы», где число положительных оценок было в среднем 22 и 20 соответственно.

Не способствовали оставлению реакций пользователей «инструкции», у таких публикаций вовлеченность стала самой маленькой и составила 1,35 %.

Содержательно мессенджер стал также самым разнообразным, за 4 месяца транслировалось 13 различных аспектов. При этом лидировала новостная повестка университета (194 поста), регистрационные формы на университетские мероприятия (29), а также учебная/образовательная информация (28) (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Количество публикаций по различным содержательным акцентам в телеграмм-канале «ЯрГУ | Демидовский университет».

Больше всего оценок, выражающих одобрение, ставили на «мемы/шутки» (75,8 в среднем), на «поздравления» (23,5) и на «организационные посты для студентов университета» (21,31), максимальное число комментариев было также на «мемы и шутки» (в среднем, 9).

Если говорить о вовлеченности, то пользователи активнее совершали пользовательские действия на постах развлекательного характера: каждый 12-й человек, просмотревший пост с мемами и шутками, поставил эмоджи или прокомментировал запись. Каждый третий пользователь оценил или прокомментировал поздравления и новостную повестку университета.

Рассматривая комбинации формы и содержания, заметим, что через форму «оперативные новости» продвигалось наибольшее число тем. В основном это организационная информация для студентов, выпускников и абитуриентов, новостная повестка университета, поздравления, поддержка команды университета. Единичной в таком формате стала подача развлекательного контента – рекламы, скидок для студентов. Абсолютное большинство публикаций в мессенджере – это «оперативные новости/новостная повестка университета» (72 поста), что подтверждает оперативно-новостную функцию телеграмм-канала.

Также часто размещалась информация о проведенном университетском мероприятии – 55 публикаций.

В формате «афиши и приглашения» в основном контент был посвящен регистрации на мероприятия вуза (17) или региональные, всероссийские конкурсы (29 публикаций).

Интересно отметить, что в телеграмм-канале наибольшая концентрация развлекательного контента (мемов/шуток) в интерактивных формах (квизы/опросы/голосования) – 12 таких публикаций. Этот же формат использовался для подачи новостной повестки университета в 12 постах.

Уникальными форматами телеграмм-канала, по сравнению с рассмотренными сообществами, можно считать публикацию лонгридов, то есть развёрнутых текстов с описаниями новостной повестки и учебной информации; лайфхаков или полезных советов об учёбе, а также подборок о студенческой жизни, ответов на вопросы и заявлений/мнений/интервью преподавателей по важным университетским событиям.

Подписчики ставили больше реакций на интерактивные формы подачи информации, в частности, на опросы/голосования/квизы по развлекательным темам (в среднем на мемах и шутках в форме квизов и голосований 77 положительных оценок, в то время как среднее число лайков по всем постам составляло 19,8).

Динамика размещения публикаций по месяцам демонстрирует увеличение развлекательного контента в летние месяцы. Например, в марте-апреле вообще отсутствуют мемы и смешные шутки, значительно превалирует новостная повестка университета с 77 публикациями и регистрация на мероприятия, где было 16 постов. В июле-августе сохраняется доминирование новостной повестки (117 публикаций), но при этом увеличивается число мемов/шуток (12), а одной из популярных форм становятся «квизы/опросы».

Доля упоминаний других организаций в мессенджере была наименьшей. Из 355 сообщений лишь 19 были про другие компании. Информация про них также не была размещена в виде репоста, а публиковалась от имени самого сообщества. Среди упомянутых в телеграмме каналов были следующие: «МедиаДрайверы», «ВЭБ. РФ», #РосмолодёжьГранты, Tele2, Приоритет 2030, Яндекс Практикум, «ЯрРезерв», «Сильные идеи для нового времени» от АСИ и Росконгресса, «Студенческий стартап», Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, «Краса студенчества».

Таким образом, сообщество «ВКонтакте» «СТУДКЛУБ ЯрГУ» и телеграмм-канал по сравнению с группами «Союза студентов» и «Профсоюзной организации обучающихся ЯрГУ» имеют более общую целевую аудиторию, которая включает в себя как студентов разных курсов, так и абитуриентов, выпускников, что приводит к снижению общей вовлеченности пользователей. В сообществе СТУДКЛУБ основными инфоповодами становилась учебная, организационная информация или новостная повестка, а часто используемым форматом публикаций были афиши/приглашения; оперативные новости. В группе практически отсутствовал развлекательный контент, не использовался формат карточек, популярный в других сообществах, а также не зафиксирована тема «поддержки команды университета» – одна из часто транслируемых в группах активистов.

Как и в сообществах активистов, вовлеченность пользователей выше в учебные месяцы. Больше всего лайков пользователи оставляли на информировании о проведенных мероприятиях, оперативные новости и инструкции. коммента-

рии размещались активнее под постами «конкурсов и розыгрышей», что также отражает уже выявленную закономерность.

Основной функцией телеграмм-канала выступает информирование пользователей о новостях университета. В телеграмм-канале было размещено наибольшее число публикаций, а также большее разнообразие используемых форм и содержаний постов. Наблюдалось увеличение публикаций в летний период, что могло быть результатом развития канала и попытками привлечения новых подписчиков. В мессенджере активно применяются интерактивные форматы подачи контента, в том числе учебного, организационного и новостного. Помимо прочего, в летние периоды возрастает число публикуемых мемов/шуток.

Выводы

В результате рассмотрения особенностей формы и содержания публикаций, размещаемых в учебные и каникулярные дни в студенческих сообществах Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, а также расчета коэффициентов вовлеченности пользователей и анализа социальной реакции пользователей удалось выявить следующие закономерности и тренды:

Расчет трех показателей вовлеченности пользователей в функционирование сообществ позволяет говорить о невысокой пользовательской активности. В среднем чуть меньше 3 % из просмотревших пост в группе оставляют ту или иную реакцию (комментарий, лайк или репост). От 50 до 30 % от числа пользователей видят размещенные в сообществе публикации, что может быть связано с автоматической выдачей записей в «ленте» социальной сети. Из полученных данных можем заметить, что пользовательская активность выше в сообществах с более четко выделенной целевой аудиторией и определёнными целями, то есть в группах союза студентов и профсоюзной организации студентов. Несмотря на то, что зачастую число публикаций в августе возрастало, вовлеченность пользователей оставалась выше в учебные месяцы.

Также один и тот же пользователь может оставить несколько видов реакций, что является невысчитываемым значением, поэтому в данном исследовании считается, что от одного пользователя возможна одна реакция.

Больше всего постов было размещено в мессенджере Телеграмм, для этого же сообщества характерно и наибольшее разнообразие контента по форме и содержанию. Исходя из рассмотрения динамики публикации постов, отметим, что мессенджер использовался для оперативного оповещения студентов о новостной повестке университета: формат «оперативных новостей» стал самым популярным и часто используемым. В телеграмм-канале, по сравнению с сообществами «ВКонтакте», внедрялись новые форматы публикаций такие, как: лонгриды, ответы на вопросы, лайфхаки и т. п. Учебный, организационный и новостной контент подавался в интерактивной форме в виде квизов/голосований. Однако вовлеченность пользователей в телеграмм-канале остается невысокой, что может быть связано с отсутствием такого механизма, как «репост», присущего социальным сетям, а также из-за недавнего активного использования и развития канала.

Почти во всех сообществах развлекательный контент «мемы, шутки» публиковался в летний период и набирал большее число социальных реакций пользователей. В группах активистов преимущественно популярными и часто используемыми были посты поддержки команды университета, поздравления и новостная

повестка. В «ЯрГУ СТУДКЛУБ» основными форматами становились афиши/приглашения и оперативные новости.

Отдельные форматы и содержание постов способствуют получению определенных действий со стороны пользователей. Изученные данные свидетельствуют, что квизы, опросы, голосования, освещающие развлекательный контент, и конкурсы/розыгрыши различных бонусов для студентов результативно использовать для повышения комментарийной активности, так как зачастую такие посты включают в себя прямой механизм взаимодействия с аудиторией (чтобы принять участие, необходимо поставить лайк, сделать репост и т. п.). Репосты чаще всего делали на публикации, содержащие инструкции, афиши, подборки, то есть сохранялся тот контент, который содержал полезную для студентов информацию. При этом репосты не сопровождалась в большинстве случаев увеличением среднего числа просмотров, что позволяет делать вывод об их сохранении в личные чаты.

Во всех рассмотренных онлайн-сообществах размещались посты, содержащие информацию о других компаниях и организациях. Все они были опубликованы посредством создания новой, уникальной записи, а не репоста. Публикации, как правило, содержат информацию от коммерческих и некоммерческих компаний, полезную для студентов. Такие записи публиковались от имени администратора группы и содержали упоминание и ссылку рекламируемой компании. Отметим, что все сообщества в ЯрГУ модерятся администраторами, а свободное размещение публикаций пользователей на стене сообщества невозможно.

Сообщества, которые отмечаются в публикациях групп различных сообществ, как правило, не повторяются между собой, то есть в большинстве своем уникальны. Общими для всех стали проекты Росмолодежи.

Таким образом, учет специфики популярности отдельных форм публикаций и их содержания, а также наиболее подходящих временных отрезков для продвижения и подачи информации может помочь в привлечении новых пользователей и интереса подписчиков к деятельности онлайн-сообщества.

Ссылки

1. Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России // WebCanape. 30.01.2023. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 01.02.2023).

2. Едакин А. Аудитория Телеграма в 2022 году: насколько выросла и как это использовать бизнесу // SMMplanner – Блог о маркетинге в социальных сетях. 08.07.2022. URL: <https://smmplanner.com/blog/auditoria-tielieghrama-v-2022-ghodu-naskolko-vyroslo-i-kak-etopolzovat-biznesu> (дата обращения: 01.02.2023)

3. Duffy B. E., Chan N. K. «You never really know who's looking»: Imagined surveillance across social media platforms // *New Media and Society*. 2018. V. 21, No. 1. P. 119–138. DOI: 10.1177/1461444818791318

4. Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2013. 800 с.

5. Кришталь М. И., Щекотуров А. В. Мотивы и особенности кросс-платформенной самопрезентации российских студентов // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4, № 1. С. 24–30.

6. Шумилин В. П., Шумилина Н. Г. Влияние социальных сетей на процесс обучения студентов // *Вестник педагогических наук*. 2021. № 8. С. 83–87.

7. Рублёва Ю. Ю. Формирование обучающихся сообществ как педагогическая проблема // Мир науки. 2016. Т. 4. № 2. С. 37.
8. Кожанова В. П., Фомина С. Н. Значимость молодёжных научных сообществ в профессиональном самоопределении учащихся школ и студентов вузов // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2018. Т. 17, № 4. С. 100–107. DOI: 10.17922/2071-5323-2018-17-4-100-107
9. Кутовая С. В. Воспитательные возможности молодёжных полиэтнических сообществ в социально-культурном пространстве региона // Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 89–93.
10. Никитенко В. Н., Соловченко С. А. О воспитательных возможностях молодёжных полиэтнических сообществ // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17, № 2. С. 149–153. DOI: 10.31079/1992-2868-2020-17-2-149-153.
11. Баева Л. В. Мир ценностей геймера: аксиологический портрет поклонников компьютерных игр // Информационное общество. 2014. № 2. С. 27–34.
12. Хашаева С. В., Ковальчук О. В., Дагаев Р. Р. Политическая активность региональной молодёжи // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46, № 4. С. 668–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-668-678
13. Петров В. Е. Практики праздности, недеяния и эскапизма в молодёжных сообществах XX в. как стратегии элитизации личности // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63. С. 10–13.
14. Гамбеева Ю. Н., Сорокина Е. И. Цифровая трансформация современного образовательного процесса // Известия ВГПУ. 2020. № 5. С. 35–43.
15. Развитие молодёжных сообществ в экосистеме университета – ресурсы, проекты и риски / А. В. Кирьякова, Н. А. Каргапольцева, И. Д. Белоновская, С. А. Дужников // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 8-9. С. 116–136. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-116-136
16. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Лукушин В. А. Совершенствование системы управления цифровой инфраструктурой университета: практика сетевого анализа // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 2. С. 61–79. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-2-61-79
17. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Лукушин В. А. Таргетирование в онлайн-сетевом брендинге российских университетов: масштабы влияния на общественное сознание // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 6. С. 86–93. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-86-93
18. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Т. Э. Петрова и др. // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 12. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22
19. Овчинникова И. Г. Коммуникация и идентификация в социальных сетях: факторы, типы, национально-культурная специфика (на материале социальной сети Твиттер) // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 2. С. 143–156.
20. Топильская О. А. Оценка уровня интернет-аддикции у студенческой молодежи: диагностический инструмент // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». 2021. Т. 20, № 1. С. 52–60. DOI 10.20310/1810-231X-2021-20-1(47)-52-60

Nonprofit Organizations and Political Protest: Social Media Coverage of Protest Action by Public Organizations

N. V. Kraynova¹, D. A. Prusov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-176-185

Research article
Full text in Russian

There are quite a few groups of actors in Russia who have their own unique interests and influence the country's political system. In general, all interests can be divided into three large clusters: state, commercial, and public. However, it should be noted that often these interests do not coincide with each other, which can lead to conflict situations. In such cases, one of the response options may be the use of various forms of protest, including rallies, marches and pickets. These forms of protest are widely used by both citizens and domestic nonprofit organizations. This article examines how nonprofit organizations cover protests that occurred between 2020 and 2022. The authors examine the different approaches these organizations take to draw attention to the issues they face. Nonprofit organizations are uniquely positioned to draw attention to important issues and changes in the country, and to work for the public good. They can act as a powerful tool for civic engagement. In this article we also look at the various forms of protest that nonprofit organizations use and how they can influence the political life of the country.

Keywords: non-profit organizations; political parties; public organizations; forms of protest; rally; march; picket; social media

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kraynova, N. V. | E-mail: nvkrainova@mail.ru
Cand. Sc. (Politics)

Prusov, D. A. | E-mail: prusov2013@yandex.ru
Graduate

For citation: Kraynova N. V., Prusov D. A. Nonprofit Organizations and Political Protest: Social Media Coverage of Protest Action by Public Organizations // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 176-185. (in Russ.)

Некоммерческие организации и политический протест: освещение форм протестных компаний в социальной сети «ВКонтакте»

Н. В. Крайнова¹, Д. А. Прусов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-176-185
УДК 347.471

Научная статья
Полный текст на русском языке

В России существует достаточно много групп субъектов, которые обладают своими уникальными интересами и влияют на политическую систему страны. В целом все интересы можно разделить на три больших кластера: государственные, коммерческие и общественные. Однако следует отметить, что часто эти интересы не совпадают между собой, что может привести к конфликтным ситуациям. В таких случаях одним из вариантов реагирования может стать использование различных форм протеста, включая митинги, шествия и пикеты. Данные формы протеста широко используются как гражданами, так и отечественными некоммерческими организациями. В данной статье рассматривается, как некоммерческие организации освещают протестные акции, которые произошли в период с 2020 по 2022 годы. Авторы рассматривают различные подходы, которые эти организации используют для привлечения внимания к проблемам, с которыми они сталкиваются. Некоммерческие организации имеют уникальную возможность привлекать внимание к важным проблемам и изменениям в стране, а также работать на благо общества. Они могут выступать в качестве мощного инструмента гражданской активности. В этой статье также рассмотрены различные формы протеста, которые используются некоммерческими организациями, и возможности их влияния на политическую жизнь страны.

Ключевые слова: некоммерческие организации; политические партии; общественные организации; формы протеста; митинг; шествие; пикет; социальные сети

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крайнова, Н.В. | E-mail: nvkrainova@mail.ru
Кандидат политических наук, доцент

Прусов, Д.А. | E-mail: prusov2013@yandex.ru
Магистрант

Для цитирования: Крайнова Н. В., Прусов Д. А. Некоммерческие организации и политический протест: освещение форм протестных компаний в социальной сети «ВКонтакте» // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 176-185.

Введение

Современная политическая система России носит гетерогенный характер. Это означает, что в ней присутствует достаточно большое количество субъектов, обладающих различными интересами. Как правило, все интересы субъектов политической системы можно разделить на три большие сферы: государственные интересы, бизнес-интересы и общественные интересы. При этом важно понимать и осознавать, что абсолютно каждый из субъектов политической системы стремится максимально полно удовлетворить свои интересы. Поскольку политических участников много, то не всегда удается избежать ситуаций, когда кто-то нарушает интересы других акторов, что, в свою очередь, приводит к конфликту.

Стоит отметить, что конфликты между субъектами политической системы происходят достаточно часто. Большинство отечественных исследователей отмечает тот факт, что конфликты в политической системе могут быть двух видов (работы С. А. Шведова, Д. А. Абгаджавы и других) [1, с. 185; 2, с. 36]. Во-первых, конфликты могут носить институализированный характер. Это означает, что конфликтная ситуация известна и поведение субъектов политической системы в ней регулируется определенными институтами. В качестве примера мы можем привести конфликтные ситуации, которые возникают между различными бизнес-структурами по коммерческим вопросам. В данном случае такой конфликт будет носить институциональный характер, так как правила поведения субъектов в нем будут регулироваться нормами законодательства и определенными институтами, которые будут отслеживать соблюдение данных правил (например, арбитражный суд, прокуратура, банковские структуры и т. п.). Во-вторых, можно говорить о том, что существуют неинституциональные конфликты, которые по какой-либо причине не могут регулироваться нормами права. Сюда мы отнесем межличностные конфликты политических лидеров или же целых социальных групп.

В рамках данного исследования мы более детально остановимся на рассмотрении одной из возможных форм институализированного конфликта, а именно политического протеста. Тема политического протеста в отечественной политологии изучается достаточно давно, но при этом до сих пор нет единого определения данного термина.

Приведем несколько определений политического протеста. Например, под протестом можно понимать систему коллективных действий, направленных на изменение исполнительной, представительной или законодательной власти [3, с. 203]. Также мы можем определить политический протест как совокупность рациональных и иррациональных действий, совершаемых людьми для публичного выражения своего недовольства ситуацией или изменения этой ситуации [4, с. 350]. Помимо этого, политический протест – это детерминированное несовпадение жизненно важных интересов и невозможность эгалитарного удовлетворения витальных и высших потребностей, отклонение или преступление официально императивированного и фактически сложившегося в данном социуме политического стандарта [5, с. 83]. На основе приведённых нами определений мы можем сделать вывод о том, что политический протест – это определенная форма гражданского участия, которая выражается в коллективном действии, направленном на изменение политической системы или её отдельных элементов.

Так, протест, с одной стороны, может способствовать решению определенных противоречий между субъектами политической системы, с другой стороны, наоборот, может усугубить их, и сказать точно, в какую сторону он будет развиваться, практически невозможно. Такая неоднозначность связана с достаточно обширной методологической базой изучения роли конфликтов, следовательно, протестов в обществе.

Методология

В общественных науках можно выделить несколько основных подходов относительно роли конфликта в обществе. Первый методологический подход, который мы рассмотрим, основывается на концепции марксистского антагонистического противостояния классов. Карл Маркс и его сторонники считали, что в основе всех общественно-политических процессов лежит дуалистическое противостояние двух социальных групп (угнетатели и угнетаемые). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что протест в интерпретации данной методологии будет рассматриваться как конфликтная ситуация, создаваемая угнетаемыми, в результате несправедливого распределения ресурсов в пользу угнетателей. При этом стоит заметить, что марксистский подход к изучению конфликтов подвергается жесткой критике по нескольким направлениям [6, с. 13].

Во-первых, современные социальные классы перестали быть обособленными и однородными группами. В современном мире мы можем наблюдать тот факт, что в общественных группах присутствует процесс диффузии, стирающий рамки между классами. Во-вторых, наблюдается процесс становления и расширения так называемого среднего звена. Это означает, что в результате подобного наращивания оба основных класса становятся еще более сложными и неоднородными образованиями. В-третьих, изменение возможностей социальной мобильности. В классической теории марксизма положения индивида было детерминировано его семейным происхождением. В современном же мире человек стал более мобильным в социальном плане и не привязан к какому-либо социальному слою. В-четвертых, массовое развитие гражданских прав повлияло на процессы классовой дифференциации. Перечисленные положения критики показывают нам, что применять данную методологию по отношению к современным протестам в России не совсем корректно.

Теперь рассмотрим другой методологический подход к изучению конфликта, а именно конфликтную модель Ральфа Дарендорфа. В отличие от классового подхода Карла Маркса к изучению конфликтов, в основе которого лежат экономические противоречия, в основе этой методологии – политические противоречия. Ральф Дарендорф считал, что основной причиной общественных конфликтов, а протесты, как мы знаем, к ним относятся, являются противоречия интересов различных социальных групп и распределение власти среди них [7, с. 41]. При этом англо-немецкий мыслитель был уверен в том, что в основе любого общества заложена основа для конфликтных ситуаций. Это связано как раз-таки с неравномерным распределением различных благ, социальных статусов и тому подобное. Данная методологическая основа больше всего подходит для нашего исследования, поэтому именно на ее базе будет осуществляться дальнейший анализ.

Также отдельно стоит отметить работы отечественных исследователей, которые рассматривали некоммерческие организации как субъекты протестных компаний. Так, В. Д. Бедерсон, изучал участие некоммерческих организаций в полити-

ческих протестах [8], а О. Ю. Отрокова рассматривала влияние деятельности НКО на снижение протестной активности молодежи [9].

Формы участия некоммерческих организаций в протестах

Как мы уже установили, протест – это определенная конфликтная ситуация, затрагивающая интересы нескольких субъектов. Как правило, в протестной кампании участвуют граждане, но при этом мы не можем отрицать тот факт, что и организации могут быть задействованы в ней. Одним из таких видов юридических лиц, которые могут принимать участие в протестных акциях, являются некоммерческие организации (НКО).

Некоммерческие организации выступают в качестве определенного института гражданского общества, который способствует реализации интересов различных социальных групп. На данный момент в Российской Федерации официально зарегистрировано более 210.000 НКО. Если посмотреть на статистику организационно-правовых форм, то мы увидим, что большая часть из них зарегистрированы как общественные организации (58.601), религиозные организации (32.202) и авто-

номные некоммерческие организации (36.755) [10]. Более же детальное распределение по организационно-правовым формам представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Распределение НКО по организационно-правовым формам.

Из приведённой диаграммы мы видим, что автономные некоммерческие организации, религиозные организации и общественные организации составляют примерно 61 % от всего некоммерческого сектора России. Такое распределение по организационно-правовым формам может свидетельствовать о том, что, во-первых, на данный момент времени существует тенденция к образованию корпоративных некоммерческих организаций, во-вторых, граждане стремятся реализовать свои интересы путём объединения в группы по интересам и предоставлению различных услуг [11, с. 72].

Также отметим, что к корпоративным некоммерческим организациям (те, в которых обязательно наличие членства) можно отнести и политические партии. Если

вспомнить определение политической партии, то мы сможем обнаружить, что она обладает всеми отличительными чертами корпоративной НКО. К таким чертам относятся: обязательное членство, высший орган управления – общее собрание членов, постоянно действующий исполнительный орган формируется на выборной основе, решение о создании организации принимается на общем собрании участников.

Политические партии – одни из самых активных некоммерческих организаций в политическом процессе. При этом отметим, что большинство современных политологов все чаще говорит нам об определенной тенденции к снижению влияния партий на ход политического процесса и на уровень доверия населения к данному политическому институту [12, с. 44]. Несмотря на это, мы можем констатировать тот факт, что политические партии до сих пор выступают в качестве гаранта и драйвера развития демократических основ государства.

Основной формой участия партий в политическом процессе являются выборы, но помимо этого они могут использовать и другие способы участия в политическом процессе. Например, протестные компании. В рамках протестных кампаний партии могут использовать достаточно большое разнообразие форм протестной активности, например, относятся митинг, шествие, пикет [13, с. 105].

На сегодняшний день в Российской Федерации официально зарегистрировано 1882 региональных отделений политических партий [10]. Конечно же, большинство из них – это региональные отделения таких парламентских партий, как Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, СПЗП, Новые люди и партия Роста.

Если мы посмотрим на распределение мест в Государственной Думе VIII созыва, то сможем выявить определенную партийную дихотомию (правлящий-оппозиционный). К оппозиционным партиям можно отнести КПРФ, ЛДПР, СПЗП, Новых людей и партию Роста, и поскольку протестная кампания, как правило, реализуется чаще всего именно оппозицией, то нам необходимо обратиться к этим партиям.

Для анализа их протестных кампаний мы обратились к их сообществам в социальной сети «ВКонтакте». Данная социальная сеть была выбрана не случайно. Выбор связан с тем, что «ВКонтакте» является самой массовой и используемой социальной сетью в России [14].

В ходе контент-анализа официальных сообществ оппозиционных политических партий в социальной сети «ВКонтакте» нами были получены результаты, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Формы протестных кампаний (политические партии)

Название партии	Формы протеста		
	Митинг	Шествие	Пикет
ЛДПР	12	8	17
КПРФ	10	4	10
СПЗП	0	0	1
Новые люди	0	0	1
Партия Роста	3	0	1

Как видно из табличных данных, наиболее популярной формой протестной кампании среди оппозиционных партий является пикет. Можем предположить, что распространённость данной формы протеста связана, во-первых, с тем, что на ее проведение (одиночный пикет) не требуется разрешение со стороны администрации населенного пункта, во-вторых, не требуется серьёзной мобилизации ресурсов политической партии. При этом отметим, что партии в целом редко используют различные формы протеста в своей деятельности. Совокупное число упоминаний за временной период 2020–2022 составляет для ЛДПР 37, КПРФ – 24, СПЗП – 1, Новые люди – 1 и партия Роста – 4.

Участие общественных организаций в протестных кампаниях

Также в политические процессы включены и общественные организации [15, с. 205]. Выше мы уже установили, что в России на сегодняшний день зарегистрировано 58.601 некоммерческих организаций в данной организационно-правовой форме. Конечно же, не все из них ведут политическую деятельность. Для определения возможности участия НКО в политической деятельности обратимся к российскому законодательству. В Российской Федерации действует Федеральный закон от 02.06.2016 № 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях»», в котором чётко установлены границы политической деятельности некоммерческих организаций. Исходя из текста данного нормативно правового акта, к политической деятельности НКО относятся¹:

1. Организация собраний, демонстраций, шествий, пикетов, публичных дебатов, дискуссий, выступлений или участие в них.
2. Участие в деятельности, направленной на получение определенного результата на выборах, референдуме или наблюдении за проведением выборов и референдума.
3. Публичные обращения к государственным органам власти, органам местного самоуправления, их должностным лицам, а также иные действия, оказывающие влияние на деятельность этих органов.
4. Распространение мнений о принимаемых государственными органами решениях и проводимой ими политике.
5. Формирование общественно-политических взглядов и убеждений, в том числе путем проведения опросов общественного мнения и обнародования их результатов или проведения иных социологических исследований.
6. Вовлечение граждан, в том числе несовершеннолетних, в политическую деятельность.
7. Финансирование политической деятельности.

Мы уже говорили, не все некоммерческие организации участвуют в политическом процесс, поэтому обратимся к НКО, осуществляющим политическую деятельность и признанным государством иностранными агентами.

---

¹ Федеральный закон РФ от 02.06.2016 N 179-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [Текст] // Российская газета. 2016. № 121.

Данный правовой статус присваивается лицу, получившему поддержку и (или) находящемуся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющему политическую и иные виды деятельности, установленные законодательством².

На данный момент в России официально зарегистрировано более 1.000 общественных организаций, имеющих статус иностранного агента [16]. Для анализа мы возьмем только те НКО, которые подали отчетность за 2022 год в Министерство юстиции РФ, занимаются политической деятельностью и имеют официальное сообщество в социальной сети «ВКонтакте». В таблице 2 представлено количество публикаций, освещающих протестные акции, в официальных группах общественных организаций, имеющих статус иностранного агента.

Таблица 2

Формы протестных кампаний (общественные организации, имеющие статус иностранного агента)

Название организации	Формы протеста		
	Митинг	Шествие	Пикет
Межрегиональная общественная организация Информационно-просветительский центр «Мемориал»	2	0	11
Санкт-Петербургская общественная правозащитная организация «Гражданский контроль»	0	0	0
Межрегиональная общественная правозащитная организация «Человек и Закон»	0	0	0
Региональная общественная организация помощи женщинам и детям, находящимся в кризисной ситуации Информационно-методический центр «Анна»	0	0	0
Общероссийская общественная организация консерваторов «Российский социально-консервативный союз»	0	0	0
Некоммерческая Организация Фонд «Правовая инициатива»	1	0	0
Фонд в защиту прав заключенных	0	0	0

² Федеральный закон РФ от 14.07.2022 N 255-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Текст] // Российская газета. 2022. №154-155.

Как мы видим из представленной таблицы, общественные организации так же, как и политические партии, редко используют различные формы протеста. На момент исследования наиболее активной является некоммерческая организация «Мемориал» (иностранный агент), у которой оказалось 13 актов использования форм протеста.

Выводы

В заключение хотелось бы еще раз отметить тот факт, что в протесте могут принимать участие не только граждане, но и некоммерческие организации. На данный момент зарегистрировано более 210.000 НКО, и они могут использовать достаточно разнообразные формы протеста, к которым, например, относятся митинг, шествие и пикет.

Наиболее полно в политическую систему включены политические партии, которые также могут участвовать в протестных кампаниях и организовывать их. Отметим, что партии в целом редко используют различные формы протеста в своей деятельности. Исходя из данных, полученных в ходе проведенного нами анализа официальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте», мы можем сказать, что совокупное число упоминаний форм протестных компаний (пикет, шествие и митинг) за временной период 2020–2022 годы составляет для ЛДПР – 37, КПРФ – 24, СПЗП – 1, Новых людей – 1 и партии Роста – 4.

То же самое касается и общественных организаций, имеющих статус иностранного агента. В ходе анализа официальных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» нам удалось установить, что такие некоммерческие организации практически не упоминают об участии в протестных кампаниях. Наибольшее число упоминаний об использовании различных форм протеста было обнаружено у некоммерческой организации «Мемориал» (иностранный агент).

Ссылки

1. Шведова С. А. Особенности конфликтов в сфере государственного управления // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 5. С. 184–189.
2. Абгаджавя Д. А. К определению понятия «политический конфликт» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2005. № 3. С. 31–37.
3. Porta D., Vittorio D. Social Movements: An Introduction. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 345 с.
4. Пустошинская О. С. Политический протест как концепт: проблема дефиниции // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1-2. С. 83–87.
5. Руденкин Д. В. Политический протест как объект анализа социально-гуманитарной науки: основные концептуальные подходы // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 9. С. 345–354.
6. Батуренко С. А. Теории социального порядка и социального конфликта в истории социологической мысли // Социология. 2018. № 2. С. 9–14.

7. Кольба А. И. После 2009: современные тенденции управления социальными конфликтами в контексте теории Р. Дарендорфа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 1. С. 39–53.
8. Бедерсон В. Д. НКО в современной России: анализ участия в политических протестах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 163–182.
9. Отрокова О. Ю. Участие в деятельности общественных институтов как фактор снижения протестной активности молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 1. С. 23–26.
10. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 02.02.2023).
11. Исаева Е. А., Соколов А. В. Государственная поддержка правозащитных НКО (На примере Ярославской области) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 71–75.
12. Никитенко А. И. Место современных политических партий в политической системе общества // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 40–47.
13. Михалева Г. М. Уличные акции в инструментарии партий // Коммуникология. 2016. Т. 4, № 4. С. 104–115.
14. Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации // ВЦИОМ. 18.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messendzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii> (дата обращения: 02.02.2023).
15. Крайнова Н. В., Прусов Д. А. Роль некоммерческих организаций в современном политическом процессе России // Современное российское общество: социально-политические тренды и вызовы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 30-летию факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2021. С. 204–208.
16. Отчеты НКО, выполняющих функции иностранного агента // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: http://unro.minjust.ru/NKOReports.aspx?request_type=inag (дата обращения: 03.02.2023).

Relationship between immigrant integration and socioeconomic indicators of European immigrant-receiving countries

M. Afzali¹, S. V. Ryazantsev¹, N. A. Bezverbnaya¹

¹Institute for Demographic Research, FCTAS RAS, 6 Fotieva str., building 1, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-186-199

Research article
Full text in English

Integration is a two-way process depending on host countries, and the immigrants. Immigrants' successful integration in the host countries is an important issue bringing benefits for both immigrants and the host countries. Immigrants receiving countries' migration policies, actions, and peoples' perception towards accepting foreign citizens is an essential factor in the successful integration process. However, the integration process in a specific geographical region, such as Europe, also differs from one country to another. The integration process depends on the socioeconomic position, and development of the host and home countries. It also depends on the types of migration, migrants' status, etc. Therefore, this study tries to investigate and explain the typology and socioeconomic characteristics of European immigrant receiving countries regarding integration policies. It discusses the relationship between Human Development Index, Inequality-adjusted Human Development Index, Social Progress Index, Gross National Income, Internet users % of the population, Ranking of Happiness, Happiness Ranking for the Foreign-Born, KOF Globalization index, and Migrant Integration Policy Index (MIPEX). This study uses a descriptive-analytical method, to show the socioeconomic characteristics of European immigrant-receiving countries. To show the strength of the relationship between the indexes, the study used pairwise correlation analysis (sig. level, 0.01). The main results of the study show that Northern and Western European countries have more favorable integration policies for immigrants than Southern and Eastern European countries. Moreover, there is a mutual positive interrelationship between all the indexes. The happier the citizens of the host countries are, the happier the immigrants are and the more favorable the integration policies are for immigrants.

Keywords: integration; acculturation; migration; migrant; immigrant; development; Europe

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Afzali, M. | E-mail: MehdiAfzali1991@gmail.com
(corresponding author) | Cand. Sc. (Sociology)

Ryazantsev, Segrey V. | E-mail: riazan@mail.ru
| RAS Corresponding Member, Doc. Sc. (Economics), Professor

Bezverbnaya, Natalia A. | E-mail: n.bezverbnaya@yandex.ru
| Cand. Sc. (Sociology)

For citation: Afzali M., Ryazantsev S. V., Bezverbnaya N. A. Relationship between immigrant integration and socioeconomic indicators of European immigrant-receiving countries// Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 186-199.

Взаимосвязь интеграции иммигрантов и социально-экономических показателей европейских стран

М. Афзали¹, С. В. Рязанцев¹, Н. А. Безвербная¹

¹Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, ул. Фотиевой, 6, корпус 1, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-186-199
УДК 316

Научная статья
Полный текст на английском языке

Интеграция – двусторонний процесс, зависящий от иммигрантов и принимающих стран. Миграционная политика, действия и отношение населения принимающих стран к взаимодействию с иностранными гражданами являются важным фактором успешного процесса интеграции. Процесс интеграции в Европе имеет отличия от страны к стране и зависит от социально-экономического положения и развития принимающих стран и стран базирования, а также от видов миграции, статуса мигрантов и т. д. В статье предпринята попытка исследовать типологию и социально-экономические характеристики европейских стран в отношении политики интеграции иммигрантов. Анализируется взаимосвязь между Индексом человеческого развития, Индексом человеческого развития с поправкой на неравенство, Индексом социального прогресса, ВВП, процентом пользователей Интернета, рейтингом счастья, рейтингом счастья для лиц иностранного происхождения, индексом уровня глобализации (KOF Globalization Index) и индексом политики интеграции мигрантов (MIREX). Исследование проведено на основе описательно-аналитического метода, который использован для оценки социально-экономических показателей европейских стран, принимающих иммигрантов. Также в исследовании использовался попарный корреляционный анализ для оценки взаимосвязи между индексами (sig. уровень, 0,01). Основные результаты исследования показывают, что страны Северной и Западной Европы проводят более благоприятную политику интеграции для иммигрантов, чем страны Южной и Восточной Европы. Более того, между всеми индексами существует взаимная положительная взаимосвязь, т. е. чем счастливее граждане принимающих стран, тем счастливее иммигранты и тем более благоприятной является политика интеграции для них.

Ключевые слова: интеграция; аккультурация; миграция; мигрант; иммигрант; развитие; Европа

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Афзали, Мехди	E-mail: MehdiAfzali1991@gmail.com Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
Рязанцев, Сергей Васильевич	E-mail: riazan@mail.ru Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией (Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН), заведующий кафедрой демографической и миграционной политики (МГИМО)
Безвербная, Наталья Александровна	E-mail: n.bezverbnaya@yandex.ru Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Для цитирования: Афзали М., Рязанцев С. В., Безвербная Н. А. Взаимосвязь интеграции иммигрантов и социально-экономических показателей европейских стран // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 186-199. (на англ. яз.)

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Introduction

The estimated number of international migrants has drastically increased over the last 50 years and reached 281 million people in 2021, which is 3.6 % of the world's population. Europe as the largest destination for international migrants; hosts more than 87 million migrants, almost 31 % of the global migrant population, live in Europe. European countries play an essential role in the world's migration process, patterns, and trends, that shows the need to develop policies to facilitate migration problems, and the integration process of international migrants. Migration and integration policies worldwide could positively or negatively change the migration patterns. It can end with a lack of access to socio-economic resources, fewer jobs, poor health, and missed opportunities for immigrants [1], and it affects the host countries' population.

Host countries' role in welcoming immigrants is essential to attracting and retaining them. However, the immigrant's integration process is a two-way process that depends on the immigrants themselves and the host countries' population and policies. Although immigrants compensate for the demographic loss of European countries, increase productivity and economic growth [2]. Today, European countries face criticism from media, political parties, and nationalists because of the socioeconomic conditions religious, cultural, and language differences between the immigrants and population of the host countries [3]. Therefore, the cultural heterogeneity in countries and economic disparities have always been the core of migrant integration debates. The cultural heterogeneity affects both citizens of host countries who are skeptical about the benefits of immigration and immigrants who find it difficult to be integrated into a new society [4]. Therefore, the integration of immigrants in contemporary society is essential for the host countries to benefit from immigration. Because the more they are integrated, the more they can bring advantages to the host countries¹.

Many studies show the role and responsibility of immigrants during the integration process. However, the contribution of host countries in accepting immigrants is as vital as the role of immigrants. Finding socioeconomic characteristics of immigrant-receiving countries provides a snapshot of countries' development positions in the world. It helps the countries to know what direction they are behind, what they need to change, etc. And immigrants can understand which countries have the most suitable situation and favorable policies in attracting and retaining immigrants. Therefore, this study aims at investigating and explaining the socioeconomic characteristics and typology of immigrant-receiving countries in Europe. To better understand and compare the position of the countries in terms of integration policies and socioeconomic development in Europe, we also categorize the countries in four geographical locations, Northern, Southern, Eastern, and Western Europe.

Literature review

In the study of M. Shamsuddin and M. S. Katsaiti, Germany, with a shrinking population and a rising dependency ratio, needs young migrants, willing and able to integrate within the society and actively participate in its economic progress. To devise successful immigration and integration policies, policymakers should be aware of the factors affecting migrants' intentions and decisions. They explore the impact of different measures of subjective well-

---

¹ World Bank, 2018. Moving for Prosperity: Global Migration and Labor Markets. Policy Research Report. World Bank, Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29806/9781464812811.pdf>.

being on the intended duration of migration stay. Also, they utilize more detailed data on the year length of the intended stay. This way, they could estimate the marginal effects of happiness on each additional year of stay. They found out that migrants who are happy with life tend to stay permanently in the host country. Also, results suggested that spouse residence location, education, and personal income affect male intentions to remain, while peer income and the number of children affect female preferences to stay. Depending on government priorities and country needs, mainly in the labor market, identifying the determinants of stay decisions allows policymakers to formulate policies encouraging or discouraging certain groups to stay in Germany longer. Ideally, the source country would be interested in incentivizing the high-skilled, highly productive employees to stay for economic and social reasons [5].

Regardless of public opinion, welcome, and perceptions of the ability to integrate, the host country needs immigrants to integrate fully and efficiently, and it is a shared responsibility between the host and the immigrant. The host must provide the opportunity and resources for integration in exchange for the economic benefits offered by the immigrant; the immigrant must utilize these resources and make a commitment to the host country in exchange for expected opportunities. Both must work in tandem for the success of the integration process [6].

In another study among a sample of Polish residents and households, the impact of individual and household subjective well-being on the ex-ante international migration intentions and ex-post actual migration decisions analyzed. Results showed that unhappier persons were more likely to intend to migrate abroad but that this individual unhappiness did not mean that intentions materialized into actual migration in subsequent years. They also showed that the average level of (un)happiness within a household and individuals' relative position in terms of subjective well-being within the family significantly impacted migration intentions. Still, the effect of unhappiness on actual migration was found only for some sub-groups such as women and currently employed individuals [7]. Consequently, the relationship between Poland's labor market situation and international migration is not straightforward. Although some individuals left Poland because of poor economic prospects, many others moved abroad only for temporary stays, as it is reflected in research. Moreover, despite Poland's economic boom, the twenty-first century's second decade was still marked by a substantial increase in Poles temporarily residing abroad, from 2.06 million in 2011 to 2.46 million in 2018 [8].

The study of A. Tatarko et al. based on European data uses multilevel analysis to clarify the relations between migrant integration policy (both as a whole and its eight separate components) and the subjective well-being of the non-immigrant population in European countries. They examined relations between the Migrant Integration Policy Index (MIPEX) for 22 countries in Europe and subjective well-being, as assessed by the European Social Survey (ESS) data. The results demonstrated a positive relation between the MIPEX and subjective well-being for non-immigrants. Researchers considering different components of the MIPEX separately, found out that most of them are positively related to the subjective well-being of non-immigrants. As no negative relationship was identified between any of the eight MIPEX components and subjective well-being, policies favoring immigrant integration also seem to benefit from the non-immigrant population [9].

Many European countries have declared a retreat from the efforts to maintain and develop multicultural policies with outright claims that immigrants are rarely fully involved in host countries, which leads to an obstacle to the unity of society and social

integration. Accordingly, they have shifted their focus from multicultural to immigrant integration. The retreat can be regarded as a new version of multiculturalism because of the similarity between the two policies. Still, the explicit main goal of the immigrant integration policies is to foster social cohesion and solidarity for both social integration and immigrants' adaptation to new countries. The study of S. Choi and Y. K. Cha finds that well-developed integration policies in education increase immigrant students' patriotic pride and consequently narrow the gap between native and immigrant students in terms of patriotic pride. The extent to which immigrant students are integrated into host countries partly depends on how the government provides them with a supportive environment and opportunities to participate in host countries actively [10].

On the one hand, education is influential for immigrant integration because the quality of education is one of the main parts of human development. Therefore, a study has been conducted to explore the impact of people's happiness level, research and development expenditure, and social globalization on the quality of education. Researchers collected data from different Asian countries for 27 years from reliable databases, and other approaches were run on that data for analysis purposes. The results showed the significant impact and the connection of these three aspects on the quality of education. Social globalization, research and development, and per capita income have substantial implications for the quality of education. Indeed, these relations between indicators demonstrate the interconnection of the indexes [11].

In the study of Kogan et al., by adopting the multilevel analysis, the immigrants become more satisfied in countries where there is more openness to welcome immigrants. In countries with higher human development, immigrants' life satisfaction will increase. In addition, if the countries have higher economic inequality, the immigrants' life satisfaction tends to decline; however, the highly educated immigrants do not consider economic inequality as an obstacle to their satisfaction [12].

The study of A. Paparusso offers state-of-the-art research on self-reported life satisfaction as a subjective measure of immigrant integration, showing the most significant research findings and methodological challenges. To this end, the study presents a comparative empirical analysis of self-reported life satisfaction among first-generation immigrants living in seven European countries, measuring the effectiveness of both individual and country-level factors. Data are drawn from the Immigrant Citizens Survey (ICS), 2011–2012. The empirical results show that self-reported life satisfaction depends on immigrants' demographic characteristics and human capital elements, such as age, marital status, current economic situation, and perceived financial well-being. 'Immigration' variables, namely legal status, and country of residence, also play a role in defining immigrants' life satisfaction. As for country-level factors, the proportion of non-EU foreign citizens, naturalization rate, citizenship of the country of residence, unemployment rate, and Human Development Index (HDI)² are significant factors that influence immigrants' self-reported life satisfaction in European countries. Thus, confirming that not only individual characteristics but also receiving contexts matter for immigrants' subjective well-being [13].

The study of Debraj Roka in 2020 proves the strongly linear positive association and statistically significant result between the human development index with happiness

---

² Human Development Index (HDI). UNITED NATIONS DEVELOPMENT PROGRAMME. Human development reports. URL: <https://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (accessed: 15.02.2022)

in the overall 120 sampling countries that the high rank of the human development indexes provides a high level of happiness among the people. The investigation analyzed the 1080 observations using 2008 to 2016, including 120 countries. The study investigated the positive association between economic growth and income with happiness, it also indicated a positive association between government health expenditures and food on happiness rate [14].

Indeed, the economy is an essential part of human development which growth in the economy can show the happiness of society. From 2013 to 2018, Taiwan's Happiness scores have been rising. To testify this issue, researchers took 3600 articles from one of Taiwan's most used social media-Gossiping boards to identify Taiwanese emotion from 2015 to 2017. The annual increase of GDP and GNI both have a noticeable positive relationship with the people's sentiment extracted from the Taiwan forum. The result illustrates that the GDP used by all Nations to evaluate and compare the economic growth can reflect people's sense of happiness [15].

The development and happiness of the society are measured in many types of research based on criteria that are not purely economic. Although the relevance of GDP / capita in the analyses and reports has been highly discussed and disputed, the standard of living and quality of life in the world states still proves to be an indispensable but insufficient source of information. As a consequence, alongside the media coverage of all macroeconomic outcomes, the popularization of complementary indices such as the Social Progress Index (SPI) would lead to an increase in the level of information and, implicitly, a growth of the expectations and involvement of civil society as a stakeholder of national economies [16].

The study of Grigorii Feigin gave the interpretation of the term «globalization» and differences to other terms characterizing the development of the world economy. The main signs of globalization including indicating dynamic trade volumes, Foreign Direct Investment (FDI) inflows, portfolio investments, international credits; internalization of technical progress; digitalization of economy; development of regional economic integration, global migration; transnational corporations (TNC) activities; transformation processes in the former socialistic countries. The influences of international activities of governments on the level of GDP per capita are highlighted. The empirical basics are data of KOF-Index. The sample includes countries with both middle and low income which held positions in the ranking in KOF-Index from 27 till 182³. The positive interdependence between (based on the KOF-Index) and the level of GDP is identified [17].

The impacts of information and communication technology on development have been investigated mainly from their contributions to a country's economic growth. Nonetheless, ICT can present individuals with much more than just financial income, and it can improve many characteristics of their quality of life. A study applied data panel technique to a sample of 145 countries to explore how the use and adoption of ICT by people, companies, and governments, affect human development, as measured by the Social Progress Index (SPI) and Human Development Index (HDI). The outcomes indicate that regardless of a country's level of development, the individual use of ICT has a positive effect on human development. Concerning the impact of government use of ICT on human development, it has been confirmed that it is substantial in the developed countries. Similarly, ICTs for commercial goals positively influence human development globally. Still, if we make

---

³ KOF globalization index. KOF Swiss Economic Institute. URL: <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html> (accessed: 17.02.2022)

the analysis considering only developed countries, the relationship of this variable with human development is no longer significant [18].

Methodology

This research is quantitative research where the data are retrieved from international indexes. To reach our goal this study uses different indexes which are widely used to explain the socioeconomic positions of the countries in the world, such as Human Development Index (HDI) to explain the dimensions of human development, health, education and standard of living, Inequality-adjusted Human Development Index (IHDI)⁴ (HDI, 2022), Social Progress Index (SPI) to explain different dimensions of social progress, human wellbeing and benchmarking success, this index is based on socio-environmental outcomes, independent of traditional economic measures (Index Action Impact, 2022), Gross National Income (GNI), percentage of Internet users of population (IU), Ranking of Happiness (RH), Happiness Ranking for the Foreign-Born (HRFB)⁵, KOF Globalization index to measure the socioeconomic and political dimensions of globalization (KOF globalization index, 2022). This study also uses Migrant Integration Policy Index (MIPEX) developed by Niessen, Huddleston, and Citron in 2007 which identifies migrant integration policies in 56 countries, this index measures the migration integration policies and compare them among the countries and over time. MIPEX contains eight indicators, access to nationality, anti-discrimination, education, family reunion, health, labor market, mobility, permanent residence, and political participation⁶.

These indexes were chosen due to their suitability for the research aim to find out the socioeconomic characteristics of European immigrant-receiving countries and how they have a relationship with immigrants' integration in the European countries. Overall, 38 countries from four geographical locations of Northern, Southern, Eastern, and Western Europe, which are members of the Council of Europe, presented in MIPEX, have been chosen.

The methodology in this study is designed based on the theoretical framework developed for this study (See Figure 1). This study uses nominal scales provided by the indexes above, which are mutually exclusive to each other. To measure and show the relationships between the indexes, this study uses pairwise correlation analysis in STATA, with a significant level of 0.01. The study's central hypothesis (H1) is that immigrant integration and happiness level in the immigrant-receiving countries are positively correlated with HDI, IHDI, SPI, IU, GNI, RH, and KOF. Moreover, the study uses The EF English Proficiency Index (EF EPI) to analyze the relationship between the integration of immigrants and the English language proficiency level of the immigrant-receiving countries. The following framework for this study is designed to show the relationships between our indexes.

---

⁴ The IHDI combines a country's average achievements in health, education, and income with how those achievements are distributed among country's population by "discounting" each dimension's average value according to its level of inequality. The IHDI is distribution-sensitive average level of human development. Two countries with different distributions of achievements can have the same average HDI value. Under perfect equality the IHDI is equal to the HDI but falls below the HDI when inequality rises.

⁵ The World Happiness Report 2022. URL: <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2022/WHR+22.pdf> (accessed: 16.02.2022)

⁶ Migrant Integration Policy Index MIPEX 2020 URL: <https://www.mipex.eu/> (accessed: 17.02.2022)

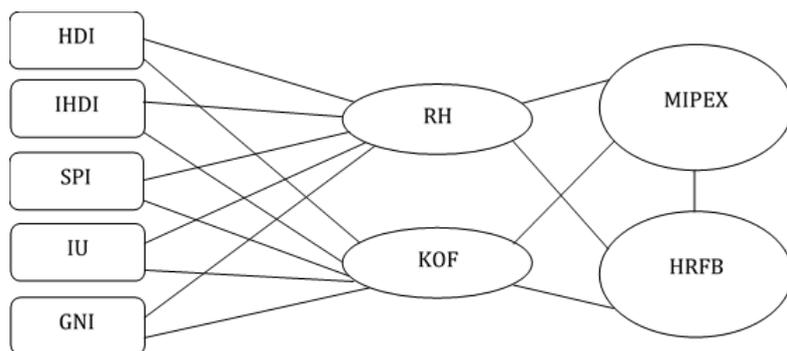

Figure 1. Theoretical Research Framework⁷.

Results of the research

The result of this study shows that among the four geographical regions of Europe in average countries of Northern Europe (59), Western Europe (57), Southern Europe (51), and Eastern Europe (43) have the highest to the lowest MIPEX score respectively. Not all international immigrants have access to the labor market, or in some countries, public jobs are not offered to foreigners. In Northern (59) and Western Europe (59), this indicator is equal; Southern Europe (52) and Eastern Europe (38) have a less favorable situation. In the countries such as France, Latvia, Romania, Russia, Slovakia, and Turkey self-employment are limited and desired for national citizens only. In Greece, France, Hungary, Poland, Ireland, Russia, and Switzerland skills and qualification have no guidelines or recognition for certain nationalities or fields of study.

Family reunion, the ability of temporary residents to sponsor their spouse/partner, and reuniting with other relatives is halfway favorable in Western Europe (42), Northern Europe (53), and Eastern Europe (54); the family reunion indicator is slightly promising in Southern Europe (60). Some countries include Czechia, Portugal, Russia, and Slovenia. The family member can benefit from the facilitated rules in Austria, Belgium, Denmark, Germany, Italy, and Malta. In contrast, the family reunion is limited in other countries such as the Netherlands, Switzerland, and the UK and requires language and integration capability. Pre-entry language requirements are also in a few countries, such as Austria, Denmark, Germany, Netherlands, and the UK.

The legal right to access compulsory and non-compulsory education for legal and undocumented immigrants and the obstacles they face in accessing higher education, etc., is under the education category. Eastern Europe (24) and Southern Europe (39) have a slightly unfavorable situation in terms of education indicator, Northern Europe (57) and Western Europe (55) have a halfway favorable position. Supports to increase immigrants' access to and successful participation in higher education are available only in Finland.

A health indicator is slightly favorable in Western Europe (68), halfway promising in Northern Europe (59) and Southern Europe (50), and countries of Eastern Europe (36) have a slightly unfavorable situation. Germany imposes conditions for emergency care on immigrants, asylum seekers and refugees, while in Switzerland there is no barrier for immigrants either undocumented migrants or legal immigrants.

⁷ Source: Framework designed for this study by the authors.

Political participation indicator, having rights to vote and voting in local elections, is halfway favorable in Northern (57) and Western Europe (54) and it is slightly unfavorable in Southern Europe (26). It is unfavorable in Eastern countries (13). Among the EU countries local elections for voting is only possible for non-EU immigrants in Denmark, Finland, Ireland, Luxembourg, Netherlands, Norway, and Sweden. The permanent resident scheme and the wait for permanent residence is slightly favorable in Northern (66), Eastern (63), and Southern (60) European countries. It is halfway good among the Western countries (56).

Access to the nationality indicator, citizenship entitlements for children born or educated in the country to foreign parents, dual nationality is halfway favorable in Northern (51), Western (50), and Southern (44) countries, and it is slightly unfavorable in Eastern (38) countries. All the regions have slightly favorable situations regarding anti-discrimination policies discrimination prohibition based on nationality, race, ethnicity, and religion. The most prohibited discrimination in MIPEX listed countries is employment and vocational training and education, but less often in social protections and supply of goods and services. Eastern European countries (76), Southern countries (74) have the highest score, Northern and Western countries (73) are located the next.

Among the Eastern European countries, Bulgaria has the highest value in the anti-discrimination score (100). Among the Northern European countries, Sweden and Finland have the highest score in antidiscrimination (100), and Lithuania has the lowest score in political participation (5). In Southern Europe, North Macedonia and Portugal have the highest score (100) in anti-discrimination, and at the same time, North Macedonia has a critically unfavorable situation in terms of political participation (0). In Western Europe, Belgium has the highest score (100) in anti-discrimination, and Austria has the least score (13) and the unfavorable situation in access to nationality. In general, among all the listed countries below, on average, the anti-discrimination indicators have the highest values.

Immigrant-receiving countries' economic, social, cultural, and political characteristics can be essential factors in accepting foreign nationals. Table 1 shows that the Western and Northern European countries have the highest socioeconomic indicators. Southern and Eastern European countries have similar characteristics lower than Northern and Western European countries. The level of satisfaction of the citizens of these countries with their living conditions paves the way for the acceptance and integration of immigrants in these countries.

High levels of education, culture, income, and social services lead citizens to integrate into the global community, meet more people from other parts of the world, or become acquainted with different cultures and people through the Internet. All issues related to these indicators in European countries result from globalization, or globalization is the result of the increase of these indicators. These factors lead to an increased level of life satisfaction and happiness among the citizens of these countries as well. By immigrants' cooperation to be integrated and their acceptance by the citizens of the host countries, the level of satisfaction and happiness of immigrants will increase. As a result, they will be better integrated into their new environment in the host country.

Indeed, the knowledge and level of language fluency of immigrants in the host countries are critical factors in their integration process in these countries. However, in many European countries, immigrants usually use English as their second language or international language (except for those whose mother tongue is the specific language of that country). Thus, the English language skills of the people of the host countries can be

an essential factor in helping immigrants who are at least fluent in English integrate into these societies until the immigrants become fluent in the original language of that country.

Table 1

Socioeconomic characteristics of European immigrant-receiving countries and MIPEX indexes, 2020⁸

Country	MIPEX								Population	immigrants' population	International migrant stock, (% of population)	HDI	IHI	GNI per capita (constant PPP\$)	Internet users (% of population)	Social progress index	Ranking of Happiness	Happiness Ranking for the Foreign-Born	KOF globalization index	
	Total	Labor Market Mobility	Family Reunion	Education	Health	Political Participation	Permanent Residence	Access To Nationality												Anti-discrimination
Eastern Europe																				
Bulgaria	40	48	38	21	29	0	69	13	100	7	0.18	2.7	0.816	0.721	23325	64.8	78.81	5.102	4.393	79.56
Czech Republic	50	54	63	60	61	10	50	36	64	10.7	0.54	5.1	0.9	0.86	38109	80.7	86.6	6.911	5.88	84.85
Hungary	43	37	58	0	29	15	81	25	96	9.6	0.58	6.1	0.854	0.791	31329	76.1	80.15	6	5.272	83.83
Poland	40	31	58	33	27	10	50	50	63	37.9	0.8	2.2	0.88	0.813	31623	77.5	83.08	6.186	5.649	80.02
Republic of Moldova	47	48	61	19	36	15	69	42	64	4	0.1	2.6	0.75	0.672	13664	76.1	67.58	5.608	5.187	67.55
Romania	49	46	67	41	46	5	56	38	96	19.2	0.7	3.7	0.828	0.73	29497	70.7	78.41	6.124	5.945	79.44
Russia	31	28	46	12	23	30	46	44	22	146	11	8	0.824	0.74	26157	80.9	73.45	5.546	5.548	72.03
Slovakia	39	17	59	7	50	5	65	28	79	5.5	0.2	3.6	0.86	0.807	32113	80.7	83.69	6.281	5.747	82.71
Ukraine	48	46	57	7	27	15	90	47	94	43.7	5	11.4	0.779	0.728	13216	58.9	66.97	4.561	4.546	73.93
Republic of Cyprus	41	24	35	40	36	25	50	53	62	1.2	0.2	15.8	0.887	0.805	38207	84.4	85.03	6.159	6.337	81.64
Average	43	38	54	24	36	13	63	38	76	28.4	1.93	6.2	0.838	0.767	27724	75.0	78.38	5.85	5.450	78.56
Northern Europe																				
Denmark	49	65	25	45	56	70	42	41	51	5.8	0.7	12.4	0.94	0.883	58662	97.6	92.15	7.646	7.547	87.8
Estonia	50	69	76	69	29	20	75	16	48	1.3	0.2	15	0.892	0.829	36019	89.4	87.38	6.022	4.998	82.58
Finland	85	91	67	88	67	95	96	74	100	5.5	0.38	7	0.938	0.888	48511	88.9	92.26	7.809	7.662	87.68
Iceland	56	33	62	45	54	65	77	55	57	0.35	0.065	19.2	0.949	0.894	54682	99	89.29	7.56	7.427	71.71
Ireland	64	22	48	45	85	85	50	79	94	5	0.87	17.6	0.955	0.885	68371	84.5	89.47	7.094	6.916	85.75
Latvia	37	33	47	26	31	20	46	24	67	1.9	0.24	12.7	0.866	0.783	30282	83.6	83.43	5.95	4.728	80.19
Lithuania	37	52	43	43	31	5	52	22	51	2.7	0.15	5.3	0.882	0.791	35799	79.7	85.58	6.215	5.036	81.83
Norway	69	85	58	71	75	80	71	50	65	5.4	0.85	15.7	0.957	0.899	66494	96.5	90.95	7.488	7.435	85.4
Sweden	86	91	71	93	83	80	90	83	100	10	2	19.8	0.945	0.882	54508	92.1	91.2	7.353	7.184	89.44
United Kingdom	56	48	29	40	75	45	58	61	94	67.8	9.3	13.8	0.932	0.856	46071	94.9	87.98	7.165	6.667	89.31
Average	59	59	53	57	59	57	66	51	73	10.6	1.5	13.9	0.926	0.859	46915	90.6	89.0	7.030	6.560	84.17
Southern Europe																				
Albania	43	46	61	21	15	20	54	76	50	2.8	0.05	1.7	0.795	0.708	13998	71.8	71.57	4.883	5.368	66.34
Croatia	39	50	48	33	27	10	54	19	71	4.1	0.52	12.9	0.851	0.783	28070	72.7	82.82	5.505	5.284	81.49
Greece	46	61	52	36	48	20	46	40	67	10.4	1.3	12.9	0.888	0.791	30155	73	84.37	5.515	5.96	83.65
Italy	58	67	64	43	79	25	67	40	78	60.4	6.3	10.6	0.892	0.783	42776	74.4	86.56	6.387	6.506	82.92
Malta	48	48	36	40	56	35	46	63	63	0.4	0.11	26	0.895	0.823	39555	81.4	85.24	6.773	4.97	87.18
North Macedonia	42	31	58	21	38	0	69	22	100	2.1	0.13	6.3	0.774	0.681	15865	79.2	68.92	5.16	5.688	69.92
Portugal	81	94	87	69	65	80	71	86	100	10.2	1	9.8	0.864	0.761	33967	74.7	85.97	5.911	5.036	85.22
Serbia	50	57	65	43	40	10	60	38	90	8.7	0.8	9.4	0.806	0.705	17192	73.4	71.59	5.778	5.703	78.11
Slovenia	48	26	72	33	33	30	77	22	90	2.1	0.27	13.4	0.917	0.875	38080	79.8	85.83	6.363	6.107	80.22
Spain	60	67	69	43	81	55	75	30	59	46.7	6.8	14.6	0.904	0.783	40975	86.1	87.53	6.401	5.488	85.87
Turkey	43	22	53	52	69	5	42	50	50	84.3	6	7.2	0.82	0.683	27701	71	67.49	5.132	5.368	70.64
Average	51	52	60	39	50	26	60	44	74	21.1	2.1	11.3	0.86	0.761	29849	76.1	79.81	5.801	5.589	79.23
Western Europe																				
Austria	46	59	36	52	81	20	50	13	53	9	1.7	19.3	0.922	0.857	56197	87.8	89.44	7.294	6.903	88.61
Belgium	69	56	48	74	73	65	75	65	100	11.6	2	17.3	0.931	0.859	52085	88.7	88.68	6.864	6.601	90.33
France	56	52	43	36	65	45	58	70	79	65.2	8.5	13.1	0.901	0.82	47173	82	88.23	6.664	6.352	87.63
Germany	58	81	42	55	63	60	54	42	70	83.8	15.7	18.8	0.947	0.869	55314	89.7	90.32	7.076	6.366	88.73
Luxembourg	64	35	52	64	46	85	58	79	89	0.6	0.3	67.9	0.916	0.826	72712	97.1	88.75	7.238	6.802	87.77
Netherlands	57	65	31	57	65	50	52	55	85	17.1	2.3	13.8	0.944	0.878	57707	94.7	90.57	7.449	6.945	90.91
Switzerland	50	63	41	48	83	55	48	28	38	8.7	2.5	28.8	0.955	0.889	69394	89.7	89.89	7.56	7.177	90.45
Average	57	59	42	55	68	54	56	50	73	28	4.7	25.6	0.931	0.857	58655	90.0	89.41	7.16	6.735	89.20

⁸ Source: Designed for this study. Data received from official websites of the provided indexes.

In the analysis of this study, although there is no relationship between the English language proficiency level of the people of the host countries (EF EPI) with the MIPEX index of integration at the sig. level 0.01. (sig. 0.0160, Corr. Coeff. 0.4290 (table 2), this relationship weakly exits at the significance level of 0.05. However, specifically for 27 European Union countries, this study did not find any relationship between the host countries' English language proficiency level and the integration of immigrants. However, people's English language proficiency level in the host country has a significant positive correlation with HDI, IHDI, SPI, HRFB, RH, KOF, and IU. EF EPI has the strongest correlation with the KOF globalization index (sig. 0.0000, Corr. Coeff. 0.7302), which shows the importance of English language proficiency level in the globalization process.

Table 2 shows that all other indexes are mutually interrelated and correlated with each other, although some of the correlation coefficients are not very strong. The highest level of correlation belongs to IHDI with HDI (sig. 0.0000, Corr. Coeff. 0.9566), and SPI with HDI (sig. 0.0000, Corr. Coeff. 0.9450), which shows that the more the countries are developed with higher HDI, the higher social progress they have.

Table 2

Pairwise correlation analysis⁹

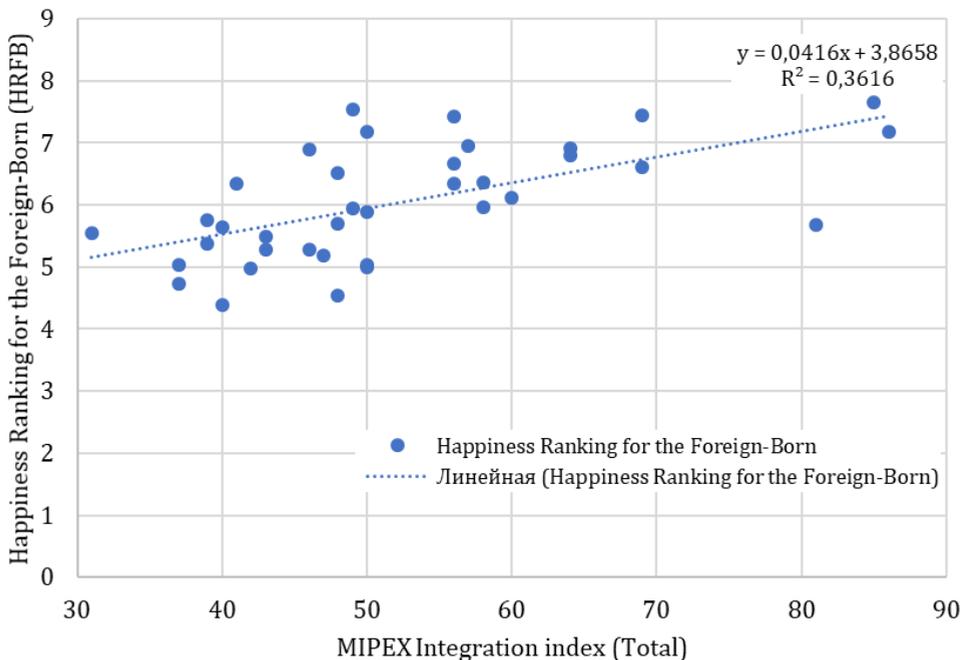
	MIPEX	HRFB	RH	HDI	GNI	IHDI	SPI	KOF	IU	EF EPI
MIPEX	1.0000									
HRFB	0.6013 0.0001	1.0000								
RH	0.5607 0.0003	0.9205 0.0000	1.0000							
HDI	0.5250 0.0007	0.8138 0.0000	0.8963 0.0000	1.0000						
GNI	0.5528 0.0003	0.8685 0.0000	0.8611 0.0000	0.8676 0.0000	1.0000					
IHDI	0.4729 0.0027	0.7867 0.0000	0.8884 0.0000	0.9566 0.0000	0.8147 0.0000	1.0000				
SPI	0.5174 0.0009	0.7238 0.0000	0.8578 0.0000	0.9450 0.0000	0.7890 0.0000	0.9100 0.0000	1.0000			
KOF	0.5023 0.0013	0.5811 0.0002	0.7275 0.0000	0.7940 0.0000	0.7043 0.0000	0.7448 0.0000	0.8470 0.0000	1.0000 0.0000		
IU	0.4229 0.0082	0.7937 0.0000	0.8631 0.0000	0.7908 0.0000	0.7474 0.0000	0.7707 0.0000	0.7367 0.0000	0.5328 0.0006	1.0000	
EF EPI	0.4290 0.0160	0.5176 0.0034	0.6385 0.0001	0.6195 0.0002	0.5364 0.0019	0.6689 0.0000	0.6907 0.0000	0.7302 0.0000	0.5439 0.0016	1.0000

The results also show a significant strong positive correlation between all the indexes with Ranking of Happiness (RH) of the host countries' people and Happiness Ranking for the Foreign-Born (HRFB). RH of host countries' people has the strongest correlation with HDI (sig. 0.0000, Corr. Coeff. 0.8963); the higher the HDI, the happier the population of the host countries is. There is also a robust positive correlation between the Ranking of Happiness

⁹ Source: Designed for this study. Analyzed in STATA.

(RH) of the host countries' people and the Happiness Ranking for the Foreign-Born (HRFB) (sig. 0.0000, Corr. Coeff. 0.9205), which shows the importance of communities' happiness in the acculturation process of immigrants. The happier the foreign-born immigrants, the better they are integrated in the host country (sig. 0.0001, Corr. Coeff. 0.6013).

There is also a strong positive correlation between the KOF globalization index and social progress index (sig. 0.0000, Corr. Coeff. 0.8470), showing the two-way importance of globalization and social progress on each other. However, RH has a strong positive correlation with KOF, and the HRFB has a moderate correlation with KOF (sig. 0.0002, Corr. Coeff. 0.5811). HRFB is less dependent on the globalization level of the countries, but indirectly through RH, it is strongly correlated. All the indexes except EF EPI are correlated with the MIPEX integration index at sig. level. 0.01. however, the correlations coefficients do not show a substantial value. The weakest correlation is Internet users (% of the population) IU and MIPEX (sig. 0.0082, Corr. Coeff. 0.4229). This shows a soft direct effect of % of the people who use the internet on the integration process of immigrants.

Graph 1. Relationship between Happiness Ranking for the Foreign-Born (HRFB) and MIPEX Integration Index (Total value)¹⁰.

All the indexes lead to HRFB in the host countries, and there is almost a strong relationship between HRFB and MIPEX integration index. Figure 1 shows that Sweden and Finland have the highest MIPEX integration value, 86 and 85, respectively; at the same time, Finland has the highest HRFB value, 7.662, and Sweden also has a high HRFB, 7.184. Among these countries, Russia has less than average, the lowest MIPEX integration value (31), while it has more than average HRFB among the Eastern European countries (5.548). Bulgaria has the weakest HRFB value (4.393) among Eastern European countries, lower

¹⁰ Source: Designed for this study.

than average, and its MIPEX integration index total weight is 40. In general, the Northern and Western European countries have a better situation in terms of both Happiness Ranking for the Foreign-Born and MIPEX integration index and in general, among other indicators. While Eastern and Southern European countries have almost a similar situation not only in terms of HRFB and MIPEX but also in all other indexes.

Conclusion

The results show that the integration process and policies differ among European countries. Southern and Eastern European countries have similar characteristics and lower rates than Northern and Western European countries. Among the four geographical European regions, Northern, Western, Southern, and Eastern European countries have the highest to the lowest favorable integration policies for immigrants. Access to the labor market is not equal for immigrants and natives. Family reunion is halfway favorable in Western, Northern, and Eastern Europe, and it is slightly promising in Southern Europe. Eastern and Southern Europe have a slightly unfavorable situation regarding education indicators. The health indicator is slightly favorable in Western Europe; halfway promising in Northern and Southern Europe, and countries in Eastern Europe have a slightly unfavorable situation. Political participation is halfway favorable in Northern and Western Europe, and it is slightly unfavorable in Southern Europe, and it is unfavorable in Eastern countries. The wait for permanent residence is slightly favorable in Northern, Eastern, and Southern European countries. Access to the nationality indicator, is halfway favorable in Northern, Western, and Southern countries, and it is slightly unfavorable in Eastern European countries. And all the regions share almost slightly favorable situations regarding anti-discrimination policies.

The level of life satisfaction and life happiness of the host countries' citizens improves the integration process of immigrants. Socioeconomic status of the immigrant receiving countries, level of globalization, sociocultural progress, income and education level, level of internet usage, and human development increase the acceptance of foreigners. Globalization level of the countries has positive relationship with development level and higher HDI leads to higher happiness among the host countries' natives. There is also a positive significant correlation between the natives' ranking of happiness, immigrants' happiness, and immigrants' integration in the host countries. All the indexes in this study are mutually interrelated and correlated. Integration of immigrants in the host countries is a two-way process, and it depends on the immigrants themselves and the people in the host country. In order to benefit immigration, besides the immigrants' efforts, the host countries must concentrate on increasing the socioeconomic well-being of their citizens, as the results showed the higher the socio economic well-being of the population the higher the integration index of immigrants.

Conflict of interests: The authors declare the absence of any conflict of interests.

Ссылки

1. Bose P. S. Refugees in Vermont: mobility and acculturation in a new immigrant destination. // *Journal of Transport Geography*. 2014. Vol. 36. P. 151–159. DOI: 10.1016/j.jtrange.2014.03.016
2. Fackler T. A., Giesing Y., Laurentsyeva N. Knowledge remittances: Does emigration foster innovation? // *Research Policy*. 2020. Vol. 49, No. 9. P. 1–17. DOI: 10.1016/j.respol.2019.103863

3. Hellwig T., Sinno A. Different groups, different threats: public attitudes towards immigrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2016. Vol. 43, No. 3. P. 339–358. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1202749
4. Shivakoti R. Asian Migration Governance. Regional Integration and Migration Governance in the Global South // *United Nations University Series on Regionalism*. 2020. Vol. 20. P. 177–199. DOI: 10.1007/978-3-030-43942-2_8
5. Shamsuddin M, Katsaiti M-S. Migration and Happiness: Evidence from Germany // *Journal of Happiness Studies*. 2019. Vol. 21, No. 8. P. 2931–2955. DOI: 10.1007/s10902-019-00207-6
6. Segal U. A. Globalization, migration, and ethnicity // *Public Health*. 2019. Vol. 172, No. 11. P. 135–142. DOI: 10.1016/j.puhe.2019.04.011
7. Brzozowski J., Coniglio N. International Migration and the (Un)happiness Push: Evidence from Polish Longitudinal Data // *International Migration Review*. 2021. Vol. 55, No. 4. P. 1089–1120. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/01979183211004835>
8. Grimes A., Wesselbaum D. Moving Towards Happiness? // *International Migration*. 2019. Vol. 57, No. 3. P. 20–40. DOI: 10.1111/imig.12546
9. Tatarko A., Jurcik T., Hadjar A. How Migration Policy Shapes the Subjective Well-Being of the Non-immigrant Population in European Countries // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2021. Vol. 52, No. 3. P. 316–333. DOI: 10.1177/00220221211001531
10. Choi S., Cha Y-K. Integration policy in education and immigrant students' patriotic pride in host countries: A cross-national analysis of 24 European countries // *International Journal of Inclusive Education*. 2019. Vol. 25, No. 7. P. 812–826. DOI: 10.1080/13603116.2019.1574315
11. Jermstittiparsert K., Sriyaku T. Determinants of quality education in Asian countries: impact of social globalization, happiness and research and development // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2020. Vol. 9, No. 15. P. 202–214. DOI: 10.9770/jssi.2020.9.j(15)
12. Kogan I., Shen J., Siegert M. What Makes a Satisfied Immigrant? Host-Country Characteristics and Immigrants' Life Satisfaction in Eighteen European Countries // *Journal of Happiness Studies*. 2017. Vol. 19, No. 6. P. 1783–809. DOI: 10.1007/s10902-017-9896-4
13. Paparusso A. Immigrants' Self-reported Life Satisfaction in Europe. Immigrant Integration in Europe // Springer International Publishing. 2021. P. 79–100. DOI: 10.1007/978-3-030-78505-5_5
14. Roka D. The Effect of Human Development on Happiness: A Comparative Study of UN Member States // *International Journal of Science and Business*. 2020. Vol. 4, No. 4. P. 61–78. DOI: 10.5281/zenodo.3736375
15. The Relationship Between Sentiments of Social Media and Economic Indicators. Lecture Notes in Computer Science / P.-H. Huang et al. // Springer International Publishing. 2020. Vol. 11987. P. 62–67. DOI: 10.1007/978-3-030-66187-8_7
16. Iliescu Elena M. The influence of the GDP conversion rate into GNI on social progress. Comparative analysis at the EU level // *Challenges of the knowledge society*. 2019. Vol. 11, No. 13. P. 1046–1052. URL: <https://www.europub.co.uk/articles/-A-591036>
17. Feigin G. Globalization of World Economy: Trends and Contradictions // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65, No. 4. P. 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-4-5-13
18. Niessen J., Huddleston T., & Citron L. Migrant policy integration index, technical report // British Council and Migration Policy Group. 2007. URL: [MIPEX-2006-2007-final.pdf](https://www.britishcouncil.org/migration-policy-group/mipex-2006-2007-final.pdf)

The Impact of Health Insurance on the Well-being of Russian Society: History and Prospects

M. E. Kokoreva¹

¹N. I. Pirogov Russian National Research Medical University, 1 Ostrovityanova Str., Moscow, 117997, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-200-209

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the health insurance system as a tool for preserving and strengthening the health of the nation, increasing its well-being. The historical path of the formation of the practice of health insurance throughout the world and in Russian society (from the end of the 18th to the beginning of the 19th centuries to the present) is revealed. The key tasks that were put forward for the insurance system in Russia at different stages of its development are characterized. It is said that in modern Russia the approach to providing medical insurance must have a strictly scientific justification. The purpose of the study is to develop and justify a radical reform of the existing health insurance model in Russia based on a large-scale planned implementation of a scientifically based approach and dynamic research. Well-being in this context is understood as an integral indicator of closely interconnected states, subjective and objective elements that ensure the harmonious existence of a person in the world around him. The main conclusion of the study is the need to provide a scientific approach to the reorganization of the health insurance system in Russia, which would consider multi-modal incoming and outgoing information flows, the needs of all objects of the social and communicative space.

Keywords: health insurance; citizens' insurance; CHI; health care system; well-being of Russian society; social well-being of Russia

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kokoreva, Marina E. | E-mail: malinka7171@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology)

For citation: Kokoreva M. E. The Impact of Health Insurance on the Well-being of Russian Society: History and Prospects // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 200-209. (in Russ.)

Влияние медицинского страхования на благополучие российского общества: история и перспективы

М. Е. Кокорева¹

¹Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова, ул. Островитянова, 1, Москва, 117997, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-200-209
УДК 368-01

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию системы медицинского страхования как инструмента сохранения и укрепления здоровья нации, повышения ее благополучия. Раскрывается исторический путь становления практики страхования здоровья во всем мире и в российском обществе (в конце XVIII – начале XIX столетий и до настоящего времени). Охарактеризованы ключевые задачи, которые выдвигались перед страховой системой в России на разных этапах ее развития. Говорится о том, что в современной России подход к обеспечению медицинского страхования должен иметь строго научное обоснование. Целью исследования является выработка и обоснование радикального реформирования существующей в России модели страхования здоровья на основе широкомасштабного планового внедрения научно-обоснованного подхода и динамического исследования. Под благополучием в данном контексте понимается интегральный показатель тесно связанных между собой состояний, субъективных и объективных элементов, обеспечивающих гармоничное существование человека в окружающем его мире. В качестве основного вывода исследования формулируется необходимость обеспечения научного подхода к реорганизации системы медицинского страхования в России, которая учитывала бы разно-модальные входящие и исходящие информационные потоки, потребности всех объектов социально-коммуникативного пространства.

Ключевые слова: медицинское страхование; страхование граждан; ОМС; система здравоохранения; благополучие российского общества; социальное благополучие России

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кокорева, Марина Евгеньевна	E-mail: malinka7171@mail.ru
	Кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы

Для цитирования: Кокорева М. Е. Влияние медицинского страхования на благополучие российского общества: история и перспективы // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 200-209.

Показатели хорошего здоровья и благополучия являются одними из главных условий достижения целей устойчивого развития государства. Осознавая это, развивающиеся страны с начала XXI века активизировали свои усилия по обеспечению всеобщего охвата населения услугами здравоохранения. Речь идет о том, чтобы предоставить каждому человеку вне зависимости от его платежеспособности возможность получать необходимые ему услуги здравоохранения без риска финансовых затруднений. Одним из эффективных и экономически выгодных инструментов для обеспечения этого является медицинское страхование.

На сегодняшний день большинство стран мира находится в процессе изменения или осуществления конкретных реформ в области медицинского обеспечения населения, направленных на создание оптимальной и действенной системы финансирования здравоохранения. Важность принимаемых мер состоит прежде всего в социальной, экономической и нравственной ответственности государства перед гражданами, поскольку здоровье нации является фундаментальным условием экономического развития страны и социального благополучия общества.

Основная исследовательская проблема заключается в том, что, несмотря на многочисленные достижения страховой медицины в российском государстве и широкое освещение ее проблем представителями научного сообщества, до сих пор эффект ее многостороннего влияния на общественное благополучие в исторической динамике и перспективе изучался лишь косвенно. И это при том, что в данной отрасли очень важно ставить научно-обоснованные национальные цели с конкретными задачами по улучшению здоровья русской нации. Кроме того, за последние два года доля инвестиционного страхования жизни и здоровья в России существенно снизилась как на уровне потребителей страховых услуг, так и на уровне страховых компаний. Это обусловлено увеличением регуляторных ограничений рынка, ростом инфляции, снижением уровня платежеспособности населения, блокировкой активов на счетах западных финансовых институтов, снижением возможности обеспечения гарантий потребителям страховых услуг и т. д. [1, с. 17].

Настоящее исследование выдвигает своей целью разработку и обоснование такой схемы эволюционной перестройки существующей модели страхования здоровья, основу которой будет составлять широкомасштабное плановое внедрение научно-обоснованного подхода и динамического исследования ее многостороннего влияния на благополучие населения.

Научная и практическая основа исследования, представленного в рамках настоящей статьи, заключается прежде всего в возможности использования его выводов с целью обеспечения дальнейшей благоприятной эволюции системы медицинского страхования в России на основе научно-обоснованного подхода. Кроме того, отдельные положения анализа при правильном дальнейшем применении могут способствовать преодолению проблем неравенства в отношении здоровья, существующих в современном российском обществе (в частности, с точки зрения материального и психосоциального аспектов).

История медицинского страхования в России

В том формате, в котором медицинское страхование известно человечеству сегодня, оно, как явление, впервые было введено в Пруссии в 1845 году. Тогда круг лиц, подлежащих обязательному страхованию, был ограничен людьми строго опре-

деленных, как правило, рабочих, крестьянских профессий. В 1883 году на всей территории Германии был принят закон о медицинском страховании, который стал первым в своем роде образцом законодательного регулирования в данной сфере [2]. Собственно, с того времени постепенно система социального медицинского страхования начала распространяться по всему европейскому континенту.

В России практика страхования насчитывает четверть века, однако корни ее зарождения являются еще более давними. Первые источники страховой медицины как формы социальной защиты интересов населения по охране здоровья в российском государстве возникли еще в конце XVIII – начале XIX столетий [3]. В то время это были так называемые «кассы взаимопомощи», организуемые в рамках деятельности первых капиталистических предприятий. На этом этапе исторического развития России здоровье населения воспринималось как «ресурс для повседневной жизни», а не как «цель жизни». Еще более широкое развитие данная практика получила после революции 1905 года.

Спустя несколько лет в 1912 году III Государственной Думой был принят закон об обеспечении рабочих в случае болезни. В рамках его положений планировалось охватить около 20 % наемных работников страны. На тех российских предприятиях, где общее количество занятых работников превышало 200 человек, в обязательном порядке учреждались «больничные кассы» [4]. Мелкие предприятия имели возможность организовывать общие больничные кассы, которые управлялись собранием – представителями рабочих и предпринимателей. Известно, что 2/3 доли голосов на собрании принадлежало наемным работникам [3].

Основная задача больничных касс сводилась к тому, чтобы выплачивать работнику пособие в случае болезни, увечья, родов или смерти. При этом ответственность за расходы на амбулаторное лечение и первую помощь при несчастных случаях, внезапных заболеваниях для участников «больничных касс» возлагалась в соответствии с законом на предпринимателя. Стационарная же помощь и родовспомогательные услуги обеспечивались на общих для всего населения основаниях [3]. Однако, как показывала практика, довольно часто и этот вид медицинской помощи финансировался непосредственно работодателем (предпринимателем).

Тот вид медицинского страхования, о котором ведется речь, в начале XX века в России носил индивидуальный характер и не предполагал оказание помощи членам семей рабочего класса. Лишь в некоторых случаях и исключительно в индивидуальном порядке больничные кассы могли организовывать для них лечебницы [4]. После прихода советской власти правительство осуществило несколько попыток в сторону развития и налаживания системы страховой медицины в России.

Так, например, в начале 20-х годов XX столетия в период НЭПа в стране были провозглашены обязательные страховые взносы по некоторым видам социального страхования. Известно, что в 1922 году для частных предприятий общий размер взноса на медицинское страхование сотрудников составлял от 5,5 до 7 % по отношению к оплате труда. Тогдашняя система предполагала передачу страховых взносов от предпринимателей непосредственно в распоряжение органов здравоохранения [5]. В таком формате обязательное медицинское страхование выступало важнейшим реальным дополнительным источником финансирования медицины. При этом все равно основная доля потребностей медицинских учреждений покрывалась финансированием со стороны государства.

Несмотря на достижение определенных успехов, уже в 1929 году в России произошла ликвидация страховой медицины. После завершения периода НЭПа ответственность за финансирование учреждений здравоохранения полностью была возложена на государственный бюджет. На смену страховой медицине пришла единая «всеобщая и бесплатная» [3]. При этом некоторые аспекты системы медицинского страхования все же остались: финансирование санаторно-курортного лечения работодателем, а также отдельных видов профилактической и оздоровительной работы для работников, трудоустроенных на промышленных предприятиях.

Однако и такая модель обеспечения населения равными возможностями по получению медицинской помощи в России уже спустя какое-то время потерпела крах. Окончательно ее несовершенство было осознано в 60-е годы прошлого века, когда дал о себе знать остаточный принцип финансирования охраны здоровья.

В начале 90-х годов ситуация стала по-настоящему катастрофической. Средств из государственного бюджета критически не хватало. Никто в стране не имел возможности ответить на вопрос о том, сколько конкретно необходимо денег, а также почему врачи получают одинаковую заработную плату, проделывая абсолютно неодинаковый масштаб работы [4]. Тогда в России снова заговорили о медицинском страховании. Так, на смену бюджетной модели здравоохранения пришла бюджетно-страховая медицина.

Принятие Закона «О медицинском страховании граждан» в 1991 году можно считать началом нового этапа в развитии социально-значимой идеи обязательного медицинского страхования в современной России. Следующим важным законом в этой области стал принятый в 2010 году Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании», основные положения которого кардинальным образом трансформировали систему оказания бесплатной медицинской помощи населению России [6].

Помимо всего прочего, качественному реформированию была подвергнута абсолютно вся система взаимодействия между субъектами и участниками обязательного медицинского страхования. В рамках этого реформирования все застрахованные граждане стали обладателями максимально широких прав по выбору страховой медицинской организации, учреждения для оказания услуг по ОМС (например, право получения бесплатной медицинской помощи при наступлении страхового случая на всей территории страны, право самостоятельно выбирать и изменять страховую медицинскую организацию без участия работодателя и т. д.) [5]. Система обязательного медицинского страхования, которая сегодня принята и функционирует по всей России, в качестве своего главного принципа провозглашает пациентоориентированность как основу построения отношений между всеми участниками страхового взаимодействия [2].

На сегодняшний день, в условиях начала 2023 года, рынок страхования жизни и здоровья населения России демонстрирует околонулевую динамику, что обусловлено сокращением и снижением показателей страхового рынка, начавшимся во втором квартале 2022 года. Это вызвано многими объективными причинами, среди которых прежде всего введенные международные санкции, ограничивающие инвестиционные возможности страховщиков, сокращение объемов ипотечного и потребительского кредитования и т. д. [7]. Тем не менее во второй половине 2023 года ожидается умеренный рост рынка страхования жизни и здоровья

с общим объемом 520 млрд. руб. за весь текущий год в целом. Как прогнозируют представители НКР, в ближайшем будущем в России продолжится снижение доли продуктов инвестиционного страхования жизни, в то время как долгосрочное накопительное страхование жизни будет постепенно увеличиваться. Ключевая особенность российской системы накопительного страхования жизни состоит в том, что она предусматривает рассроченные страховые взносы, постепенное распространение которых сможет обеспечить дополнительную стабильность рынку страхования в России [8].

Медицинское страхование как фактор благополучия общества

Благополучие – уникальный феномен, тесно граничащий с показателями здоровья человека. Сами по себе термины «здоровье» и «благополучие» описывают хоть и отдельные, но крепко связанные между собой состояния. В социологии, медицине и психологии принято считать, что здоровье оказывает прямое влияние на благополучие и, наоборот, благополучие выступает ключевым фактором здоровья [9].

Здоровье является интегральным показателем, включающим в себя как физические, так и психические состояния. В широком смысле под здоровьем принято понимать приспособленность человека к меняющимся обстоятельствам, в числе которых могут быть ухудшение физической, социальной или экономической среды, защищенность от угроз болезни, травм или смерти. Е. В. Цикалюк формулирует такое определение здоровья, в соответствии с которым под ним понимается естественное состояние организма, характеризующее его уравновешенность с окружающей средой, способность к полноценному выполнению основных социальных функций [10]. Исходя из этого, можно зафиксировать, что в числе ключевых детерминант здоровья выступает безопасность.

Благополучие представляет собой одновременно детерминанту и результат здоровья. В его состав входят как объективные, так и субъективные элементы. Благополучие является отражением множества важнейших аспектов жизни и состояний бытия человека [11]. К ним принято относить прежде всего физические и умственные, а также эмоциональные, социальные, финансовые, профессиональные, интеллектуальные и духовные элементы.

Весьма интересным видится взгляд А. С. Лысухо на проблему благополучия с точки зрения социального контекста. В рамках одной из своих научных работ исследователь отмечает, что уровень жизни является ключевым интегральным показателем, отражающим степень социального благополучия населения [12]. При этом уровень жизни – это в первую очередь степень благосостояния населения, потребления благ и услуг, совокупность условий, характеризующая меру удовлетворения основных жизненных потребностей представителей конкретного общества [13]. Среди других фундаментальных показателей, с помощью которых отечественные ученые и исследователи измеряют благополучие общества, выступают: индекс счастья (Happy Planet Index), индекс благополучия Гэллага (Gallup-Healthways Well-Being Index), исследование качества жизни (проект ОЭСР), индекс развития человеческого потенциала (UN's Human Development Index), индекс субъективного экономического благополучия и т. д. [14].

В контексте изучения страховой медицины как фактора благополучия общества зарубежные исследователи сходятся во мнении относительно существования условного «треугольника». Ключевая идея заключается в том, что здоровье (его уровень и справедливое распределение) прямым образом и само по себе выступает фундаментальным вкладчиком в формирование социального благополучия общества [15]. С другой же стороны, здоровье косвенным образом влияет на благополучие человека через воздействие на создание материальных ценностей (обеспечение благосостояния).

При этом в некоторых отечественных разработках подчеркивается, что фундаментальную важность в обеспечении здоровья как отдельного человека, так и всего общества в контексте достижения благополучия имеет также его духовное здоровье, то есть стабильное и гармоничное состояние разума, которое зависит напрямую от системы мышления, отношения к окружающему миру, ориентации в этом мире, умения четко определять свое положение и т. д. [2]. В таком контексте инвестиции в развитие системы страховой медицины видятся более чем оправданными. Особенно после окончания острой фазы пандемии, когда фактически все мировые государства в полной мере осознали, что инвестирование в систему здравоохранения является ключевым залогом и фактором сохранения и преумножения благополучия всего общества [16].

Перспективы исследования влияния медицинского страхования на благополучие российского общества

Происходящие в российском обществе XXI века демократические преобразования сопровождаются сложными процессами, трансформацией ветвей власти, социальной структуры, общественного устройства, что приводит к росту роли государственных институтов в регулировании общественных отношений. Несмотря на то, что практика страхования в России насчитывает несколько веков, сегодня наблюдается снижение эффективности предпринимаемых мер по сохранению состояния общественного здоровья [17]. Одним из очевидных признаков этого является то, что в России средняя продолжительность жизни населения на 10–12 лет ниже, чем в соседних странах Европейского Союза, а смертность, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, выше в 3–4 раза.

Для того, чтобы иметь возможность целенаправленно и точно трансформировать систему медицинского страхования на благо общества, важно обладать совокупностью так называемых контрольных показателей, а также отслеживать их в исторической динамике. Получение точных и высококачественных эмпирических данных, например, в течение десятилетия позволит выделить целевые группы, которые больше всего нуждаются в целенаправленном вмешательстве, которые с наибольшей вероятностью получают от них пользу.

Чтобы обеспечить научный подход к реорганизации системы медицинского страхования в России, следует изучать ее внутри социально-коммуникативного пространства, в котором она непосредственно функционирует, и учитывать все информационные потоки, которыми она окружена. В связи с тем, что информационные потоки создают специализированные связи с объектами и окружением, следует отметить, что практика страхования здоровья как объект не имеет непроницаемой границы для окружения, а напротив, активно отвечает на любые исто-

рические, социальные и политические влияния. Поэтому приведенную на рис. 1 схему можно рассматривать как динамическую, поскольку и сам объект, и его окружение в таком случае выступают переменными, причем не случайными.

Рисунок 1. Схема научного подхода к реорганизации системы медицинского страхования, направленной на улучшение благосостояния российского общества.

Так, изменения в окружении – социально-коммуникативном пространстве – влияют на объект (систему медицинского страхования) путем разно-модальных входных информационных потоков разных скоростей, в то же время в самом объекте также происходят изменения, уже влияющие на исходящие информационные потоки, а следовательно, не только на другие объекты социально-коммуникативного пространства, но и на само пространство (благополучие общества).

На сегодняшний день, по данным многих исследований, изучение теоретико-методологических основ государственного управления системой медицинского страхования направляется в плоскость улучшения функционирования отрасли за счет повышения качества медико-социального обеспечения населения. В таком подходе к реорганизации медицинского страхования, который сегодня создан в России, очевидно, возникают противоречия между обеспечением адаптации объекта (системы) к переменному окружению и требованиями к его устойчивости (благополучию). Такую роль регулятора выполняет фильтрующая функция предела объекта. Именно это составляет предмет теоретико-методологических основ государственного управления системой страхования здоровья: как предмет должен быстро отреагировать на изменения ситуации в окружении и как изменения объекта влияют на окружающих.

Сегодняшняя Россия обладает большими возможностями и перспективами развития такой системы медицинского страхования, на которую будут равняться другие страны. Однако для того, чтобы обеспечить ее надежность и эффективность, следует произвести некоторые реформирования, отработки и внедрения программ, которые будут учитывать интересы всех заинтересованных сторон и повышать общее благосостояние российского государства. Определенные успехи могут быть достигнуты в определении детерминанта неравенства в отношении здоровья. Предоставление такой информации руководителям здравоохранения

обязано побудить их заняться решением данного рода проблем. Кроме того, многие специфические детерминанты, способствующие развитию неравенства по отношению к здоровью (особенно материальный и психосоциальные факторы, а также образ жизни), хорошо поддаются политическим воздействиям.

Определенно целесообразным видится не разрушение радикальными реформами, а эволюционная перестройка существующей системы страхования здоровья на основе широкомасштабного планового внедрения научно обоснованного подхода и динамического исследования ее многостороннего влияния на благополучие населения.

* * *

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что равенство в отношении здоровья является базовой социальной целью современного развитого государства и имеет фундаментально важное значение для обеспечения благополучия общества. Неравный доступ к медицинскому обеспечению в исторической перспективе способен подорвать экономические показатели страны, повысить общественные затраты и снизить общий показатель социального благополучия населения.

Управляемая система здравоохранения, функционирующая на условиях обязательного медицинского страхования, способна оказать существенное положительное воздействие на благополучие граждан страны. Несмотря на то, что необходимы дальнейшие исследования в данной области, сегодняшний уровень понимания этой проблемы делает возможным достижение значительного снижения неравенств в отношении здоровья. При этом как и прежде актуальным остается вопрос о том, какие же вмешательства являются более эффективными и результативными в контексте обеспечения благополучия населения.

Ссылки

1. Белозеров С. А., Злобин Е. В., Котловский И. Б. Российский страховой рынок: современное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2022. Том 38. № 4. С. 607–625.
2. Козин Н. Д., Цыбусов А. П. Общественное здоровье как фактор, определяющий социально-экономическое благополучие // Инженерные технологии и системы. 2006. № 2. С. 10–16.
3. Катунина Э. А. История становления системы медицинского страхования в России // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамического развития России. 2017. С. 104–110.
4. Качаева Т. М., Дей А. А. Исторические аспекты становления страховой медицины // Тихоокеанский медицинский журнал. 2015. № 1. С. 96–100.
5. Мартов С. Н. Проблемы развития обязательного медицинского страхования в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2018. № 9. С. 2120–2136.
6. Газоян С. Г. Проблемы медицинского страхования в России // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 1327–1331.
7. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков: информационно-аналитический материал. II квартал 2022 года. М., 2023 // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/43835/review_insure_22Q4.pdf (дата обращения: 28.04.2023).

8. Рынок страхования: аналитическое исследование. // НКР. 16.01.2023. URL: https://ratings.ru/files/research/insurance/NCR_Insur_Jan2023.pdf (дата обращения: 28.04.2023).
9. Системы здравоохранения, здоровье и благосостояние: оценка аргументов в пользу инвестирования в системы здравоохранения: справочный документ / Х. Фигерас, М. МакКи, С. Лессоф, А. Дюран, Н. Менабде // World Health Organization. 25–27.06.2008. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/348000?locale-attribute=es&> (дата обращения: 12.02.2023).
10. Цикалюк Е. В. Социальное здоровье как ценность // Система ценностей современного общества: сборник материалов V всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: ЦРНС, изд-во СИБПРИНТ, 2009. С. 133–137.
11. Костригин А. А., Хусяинов Т. М. Влияние дополнительного медицинского страхования со стороны организации на удовлетворенность трудом ее сотрудников: сборник тезисов XI Международной (XX Всероссийской) Пироговской научной медицинской конференции студентов и молодых ученых. М., 2016. С. 448–449.
12. Лысухо А. С. Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие»: основные исследования и результаты // ИНАБ. 2020. № 1. С. 7–17.
13. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.
14. Клименко Л. В. Субъективное благополучие преподавателей российских вузов: опыт эмпирического исследования // Вопросы образования. 2020. № 4. С. 37–59.
15. Здоровье как отражение общего показателя социального и физического благополучия / Н. С. Никонова, М. В. Шлемова, И. В. Чернышева, Е. В. Егорычева // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 7. С. 79–80.
16. Юсупова В. Ш. Обязательное медицинское страхование – одно из направлений оптимизации влияния здоровья на качество жизни населения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 8. С. 124–130.
17. Зотина Н. Какой будет динамика рынка страховых услуг в России в 2023 году: прогноз агентства АКРА // РИАМО. 19.01.2023. URL: <https://riamo.ru/article/611765/ot-zhizni-i-dms-do-avto-kakoj-budet-dinamika-rynka-strahovyh-uslug-v-rossii-v-2023-godu> (дата обращения: 20.02.2023).

Academic Motivation of Modern Students: The Experience of Cluster Analysis

A. N. Pinchuk^{1,2}, D. A. Tikhomirov^{1,2}, S. G. Karepova²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, Moscow, 117997, Russian Federation

²Institute of Sociology of FCTAS RAS, Krzhizhanovskogo str., 24/35, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-210-219

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of academic motivation of students of modern Russian universities. The introduction reveals theoretical and methodological approaches to the study of academic motivation, shows the practice of analyzing this phenomenon. The main part of the article presents the results of a sociological study in order to typologize modern students depending on the prevailing orientation of academic motivation. The empirical basis of the study was a questionnaire survey conducted in 2022 in several Moscow universities. Based on the provisions of the theory of self-determination, the authors investigate the structure of the educational motivation of the interviewed students and demonstrate the prevailing motives for visiting the university. Based on the results of cluster analysis, three groups of students are distinguished depending on the severity of intrinsic or extrinsic motivation and the cluster profile of the selected groups is analyzed. Using the criteria of nonparametric statistics, the differences of three cluster groups differentiated by gender and course of study are demonstrated. In the context of cluster affiliation, an assessment of professional choice is shown and the willingness of the interviewed students to change their specialty in the future is revealed. It is concluded that a negative attitude towards professional choice and readiness for retraining is most characteristic of students who demonstrate extrinsic motivation of an introjected and external type. In conclusion, the applied aspect of the empirical analysis of academic motivation is noted and the prospects for the development of this topic are emphasized

Keywords: academic motivation; self-determination theory; intrinsic academic motivation; extrinsic academic motivation; amotivation; professional choice; cluster analysis

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pinchuk, Antonina N. | E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Tikhomirov, Dmitry A. | E-mail: dat1983@yandex.ru

Karepova, Svetlana G. | E-mail: Svetlran@mail.ru

For citation: Pinchuk A. N., Tikhomirov D. A., Karepova S. G. Academic Motivation of Modern Students: The Experience of Cluster Analysis // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 210-219. (in Russ.)

Учебная мотивация современных студентов: опыт кластерного анализа

А. Н. Пинчук^{1,2}, Д. А. Тихомиров^{1,2}, С. Г. Карепова²

¹Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Стремянный пер., 36, Москва, 117997, Российская Федерация

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-210-219
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена исследованию учебной мотивации студентов современных российских вузов. Во введении раскрываются теоретико-методологические подходы к изучению учебной мотивации, показывается исследовательская практика анализа данного феномена. В основной части статьи представлены результаты социологического исследования, проведённого авторами с целью типологизации современных студентов в зависимости от преобладающей направленности учебной мотивации. Эмпирической базой исследования выступил анкетный опрос, осуществлённый в 2022 году в нескольких московских вузах. Основываясь на положениях теории самодетерминации, авторы исследуют структуру учебной мотивации опрошенных студентов и демонстрируют преобладающие мотивы посещения вуза. С опорой на результаты кластерного анализа выделяются три группы студентов в зависимости от выраженности внутренней или внешней мотивации, и анализируется кластерный профиль выделенных групп. С применением критериев непараметрической статистики демонстрируются отличия трёх кластерных групп, дифференцированных по полу и курсу обучения. В разрезе кластерной принадлежности показывается оценка профессионального выбора и выявляется готовность опрошенных студентов сменить специальность в будущем. Делается вывод о том, что негативное отношение к профессиональному выбору и готовность к переквалификации больше всего характерна для студентов, которые демонстрируют внешнюю мотивацию интроецированного и экстерналичного типов. В заключении отмечается прикладной аспект эмпирического анализа учебной мотивации и подчёркиваются перспективы развития данной темы.

Ключевые слова: учебная мотивация; теория самодетерминации; внутренняя учебная мотивация; внешняя учебная мотивация; амотивация; профессиональный выбор; кластерный анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пинчук Антонина Николаевна | E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

Тихомиров, Дмитрий Андреевич | E-mail: dat1983@yandex.ru

Карепова, Светлана Геннадьевна | E-mail: Svetlran@mail.ru

Для цитирования: Пинчук А. Н., Тихомиров Д. А., Карепова С. Г. Учебная мотивация современных студентов: опыт кластерного анализа // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 210-219.

Введение

Выявление учебной мотивации студентов вузов представляет важную теоретическую и практическую задачу для учёных, администрации вузов, преподавателей, кураторов. В теоретическом плане изучение учебной мотивации позволяет объяснить поведение обучающихся и их намерения в отношении получения образования в вузе. В практическом аспекте анализ учебной мотивации студентов позволяет решить ряд педагогических и организационных вопросов, направленных на повышение заинтересованности и вовлеченности обучающейся молодёжи в учебно-педагогический процесс.

Отмечая теоретические и прикладные стороны анализа мотивации, следует учитывать, что это одно из самых сложных психолого-педагогических явлений, многоаспектность которого отражена в плюрализме теоретических воззрений в социально-гуманитарных науках [1]. Определяя учебную мотивацию, учёные подчёркивают, что это и причина, и регулятор учебной деятельности [2; 3], а само понятие «является скорее зонтичным конструктом, представляющим собой «собирательный образ» из характеристик личности, его оценочных суждений и потребностей, целевых ориентаций и самоконтроля» [4, с. 25].

В работе Т. В. Семеновой показывается коллаж теоретических воззрений на мотивацию, аспектирующих как роль внешнего стимулирования (теории драйва), так и личностных детерминант поведения (теории «ожидания – ценность») [5]. Среди современных исследователей особой популярностью пользуется теория самодетерминации, эвристический потенциал которой был продемонстрирован в рамках эмпирической апробации [2]. Согласно основной идее теории самодетерминации Е. Л. Деси и Р. М. Райана, существует несколько типов мотивации (внутренняя, внешняя и амотивация), которые дифференцируются в зависимости от потребности индивида в автономии [6].

Внутренняя мотивация предполагает внутреннюю регуляцию самостоятельно инициированного действия. В этом случае вовлечённость в учебную активность вызывает интерес и приносит удовольствие. Внешняя мотивация опосредована внешними регуляторами. Учёные выделяют четыре типа внешней мотивации: экстернальный, интроецированный, идентифицированный и интегрированный. Экстернальный тип внешней мотивации характеризует самую низкую степень автономности индивида, когда регуляторами его активности являются внешние по отношению к нему объекты. Классическим примером данного типа мотивации является стремление получить поощрение либо избежать наказания. Следующий тип мотивации, интроецированный, характеризует влияние внешней среды, социальных норм и правил, которые интернализируются, но не воспринимаются как собственные детерминанты поведения. В этом случае действия индивида контролируются условной самооценкой, что позволяет избежать чувства стыда или стимулирует рост чувства собственной значимости. Идентифицированный тип внешней мотивации связан с вовлечённостью в деятельность, которая воспринимается как важное средство для достижения конкретной цели. При интегрированном типе мотивации индивид обладает наибольшей автономией, являясь инициатором деятельности, он принимает внешние цели как собственные ценности, тем самым появляется внутренняя заинтересованность в реализации деятельности по достижению внешней цели. Отдельно авторы выделяют амотивацию, подразумевающая отсутствие желания действовать и стремлений к определённым результатам.

В этом случае индивид либо не действует, либо проявляет пассивную деятельность [Ibid.].

Исследовательская практика анализа учебной мотивации обширна. В современных эмпирических исследованиях изучаются связи между учебной мотивацией и образовательными стратегиями обучающихся, академической успеваемостью [4; 7], академической прокрастинацией [8], практиками академического мошенничества [9]. Углубляя контекст социологического анализа, обратим внимание на связь учебной мотивации студентов с их мотивацией к будущей профессиональной деятельности. Данные психологических исследований свидетельствуют о том, что определённые виды учебной мотивации взаимосвязаны с ведущими профессиональными мотивами [10], однако в социологической исследовательской практике эти аспекты остаются недостаточно изученными.

Цель настоящей статьи заключается в типологизации современных студентов в зависимости от преобладающей направленности учебной мотивации. С опорой на теорию самодетерминации осуществим дифференциацию студентов в зависимости от того, какие типы учебной мотивации выражены больше всего в выделенных студенческих стратах. Исследование профилей кластерных групп студентов, разделенных по выраженности учебных мотивов различной направленности, позволит артикулировать типичные и специфичные характеристики обучающихся, выявить их оценку профессионального выбора и готовность работать по специальности. Такой ракурс анализа позволит показать проблемные группы студентов, немотивированных к обучению и испытывающих трудности в определении профессиональных перспектив.

Методы

Эмпирической базой исследования являются результаты анкетирования, осуществленного в нескольких московских вузах в марте 2022 года. Выборка неслучайная, сформирована методом «снежного кома». В анкетировании приняли участие студенты РЭУ им. Г. В. Плеханова, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Финансового университета при Правительстве РФ, а также НИУ ВШЭ. Студенты, которые откликнулись на ссылку онлайн-анкетирования, обучаются по программам социально-гуманитарного профиля: социология, политология, психология, юриспруденция и экономика. Всего в исследовании приняло участие 267 респондентов, среди них 74 % девушек и 26 % юношей, обучающихся на разных курсах бакалавриата: первый – 33 %, второй – 37 %, третий – 13 % и четвертый – 17 %.

Блоки анкеты включали вопросы о мотивах обучения в вузе, об отношении к учёбе, профессиональном выборе и образовательных ориентирах. Для исследования учебной мотивации был сформирован ряд суждений, выражающих различные виды учебных мотивов, выделенных согласно теории самодетерминации (не включая интегрированный тип, так как на эмпирическом уровне он не подлежит измерению [11]): внутренняя мотивация, экстремальный, интроецированный, идентифицированный типы внешней мотивации и амотивация.

В связи с тем, что выборка неслучайная, полученные данные не подлежат обобщению относительно генеральной совокупности. Однако выводы, сделанные на основе имеющейся выборки, приближают к пониманию изучаемого феномена на эмпирическом уровне, что расширяет границы теоретико-методологических и прикладных аспектов анализа.

Обработка и анализ данных анкетирования осуществлялся с помощью языка программирования Python в среде разработки Jupyter Notebook.

Результаты

В структуре учебной мотивации опрошенных студентов условно можно выделить топ наиболее часто встречаемых мотивов обучения в вузе. С точки зрения преобладающего типа обозначенный топ можно охарактеризовать как смешанный, потому что он содержит как внутреннюю, так и внешнюю мотивацию. Чаще всего респонденты соглашались с утверждением о том, что учёба в вузе позволяет всегда узнавать что-то новое и самосовершенствоваться (89 %), что отражает внутреннюю мотивацию. Чуть более 80 % посещают вуз, чтобы получить необходимые баллы и не иметь проблем с деканатом, сдачей зачётов, экзаменов (38 % полностью согласны, 43 % скорее согласны). Это указывает на роль внешних регуляторов. Третий по частоте встречаемости ответ также относится к внешней мотивации идентифицированного типа. Так, 77 % студентов утверждают, что посещают занятия, так как получают знания, которые необходимы для будущей профессиональной деятельности. Можно отдельно отметить, что 43 % полностью согласились и скорее согласились с высказыванием, характеризующим амотивацию: «посещаю занятия и выполняю формальные требования, хотя точно не знаю, зачем это нужно». Полная иерархия мотивов отражена на диаграмме 1.

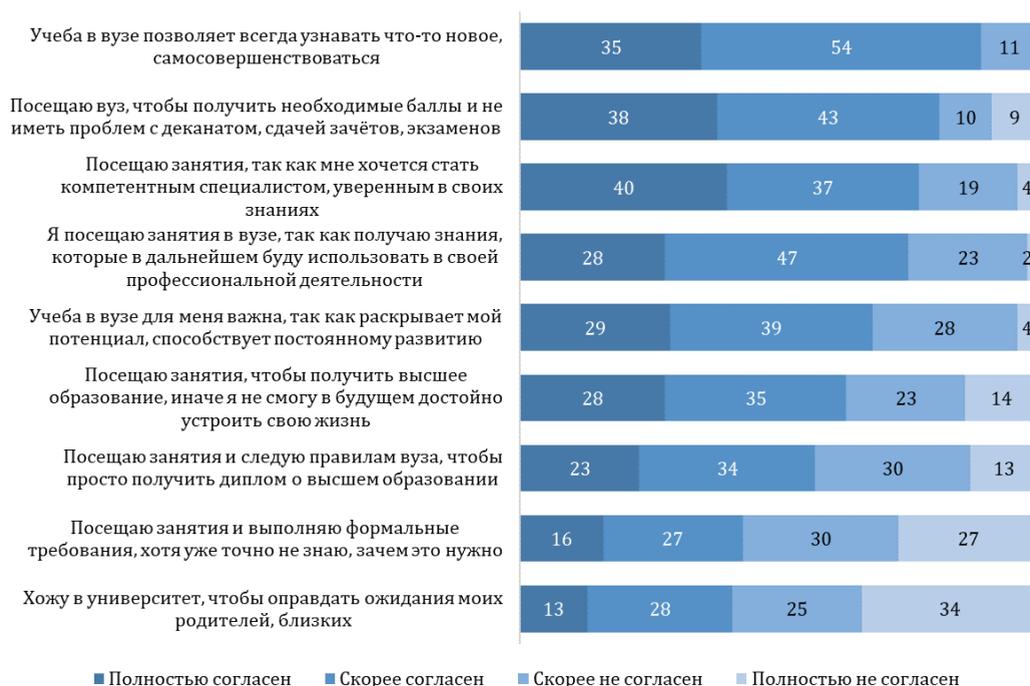

Диаграмма 1. Вам предлагаются утверждения о мотивах посещения занятий в вузе. Насколько Вы согласны с каждым из утверждений? (в процентах от числа опрошенных, один вариант ответа в каждой позиции)

На основе полученных данных был осуществлён иерархический кластерный анализ с применением метода Варда, в результате чего было выделено 3 кластерных группы. В таблице 1 в каждом из кластеров представлена сумма долей респондентов, которые согласились и скорее согласились с различными высказываниями о причинах посещения вуза.

Таблица 1

Результаты кластерного анализа

Учебные мотивы	Номер кластера		
	1	2	3
Учеба в вузе позволяет всегда узнавать что-то новое, самосовершенствоваться	97	70	95
Учеба в вузе для меня важна, так как раскрывает мой потенциал, способствует постоянному развитию	85	24	85
Посещаю занятия, так как мне хочется стать компетентным специалистом, уверенным в своих знаниях	96	30	85
Я посещаю занятия в вузе, так как получаю знания, которые в дальнейшем буду использовать в своей профессиональной деятельности	89	35	90
Посещаю занятия, чтобы получить высшее образование, иначе я не смогу в будущем достойно устроить свою жизнь	77	46	30
Посещаю вуз, чтобы получить необходимые баллы и не иметь проблем с деканатом, сдачей зачётов, экзаменов	90	98	0
Посещаю занятия и следую правилам вуза, чтобы просто получить диплом о высшем образовании	53	85	10
Хожу в университет, чтобы оправдать ожидания моих родителей, близких	46	50	0
Посещаю занятия и выполняю формальные требования, хотя уже точно не знаю, зачем это нужно	39	70	5

Концептуальная интерпретация результатов кластеризации позволила дать следующие названия выделенным кластерам: первый кластер – «реалисты» (60 %), второй кластер – «прагматики» (28 %), третий кластер – «идеалисты» (12 %).

Первую группу формируют «реалисты». Студенты в этой группе в основном проявляют внутреннюю, а также идентифицированную и интроецированную мотивацию. «Реалисты» рассматривают учёбу как путь к саморазвитию и раскрытию внутреннего потенциала. При этом большинство из них посещают занятия, так как им хочется стать компетентными специалистами, уверенными в своих знаниях. Вместе с тем для этих студентов не менее важно соблюдение формальных образовательных практик, чтобы избежать различных проблем в обучении. Они понимают, что сегод-

ня необходимо получить высшее образование, чтобы в будущем достойно устроить свою жизнь, что указывает на значимость внешних регуляторов.

Во вторую группу были объединены студенты, чаще всего демонстрирующие внешнюю мотивацию интроецированного и экстерналичного типа. Респондентов в этом кластере условно можно назвать «прагматиками». Они посещают вуз, чтобы не иметь проблем с академической успеваемостью, и стремятся просто получить диплом о высшем образовании. В этом кластере также фиксируется влияние ближайшего окружения, когда посещение университета сопряжено с желанием оправдать ожидания родителей и близких. Стоит добавить, что среди «прагматиков» больше, чем в остальных группах, выражена амотивация, вследствие которой соблюдение формальных учебных процедур и правил теряет всякий смысл.

Наконец, третий кластер состоит из респондентов, которые преимущественно проявляют внутреннюю и идентифицированную мотивацию, что по существу отражает преобладание автономной мотивации. Можно сказать, что данный кластер характеризует «идеалистов», для которых важна ценность учёбы как особого вида познавательной деятельности, открывающей что-то новое и позволяющей профессионально развиваться.

Для выявления наличия статистически значимых отличий между кластерными группами применялись инструменты непараметрической статистики. В разрезе кластерных страт были проанализированы такие характеристики респондентов, как пол, курс обучения, ориентиры на смену специальности.

Результаты анализа таблиц сопряжённости свидетельствуют о том, что существуют гендерные особенности выделенных кластеров. Как оказалось, среди «реалистов» 27 % юношей, 73 % девушек, вместе с тем девушки также преобладают в группе «прагматиков» (13 % юношей, 87 % девушек). Однако в третьем кластере юноши и девушки составляют равные пропорции (50 % юношей, 50 % девушек). Следует отметить, что данные особенности носят статистически значимый характер ($\chi^2 = 10.087$, $df = 2$, $p = 0.006$; V Крамера = 0.246, $p = 0.006$). Значение p не должно превышать 0,005, в противном случае нельзя говорить о значимости. Можно оставить значения коэффициентов, но не заявлять о значимости.

Полученные данные также свидетельствуют о специфике учебной мотивации студентов разных курсов обучения (диаграмма 2). Среди «реалистов» преобладают студенты первого и второго курсов обучения. В этом кластере демонстрируется смешанный тип мотивации, поэтому можно сделать вывод, что в первые учебные годы актуализируются и внутренние, и внешние мотивы. Происходит становление и определение значимых ориентиров, когда, с одной стороны, усиливается внутренняя мотивация и учёба сама по себе вызывает интерес, но, с другой, не менее значимую роль играют внешние регуляторы. Так, в период учебной адаптации осваиваются формальные правила для успешного прохождения учебного процесса и ощущается влияние социального окружения.

Среди «прагматиков» существенную долю составляют второкурсники. Если учитывать, что амотивация проявляется преимущественно во втором кластере, то стоит особое внимание уделить ослабленной направленности интереса к учёбе на втором курсе обучения.

В группу «идеалистов» в большей мере интегрированы представители первого и четвертого курсов обучения. Как было указано ранее, «идеалисты» чаще всего отмечали, что они хотят стать компетентными специалистами. Такое утверждение

звучит вполне актуально для четвертого курса, когда в ближайшем будущем необходимо решать вопросы трудоустройства. Полученные различия имеют статистически значимый характер ($\chi^2 = 20.481$, $df = 6$, $p = 0.002$; V Крамера = 0,248, $p = 0.002$).

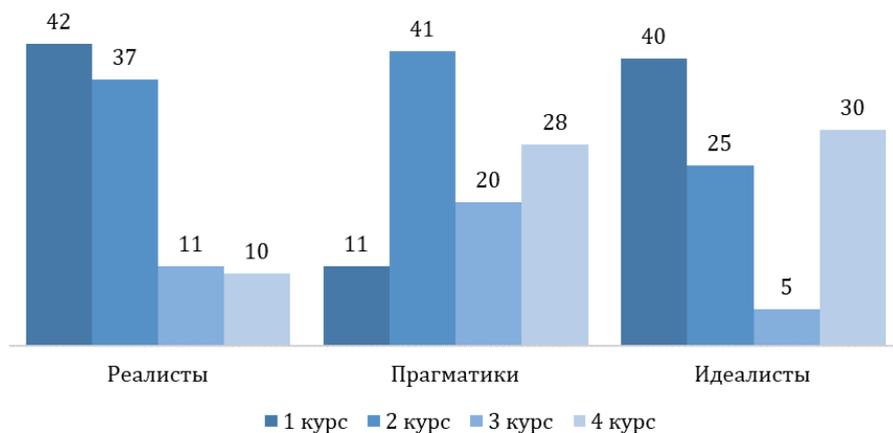

Диаграмма 2. Распределение студентов в кластерных группах в зависимости от курса обучения (в процентах от числа опрошенных)

Исследовательские данные позволяют определить отношение к профессиональному выбору опрошенных студентов (диаграмма 3). В кластерной группе «реалистов» преобладает положительная оценка профессионального выбора, о чем свидетельствует тот факт, что 58 % выбрали бы ту же специальность. Напротив, в группе «прагматиков» преобладает негативная оценка профессионального выбора: 59 % выбрали бы другую специальность. Среди «идеалистов» 65 % удовлетворены профессиональным выбором. Анализ непараметрических критериев позволяет сделать вывод, что полученные результаты статистически значимы ($\chi^2 = 20.698$, $df = 4$, $p < 0.001$; V Крамера = 0,249, $p < 0.001$).

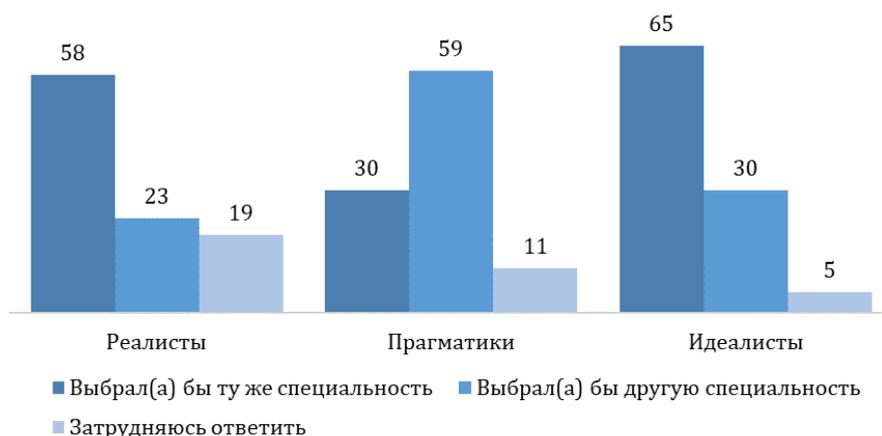

Диаграмма 3. Если бы у Вас была возможность вернуться в прошлое и вновь выбрать специальность, то какой выбор Вы бы сделали? (в процентах от числа опрошенных)

Далее респондентам было предложено выразить степень согласия с различными утверждениями о профессиональных планах. Проверка статистически значимой связи между переменными показала, что представители трёх выделенных групп по-разному относятся к перспективе сменить свою профессию, выражая степень согласия со следующим утверждением: «Для меня важно работать только по своей специальности, осваивать новые отрасли не собираюсь» (диаграмма 4). Можно заключить, что большинство опрошенных готовы осваивать новые отрасли, но доля тех, кто намерен работать только по своей специальности, выражена в разной мере в трёх кластерах ($\chi^2 = 7.792$, $df = 2$, $p = 0.02$; V Крамера = 0,216, $p = 0.02$).

Диаграмма 4. Для меня важно работать только по своей специальности, осваивать новые отрасли не собираюсь (в процентах от числа опрошенных)

Как видно, наиболее открыты к освоению новых профессиональных отраслей «прагматики», лишь 7 % из них собираются работать только по своей специальности. Напротив, практически четверть опрошенных в группе «реалистов» не собирается осваивать новые профессиональные отрасли. Принимая во внимание то, что в первом кластере значительная доля первокурсников, следует учитывать, что их профессиональное становление находится на начальной стадии и многие взгляды со временем будут меняться.

Выводы

Авторское социологическое исследование показало, что среди студентов могут быть определены номинативные группы обучающихся, дифференцированные в зависимости от мотивации к учебной деятельности. Ведущие мотивы посещения вуза большинства студентов вполне понятны: это и стремление узнать что-то новое, и получить знания, которые необходимы для будущей профессиональной деятельности, и желание избежать проблем с академической успеваемостью. С точки зрения теории самодетерминации полученная картина репрезентирует преобладание внутренней мотивации и внешней мотивации идентифицированного и интроецированного типов. В то же время группа студентов неоднородна в проявлении различных типов учебной мотивации, что демонстрируют результаты кластерного анализа. В ходе исследовательских работ было выделено три группы студентов, которые в первом случае демонстрируют смешанный тип учебной мотивации, во втором – преобладание контролируемой мотивации, где ярко выражены мотивы интроеци-

рованного и экстернального типов, а в третьем – доминирование автономной мотивации, представленной внутренними и идентифицированными мотивами. По своим характеристикам выделенные кластерные группы отличаются, их состав меняется в зависимости от пола и курса обучения. Можно заключить, что внешне мотивированные к учёбе студенты чаще всего встречаются на втором курсе. Однако проведённое исследование репрезентирует не только существование проблемной группы студентов, учебная деятельность которых в основном опосредована внешними регуляторами, полученные материалы также указывают на негативное отношение к профессиональному выбору в данной группе обучающихся, что может отразиться на будущем профессиональном становлении.

Осуществленное эмпирическое исследование учебной мотивации современных студентов может представлять интерес как для учёных, проявляющих научное внимание к данной теме, так и для практикующих специалистов в сфере образования, эффективность профессиональной деятельности которых во многом зависит от отношения к учёбе обучающихся. Выявленные на эмпирическом уровне особенности учебной мотивации становятся стимулом к дальнейшему развитию теоретических идей, которые углубляют понимание отношения студенческой молодёжи к учёбе в вузе и получаемой профессии.

Ссылки

1. Лымарев В. Н. Теории профессиональной мотивации и их прикладное значение в современной высшей школе // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2021. № 3. С. 71–77.
2. Малошонок Н. Г., Семенова Т. В., Терентьев Е. А. Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // *Вопросы образования*. 2015. № 3. С. 92–121.
3. Терентьев Е. А., Рыбаков Н. В., Бедный Б. И. Зачем сегодня идут в аспирантуру. Типологизация мотивов российских аспирантов // *Вопросы образования*. 2020. № 1. С. 40–69.
4. Семенова Т. В. Влияние учебной мотивации на успеваемость студентов: роль учебной активности // *Высшее образование в России*. 2016. № 7. С. 25–37.
5. Семенова Т. В. Теоретико-методологические подходы к изучению учебной мотивации: комплексный взгляд // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2015. № 6. С. 185–194.
6. Deci E. L., Ryan R. M. Overview of Self-Determination Theory: An Organismic Dialectical Perspective // Deci E. L., Ryan M. R. (eds) *Handbook of Self-Determination Research*. Rochester: University of Rochester, 2002. P. 3–33.
7. Self-Efficacy, Academic Motivation, and Self-Regulation: How Do They Predict Academic Achievement for Medical Students? / B. Zheng, C. Chang, CH. Lin et al. // *Medical Science Educator*. 2021. № 31. P. 125–130
8. Naz S., Hassan G. & Luqman M. Influence of Perfectionism and Academic Motivation on academic procrastination among students // *Journal of Educational Sciences & Research*. 2021. Vol. 8, No. 1. P. 13–20.
9. Шмелева Е. Д., Семенова Т. В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // *Вопросы образования*. 2019. № 3. С. 101–129.
10. Бенькова О. А., Артюхова Т. Ю., Шелкунова Т. В. Взаимосвязь учебной мотивации и мотивации к будущей профессиональной деятельности в студенческом возрасте // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2021. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN421.pdf> (дата обращения: 15.01.2023).
11. The Academic Motivation Scale: A Measure of Intrinsic, Extrinsic, and Amotivation in Education / R. J. Vallerand, L. G. Pelletier, M. R. Blais, N. M. Briere, C. Senecal, E. F. Vallieres // *Educational and Psychological Measurement*. 1992. Vol. 52, No 4. P. 1003–1017.

Structural and semantic characteristics of the names of military facilities (based on the names of the barracks of the German Armed Forces)

E. V. Kurguzova¹

¹Russian Federation Army Air Defense Military Academy, 2 Kotovsky str., Smolensk, 214027, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-220-231

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to a comprehensive analysis of one of the subdivisions of the onyms of the military sphere - the names of the barracks of the Armed Forces of Germany. Due to the topographical relevance of these military facilities, it is proposed to qualify these names as a subtype of military toponyms - military oikodomonyms. With the help of a structural morphological analysis, the basic models of the names of the barracks of the Bundeswehr have been established. The structure of the onyms of this type (compound word or phrase) contains the obligatory component "Kaserne". As an attribute in their composition are both common nouns and proper names with an extensive associative-cultural background. Common names in this case most often turn out to be military terms. Proper names are represented mainly by toponyms (khoronyms, oronyms, potonyms, limnonyms) and anthroponyms, more rarely mythonyms, ethnonyms. Anthroponyms, as a rule, are memorials that refer to the memory of individuals significant to the Bundeswehr tradition. In connection with a critical rethinking of the historical heritage in the Armed Forces of the Federal Republic of Germany, the process of re-checking and renaming the names of the barracks has been initiated: the barracks named after the Wehrmacht and Reichswehr officers receive distinguished names or the names of the German soldiers who died in the line of duty. As a result of the analysis of the onomastic functions of the names of the barracks of the Bundeswehr, the functions specific to them have been identified: the educational, the ideological and the advertising. An analysis of the names of the barracks of the Armed Forces of the Federal Republic of Germany leads to the conclusion that these names reflect the diversity of the geographical landscape and the history of culture, science and technology, as well as the German Armed Forces themselves. The functional and structural originality of military oikodomonyms states the necessity of further study of military onyms, which may be the subject of study of military onomastics research.

Keywords: proper name; toponym; oikodomonym; anthroponym; memorial name; onomastic functions; associative-cultural background; German Armed Forces; tradition

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kurguzova, Elena V. | E-mail: allesgute@yandex.ru
Cand. Sc. (Philology)

For citation: Kurguzova E. V. Structural and semantic characteristics of the names of military facilities (based on the names of the barracks of the German Armed Forces) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 220-231. (in Russ.)

Структурно-семантические характеристики названий военных объектов (на материале названий казарм Вооружённых сил ФРГ)

Е. В. Кургузова¹

¹Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации, ул. Котовского, 2, Смоленск, 214027, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-220-231
УДК 811.11'373.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена комплексному анализу одного из подразрядов онимов военной сферы – названий казарм Вооружённых сил ФРГ. В силу топографической отнесенности эти названия предлагается квалифицировать как военные ойкодомонимы. С помощью структурно-морфологического анализа установлены основные модели названий казарм бундесвера. В их структуре присутствует обязательный компонент «Kasern». В качестве атрибута в их составе выступают как имена нарицательные, так и имена собственные, обладающие обширным ассоциативно-культурным фоном. Имена нарицательные при этом чаще всего оказываются военными терминами. Имена собственные представлены в основном топонимами и антропонимами, реже мифонимами, этнонимами. Антропонимы, как правило, являются меморативами, отсылающими к памяти личностей, значимых для традиции бундесвера. В связи с критическим переосмыслением исторического наследия в Вооружённых силах ФРГ инициирован процесс перепроверки и переименования названий казарм: казармы, поименованные в честь офицеров вермахта и рейхсвера, получают оттопонимные названия или имена погибших при исполнении своих обязанностей немецких военнослужащих. В результате анализа ономастических функций названий казарм бундесвера выявлены специфические для них функции: воспитательная, идеологическая и рекламная. Анализ названий казарм бундесвера позволяет сделать вывод о том, что данные названия отражают многообразие географического ландшафта и историю культуры, науки и техники, как и самих Вооружённых сил Германии. Функциональное и структурное своеобразие военных ойкодомонимов говорит о необходимости дальнейшего изучения онимов военной сферы как предмета исследования военной ономастики.

Ключевые слова: имя собственное; топоним; ойкодомоним; антропоним; меморатив; ономастические функции; ассоциативно-культурный фон; Вооружённые силы ФРГ; традиция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кургузова, Елена Владимировна | E-mail: allesgute@yandex.ru
Кандидат филологических наук, доцент 16 кафедры
иностраных языков

Для цитирования: Кургузова Е. В. Структурно-семантические характеристики названий военных объектов (на материале названий казарм Вооружённых сил ФРГ) // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 220-231.

Одним из оснований классификаций имён собственных (ИС) является их соотнесённость со сферой функционирования. В этой связи представляется перспективным рассмотрение онимов военной сферы жизнедеятельности человека.

Комплексный характер военного социума обуславливает сложность ономастического поля военной сферы. Так, специфические обозначения индивидов, занимающих в вооружённых силах (ВС) определённую позицию, могут быть классифицированы как военные антропонимы. Наименования общественных институтов, обеспечивающих функционирование вооружённых сил государства, самих вооружённых сил и их частей, составляют группу военных политонимов; названия промышленных предприятий, работающих на военную сферу, могут быть обозначены как военные эргонимы; названия военных событий – военные хрононимы; названия военных объектов – военные топонимы. Таким образом, можно говорить о выделении большого пласта собственных наименований, функционирующих в военной сфере. Объём, характер, разнообразие, специфика военных онимов позволяют говорить о возможности выделения для их изучения отдельного направления ономастической науки – военной ономастики.

Одним из подразделов военной ономастики может стать военная топонимика, которая – по аналогии с общей топонимикой – будет заниматься рассмотрением военных топонимов – названий военных объектов, к которым относят «существующие или планируемые к строительству полигоны, аэродромы, узлы связи, базы, склады, арсеналы и иные используемые для нужд обороны страны и безопасности государства объекты, а также объекты недвижимого имущества, расположенные на позициях войск и воинских частей, на стационарных пунктах управления, в военных научно-исследовательских организациях, комплексы зданий и отдельные здания, строения и сооружения Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны¹». Главным признаком, позволяющим отнести объекты из данного перечня к топонимам, является четкая фиксация на поверхности земли, как и использование для обозначения значительной части таких объектов собственно географических наименований.

При этом имя собственное понимается как культурный знак, сопровождаемый ассоциациями внеязыкового, энциклопедического характера. Объём и характер лингвокультурологической информации, сопровождающей имя собственное, зависит от разряда онима, его типа, уровня преимущественного бытования (общенациональный, региональный, локальный), принадлежности к ядру или периферии данного ономастического пространства и др. [1, с. 357].

Задачей настоящей работы является комплексный анализ названий казарм Вооружённых сил ФРГ. Отметим, что в ВС РФ традиция именовать казармы отсутствует, так что данная разновидность имён собственных для русскоязычного ономасти-

¹ Положение об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны (В редакции постановлений Правительства Российской Федерации от 10.09.2016 г. № 904; от 29.12.2016 г. № 1540; от 27.07.2017 г. № 890) // Официальный интернет-портал правовой информации. 27.07.2017. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349552&rdk=&backlink=1>. (дата обращения: 02.09.2020).

Полагаем, что данное определение применимо ко всем военным объектам, независимо от места их нахождения.

ческого пространства оказывается безэквивалентной и представляющей особый интерес. Актуальность исследования обусловлена отсутствием специальных работ, посвящённых названиям казарм как разновидности собственных имён. С позиций систематизации материала представляет интерес третья часть коллективного труда «Erinnerungsorte der Bundeswehr: Personen, Ereignisse und Institutionen der soldatischen Traditionspflege» [2], которая содержит алфавитный перечень названий казарм Вооружённых сил ФРГ с указанием адреса данных военных объектов, а также краткого комментария к их названиям.

Материалом исследования послужили названия действующих казарм бундесвера, упоминаемые в открытых источниках [3]. Предметом исследования явились семантика и структура данных онимов. В качестве методов исследования использовались структурно-морфологический анализ, позволяющий установить модели названий казарм ВС ФРГ и описать их семантическую составляющую; количественный анализ с целью определения тенденций в выборе названий казарм бундесвера, лингвокультурологический анализ, позволяющий описать ассоциативно-культурный фон рассматриваемых именований.

Заметим, что объём понятия «казарма» в русском и немецком языках отличается. В русскоязычной военной терминологии казарма – «специально построенное или переоборудованное здание со спальными, бытовыми, служебными и учебными помещениями, предназначенное для размещения личного состава воинских подразделений» [4]. В немецком языке под казармой понимается комплекс зданий, то есть практически военный городок, гарнизон: «Gebäude, Gebäudeanlage für die dauernde Unterkunft der Truppen²» [5]. Например, в Лесной казарме (Waldkaserne) расквартировано 750 человек, а также размещены следующие службы: Правление, а также 1-я и 7-я рота военной полиции № 2; Учебный военно-музыкальный корпус; Служба военной контрразведки (MAD-Stelle 3); Консультационный пункт гражданского образования и переподготовки Хильден и др. [6].

В настоящем исследовании мы будем использовать термин «казарма» в его расширенном, немецкоязычном, значении.

Для названий казарм в ономастике не существует отдельного термина, однако поскольку речь идет об именовании зданий, данные имена собственные можно причислить к такой разновидности топонимов, как урбанонимы (собственное имя любого городского объекта) и, конкретнее, к ойкодомонимам. Термин «ойкодомоним» был предложен Н. В. Подольской, которая определяет его как «имя собственное здания» [7, с. 88]. Однако данный термин можно использовать также применительно к комплексу зданий, как это имеет место в случае немецких казарм, поскольку главным свойством топонимов (и, следовательно, ойкодомонимов) является их топографическая привязка [8].

Ойкодомонимы как разновидность топонимов довольно подробно описаны в работах Р. В. Разумова. В частности, ученый показал, что ойкодомонимы нельзя отождествлять с другим разрядом имен собственных – эргонимами, которые представляют собой названия коммерческих объектов и выполняют рекламную функцию. Разными являются и сферы функционирования рассматриваемых разрядов ИС: ойкодомонимы употребляются в официальном дискурсе, а эргонимы – преимущественно в разговорной речи.

² Здание, комплекс зданий для длительного размещения воинских частей (перевод наш – Е. К.).

щественно в рекламе [9]. А. В. Суперанская также настаивает на различении названий зданий и находящихся в них учреждений [10, с. 75].

С точки зрения структурно-семантической характеристики названия казарм бундесвера представляют собой сложные слова или раздельно оформленные словосочетания с обязательным компонентом «Kaserne» в качестве основного слова. В качестве определяющего слова (слов) могут выступать как имена нарицательные, так и имена собственные.

Имена нарицательные как компонент сложного слова чаще всего оказываются терминами, позволяющими определить род войск, к которому относится размещающееся в ней воинское формирование: в казарме *Jägerkaserne* размещаются стрелки (Jäger), в казарме *Artillerie-Kaserne* – артиллерийские части и т. д. В эту же группу можно включить название *Edelweiß-Kaserne*, которое включает в себя название растения эдельвейс, являющееся эмблемой горно-стрелковых частей ВС ФРГ и таким образом косвенно указывающее на данный род войск.

В других случаях первая часть названия может указывать на местонахождение казармы: казарма *Waldkaserne*, действительно, была построена в лесу (*der Wald* – лес). Название казармы *Glückauf-Kaserne* образовано от фразеологизма *Glück auf!* (Удачи! Счастливого возвращения! Счастливо на-гора!), старинного приветствия горняков. *Glückauf-Kaserne* расположена в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия, где была сосредоточена угольная промышленность.

Однако большая часть названий казарм имеет в качестве определяющего компонента имя собственное. В основном это имя человека (антропоним) или географическое название (топоним). Нами выявлено несколько случаев, где такими определяющими компонентами являются мифоним (*Nibelungenkaserne*), этноним (*Frankenkaserne*), династическое имя (*Welfenkaserne*).

Структурный состав именований казарм с ономастическим компонентом оказывается неоднородным. Нами установлены следующие основные модели названий, представляющих собой сложные существительные.

1. Антропоним + термин *Kaserne*:

Фамилия + термин *Kaserne*: *Lützow-Kaserne*.

Родовой префикс + фамилия + термин *Kaserne*: *Von-Seydlitz-Kaserne*.

Имя + фамилия + термин *Kaserne*: *Theodor-Körner-Kaserne*.

Имя + родовой префикс + фамилия + термин *Kaserne*: *Ernst-von-Bergmann-Kaserne*.

Звание + фамилия + термин *Kaserne*: *Generalfeldmarschall-Rommel-Kaserne*, *General-Weber-Kaserne*.

Звание + титул + родовой префикс + фамилия + термин *Kaserne*: *Generalmajor-Freiherr-von-Gersdorff-Kaserne*.

Фамилия + фамилия + термин *Kaserne*: *Deines-Bruchmüller-Kaserne*.

2. Топоним + термин *Kaserne*:

2.1. Хороним (название региона) + термин *Kaserne*: *Allgäu-Kaserne*, *Gäubodenkaserne*.

2.2. Ороним (название горы или горного массива) + термин *Kaserne*: *Schwarzwald-Kaserne*, *Hochstaufen-Kaserne*.

2.3. Потамоним(ы) (название одной или двух рек) + термин *Kaserne*: *Mangfall-Kaserne*, *Dahme-Spree-Kaserne*, *Elbe-Weser-Kaserne*.

2.4. Лимноним (название озера) + термин *Kaserne*: *Luttensee-Kaserne*.

2.5. Название пролива + термин *Kaserne*: *Strelasund-Kaserne*.

2.6. Название фортификационных сооружений + термин *Kaserne*: *Douaumont-Kaserne, Wilhelmsburg-Kaserne*.

Немногочисленные раздельно оформленные названия казарм представлены двумя моделями.

1. Термин *Kaserne* + топоним / топоним с предлогом: *Kaserne Demminer Land, Kaserne am Goldenen Steig*.

2. Оттопонимическое прилагательное + термин *Kaserne*: *Werdenfelser Kaserne*.

Количественный анализ массива названий казарм с ономастическим компонентом позволил установить, что большую их часть представляют названия с антропонимами в качестве определяющего слова – так называемые меморативы, или собственные имена мемориальные, служащие для увековечения памяти какой-либо личности [9, с. 119; см. также 11]. Дело в том, что именование казарм в честь выдающихся военных деятелей Германии является частью традиции бундесвера, изложенной в соответствующем документе – Указе о традициях под названием «Die Tradition der Bundeswehr. Richtlinien zum Traditionsverständnis und zur Traditionspflege» – «Директивы к пониманию и культивированию традиций в бундесвере» [12].

Традиции играют в Вооружённых силах ФРГ значимую роль в воспитании военнослужащих, которые, являясь частью гражданского общества, доносят свои ценности и идеалы до широких его слоев. В ВС ФРГ традиция является «ядром культуры памяти» [Ibid., p. 2], а масштабом ее понимания – наряду с возложенными на военнослужащих задачами и обязанностями – ценности и нормы Основного закона, к которым относятся прежде всего уважение человеческого достоинства, соблюдение законности и международного права, недопущение насилия и произвола, поддержание свободы и мира [Ibid., p. 4].

До недавнего времени официально признанными источниками традиции бундесвера являлись три исторических периода:

- прусские военные реформы 1808–1813 гг.;
- движение военного Сопrotивления режиму Гитлера, особенно события 20.07.1944 г.;
- традиции самого бундесвера с момента его основания.

С прусской военной реформой связан ряд имен государственных и военных деятелей, которые в начале XIX в., после освободительных войн против Наполеона, реформировали прусскую армию. Для ВС ФРГ являются значимыми такие достижения реформы, как реорганизация системы военного образования, (относительное) открытие доступа в офицерский корпус гражданским лицам, принцип повышения по службе только по собственным заслугам, принцип сознательной дисциплины в отличие от рабского повиновения и слепого выполнения приказов. Об этом напоминают такие воинские ритуалы и символы, как Торжественная заря или Железный крест, являющийся опознавательным знаком ВС ФРГ с момента их основания, а также наименования казарм.

В частности, одна из казарм в Германии – *Scharnhorst-Kaserne* – носит имя Герхарда Шарнхорста (1755–1813), прусского генерала и военного реформатора. Совместно с генералом А. Гнейзенау Г. Шарнхорст провел военную реформу, в результате которой было подготовлено введение воинской повинности и отменены

наказания, унижающие достоинство простого солдата. Во время освободительной войны с наполеоновской Францией Г. Шарнхорст был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера.

Память героев войны с наполеоновской Францией увековечивает довольно большой пласт названий казарм. Это казармы имени Г. Блюхера, Г. И. фон Цитена, К. Клаузевица, И. Йорка, Ф. фон Шиля и др.

К деятелям военного движения Сопrotивления национал-социализму относят в первую очередь участников неудавшегося покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Таковыми являются, например, полковник вермахта Клаус Филипп Мария Шенк граф фон Штауффенберг (имя которого носит казарма *Graf-von-Stauffenberg-Kaserne*), генерал-полковник Людвиг Август Теодор Бек (*Generaloberst-Beck-Kaserne*), генерал-майор Хеннинг Герман Роберт Карл фон Тресков (*Henning-von-Tresckow-Kaserne*) и др. Кроме того, ряд названий казарм мотивирован именами политического и гражданского Сопrotивления. Это казарма имени Юлиуса Лебера, казарма имени майора Карла Плагге и др.

Название казармы «Фон-Харденберг-Казерне» в Штраусберге (Бранденбург) затрагивает одновременно две линии исторической традиции бундесвера. Карл Август фон Харденберг (1755–1822), министр иностранных дел и канцлер Пруссии (с 1810 года), был одним из инициаторов прусских государственных и военных реформ. Его пра-правнучатый племянник Карл-Ханс граф фон Харденберг (1891–1958) вошел в историю как деятель военного Сопrotивления национал-социалистическому режиму. Выбор названия казармы, видимо, обусловлен тем, что в данном регионе находятся родовые имения фон Харденбергов.

Необходимо отметить, что наряду с именами прославленных героев освободительных войн или прогрессивных мыслителей в списках казарм ВС ФРГ до сих пор встречаются имена гитлеровских полководцев. Так, например, имя генерал-фельдмаршала Роммеля носят три крупные казармы бундесвера. Одна из авиабаз – в Берлине – названа в честь гитлеровского аса Йоханнеса Штейнхоффа, две казармы – в честь танковых генералов, проявивших себя на Восточном фронте.

В этой связи следует сказать о том, что в настоящее время в ВС ФРГ осуществляется проверка названий казарм на их соответствие современным традициям бундесвера. В результате такой проверки в период с 1995 по 2017 гг. было переименовано 16 казарм. Так, казарма имени генерал-полковника вермахта Дитля в баварском городе Фюссен была переименована в казарму «Альгой» (название предальпийской области в южной части Германии). Казарма «Генерал Кюблер» в г. Миттенвальде получила название «Карвендель» по своему местонахождению и т. д. [13].

Нами установлено, что большая часть казарм, носивших имена военнослужащих с нацистским прошлым, получила в результате переименования названия с географической отнесенностью.

Новым импульсом к пересмотру названий казарм и вместе с тем традиций бундесвера послужило т. н. дело лейтенанта А. Франко, который был задержан в 2017 г. по подозрению в подготовке терактов. Симпатии этого офицера к идеям национал-социализма и его символике побудили федеральные власти обратить внимание на взгляды, настроения, а также «наглядную агитацию», которые прямо или косвенно связаны с вермахтом. Урсула фон дер Ляйен, занимавшая в то время пост министра обороны ФРГ, потребовала сменить названия военных казарм в честь во-

еннослужащих вермахта, для того чтобы окончательно отмежеваться от традиций фашистской армии. Дискуссии вокруг традиций бундесвера привели к переработке соответствующего указа 1982 г. и появлению в 2018 г. новой директивы. Заметим, что ее подписание сопровождалось воинской церемонией торжественного переименования казармы бундесвера, носившей имя кайзеровского генерала Отто фон Эммиха в казарму имени хауптфельдфебеля Тобиаса Лангенштайна, погибшего в 2011 г. в результате теракта под Мазари-Шарифом в Афганистане.

В новой директиве подвергается критическому рассмотрению история вооружённых сил Германии на разных этапах ее существования.

Немецкие Вооружённые силы, существовавшие до 1918 г., получили в данном документе оценку как «стабилизирующая составляющая раздробленного династически устроенного государства» [12, р. 3], а рейхсвер Веймаровской республики характеризуется как «государство в государстве» [Ibid.]. Вермахт периода национал-социалистической диктатуры оценивается как инструмент расовой идеологии и вследствие этого не может служить основанием для традиции современного бундесвера. Подобным образом ВС ФРГ не могут следовать традиции Национальной народной армии ГДР как «социалистической классово-партийной армии», действовавшей в интересах авторитарной власти [Ibid., р. 4].

Новый указ подвергает критической оценке политические и государственные взгляды реформаторов прусской армии XVIII в., а также делает попытку критически осмыслить политическую подоплёку движения военного Сопротивления. Во-первых, из исторических исследований известно, что представители военного и гражданского Сопротивления, как правило, вовсе не придерживались республиканских и демократических убеждений, а некоторые из них имели реакционные и реставрационные взгляды. Во-вторых, подвергается сомнению, насколько тогдашние события и действия могут являться образцом для современных военнослужащих. Несомненно, гражданское мужество, сопротивление противоправным деяниям и массовому уничтожению людей относятся к системе ценностей бундесвера, однако опыт действий в тоталитарном режиме лишь условно может быть использован в демократическом обществе [14].

Тем не менее в указе 2018 г. намечены и новые положительные тенденции. Во-первых, присвоение одной из казарм имени военнослужащего в звании фельдфебеля прерывает традицию ставить в центр внимания личности, занимавшие в армии только руководящие должности. Все в большей мере углубляется понимание того, что героизм, заслуживающий признания и включения в традицию, не зависит ни от звания, ни от должности, ни от пола. Следует заметить, что на сегодняшний день в качестве названий казарм выбираются имена представителей всех групп военнослужащих. Примерами могут послужить казармы, названные в честь фельдфебеля Антона Шмида, казненного в нацистской Германии за оказание помощи евреям, и первой женщины-врача, получившей докторскую степень в Германии, Доротеи Эркслебен³.

Во-вторых, отмечается, что в эпоху тесного международного сотрудничества в военной сфере образцы для подражания военнослужащим ФРГ не могут оставаться только немецкими. О включении бундесвера в интернациональные струк-

³ Казарма имени доктора Доротеи фон Эркслебен в г. Галле (Заале) была упразднена в 2017 г.

туры говорит появление казармы им. Люсиуса Д. Клея, американского генерала, главы американской зоны оккупации послевоенной Германии, организовавшего воздушный мост в Западный Берлин в 1948–1949 гг., и казармы им. Робера Шумана, министра иностранных дел Франции, одного из основателей Европейского Союза, Совета Европы и НАТО. Как замечает политический аналитик Х. Биль, такое открытое понимание традиции бундесвера может стать шансом пойти по новому пути, по которому до сих пор не пошла ни одна армия [Ibid.].

Несмотря на доминирование в названиях казарм имен личностей, воплощающих идеалы ВС ФРГ последнего времени, нами выявлены казармы, которые названы в честь военных деятелей средневековья и даже персонажей легенд.

Например, казарма *Graf-Aswin-Kaserne* носит имя богенского графа Асвина, который был знаменит смелостью и необузданным нравом и упоминался в местных легендах как «Богемский кошмар» (*Boehmenschreck*).

Название казармы *Schweppermann-Kaserne* напоминает о полководце Зейфриде Швеппермане, проявившем мужество в битве под Мюльдорфом в 1322 г.

Обращают на себя внимание названия казарм, мотивированные именами ученых и деятелей культуры и искусства. Так, в федеральной земле Мекленбург-Передняя Померания находится казарма имени Эрнста Морица Арндта, немецкого поэта, участника Франкфуртского национального собрания; в г. Ахен – казарма имени Теодора Кёрнера, автора патриотических стихов и песен времен Наполеоновских войн. В общине Файтсхёххайм (*Veitshöchheim*) в районе Вюрцбурга располагается казарма имени выдающегося архитектора эпохи барокко Бальтазара Ноймана, который создал в Вюрцбурге несколько памятников архитектуры. Помимо того, есть казармы, названные в честь пионера воздухоплавания Отто Лилиенталя, изобретателя дирижаблей Фердинанда фон Цеппелина, средневекового географа Меркатора, выдающегося физика Генриха Герца, основателя хирургии мозга Эрнста фон Бергмана и др.

Таким образом, комплексный подход к рассмотрению названий казарм предполагает обязательную экспликацию лингвострановедческих сведений, сопровождающих имена собственные как культурные знаки.

При описании внеязыковой информации, ассоциируемой с тем ли иным именем собственным, воспользуемся термином «ассоциативно-культурный фон», предложенным Н. А. Максимчук [15, с. 205; 1]. Это сопутствующая информация, как правило, энциклопедического характера, не входящая в непосредственное содержание имени.

Мы пришли к выводу, что ассоциативно-культурный фон (далее АКФ) сложных в морфологическом отношении названий казарм имеет сложную, двухуровневую, структуру. Первый уровень АКФ формируют ассоциации, порождаемые атрибутивным компонентом названия, второй – ассоциации, мотивированные целостным именованим казармы.

Содержание АКФ атрибутивного компонента названий казарм зависит от ряда соответствующего имени собственного. Так, если в качестве определяющего элемента выступает антропоним, то в состав его АКФ войдут национальная принадлежность, время жизни, сфера деятельности, участие в исторических событиях, военные заслуги или культурные достижения. Для топонима направлениями ассо-

цирования могут быть географическое положение, особенности флоры / фауны, связь с историческими событиями и / или деятелями науки, культуры и др.

АКФ названия самой казармы может включать информацию о времени возникновения, выборе и присвоении названия, размещающихся в ней воинских частях и организациях, событиях, которые имели место на данной территории, личностях, связанных с ней, и пр.

Очевидно, что АКФ атрибутивного компонента оказывается более объемным и более значимым для военнослужащих ВС ФРГ и – шире – для представителей немецкой культуры, чем сведения о самой казарме, обладающие известностью локального уровня. Можно предположить, что именно атрибутивный компонент названия формирует своего рода «имидж» казармы, повышая привлекательность бундесвера в немецком обществе.

Перейдем к рассмотрению функций названий казарм. Как и все имена собственные, названия казарм выполняют основные ономастические функции – номинативную (называют военный объект), идентифицирующую (конкретизируют данный объект), дифференцирующую (отграничивают от подобных им) [ср. 16; 17], а также такие дополнительные функции, как:

- кумулятивную, которая проявляется в способности имени накапливать лингвокультурологическую и / или энциклопедическую информацию;
- функцию «введения в ряд», поскольку названия казарм построены по определенным моделям;
- воспитательную, проявляющуюся в приобщении военнослужащих к определенной системе ценностей, а также в воспитании патриотизма;
- идеологическую, отражающую идеалы и мировоззрение Вооружённых сил ФРГ на данном историческом этапе;
- рекламную, имеющую своей целью привлечь граждан ФРГ к несению службы в бундесвере.

Оттопонимным названиям казарм – благодаря присутствию в их составе топонима или оттопонимного прилагательного, указывающего на местонахождение объекта – имманентна соответствующая дейктическая функция [Там же. С. 274].

Таким образом, названия казарм бундесвера представляют собой разновидность топонимов, образованных на основе термина *Kaserne* и тесно связанных с другими разрядами собственных имен. В работе их предлагается квалифицировать как военные ойкодомонимы. Основанием для применения данного термина служит его «топографическая привязка» (Р. В. Разумов). Ограниченная сфера функционирования названий казарм и их вторичный характер обуславливают положение данного разряда собственных имен на периферии ономастического пространства.

Структурный анализ названий казарм позволил выявить их две основные разновидности: названия, представленные сложными именами существительными, и названия-словосочетания. В качестве определяющего компонента к опорному термину *Kaserne* наиболее часто вступают ИС ядра ономастического пространства – антропонимы и топонимы. При этом большую долю в данном массиве занимают антропонимы, превращающие название казармы в меморатив. На наш взгляд, это связано с тем, что именно антропонимы, отсылающие к личности-образцу, являются ориентирами при идеологическом воспитании военнослужащих.

В результате исследования нами установлено, что названия казарм ВС ФРГ обладают двухуровневым ассоциативно-культурным фоном. АКФ первого уровня представляет собой информацию энциклопедического характера, ассоциируемую с атрибутивным компонентом имени. Характер извлекаемых сведений обусловлен разрядом ИС, играющего в названии казармы роль определения. АКФ второго уровня порождается названием казармы как таковым. Предполагается, что АКФ первого уровня является более обширным, чем АКФ второго уровня, поскольку имя-атрибут в названии казармы выбирается располагающимися на ее территории военнослужащими и является значимым для бундесвера в целом или для конкретного региона Германии в частности. Следовательно, выявление сведений, составляющих АКФ названий казарм, позволяет получить представление как о наиболее важных личностях и событиях военной и культурной истории Германии, так и о ценных в культурном аспекте географических точках ФРГ.

В свою очередь, процесс наименований и переименований казарм бундесвера в динамике отражает критическую оценку и переосмысление противоречивой немецкой истории, а также стремление военного руководства ВС ФРГ сформировать у своих военнослужащих мировоззрение, базирующееся на нормах Основного закона ФРГ, и приобщить личный состав бундесвера к ценностям, изложенным в Указе о традиции. Дискуссии, которые ведутся в немецком обществе в связи с именованием казарм, ярко свидетельствуют о том, что рассматриваемые названия выполняют ряд специфических ономастических функций, к которым в данном контексте следует отнести идеологическую, воспитательную и рекламную.

Подводя итоги, можно сказать, что изучение мотивов присвоения названий тем или иным объектам позволяет получить важные сведения для ономастики, лингвокультурологии и социолингвистики, а сами имена собственные представляют собой в исторической перспективе ценный материал, свидетельствующий об идеалах и ценностях конкретного социума в конкретный исторический период.

Ссылки

1. Максимчук Н. А. Ассоциативно-культурный фон как форма существования и способ представления внеязыкового содержания имени собственного // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. С. 356–360.
2. Erinnerungsorte der Bundeswehr: Personen, Ereignisse und Institutionen der soldatischen Traditionspflege / H.-J. Behrendt (Hrsg.) Berlin: Carola Hartmann Miles-Verlag, 2020. 308 S.
3. Liste der Bundeswehrstandorte in Deutschland // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: <http://www.de.wikipedia.org> (дата обращения: 02.12.2021).
4. Военный энциклопедический словарь // Министерство обороны Российской Федерации. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=5845@morfDictionary> (дата обращения: 02.09.2021).
5. Kaserne // Wikipedia. Die freie Enzyklopädie. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 02.09.2021).
6. Лесная казарма (Хильден) // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://www.ru.m.wikipedia.org/лесная_казарма (дата обращения: 02.09.2021).

7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
8. Разумов Р. В., Горяев С. О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 93–111.
9. Разумов Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов // Имя собственное в жизни и литературе: мат-лы IX Междунар. Святогорских ономастических и IX Междунар. Михайловских литературно-ономастических чтений / Отв. ред. В. М. Калинин. Киев: Изд-кий дом Дм. Бураго, 2015. С. 115–123.
10. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
11. Разумов Р. В. Меморативы писателям, поэтам, литературным критикам в системе урбанонимов Российской Федерации // Вестник КГУ. 2017. № 3. С. 155–159.
12. Die Tradition der Bundeswehr. Richtlinien zum Traditionsverständnis und zur Traditionspflege // Bundesministerium der Verteidigung. 28.03.2018. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/23234/6a93123be919584d48e16c45a5d52c10/20180328-die-tradition-der-bundeswehr-data.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).
13. Fleischer J., Linden A. Überblick und Hintergrund: Kasernen mit neuem Namen // Bundeswehr. 18.03.2019. URL: http://bundeswehr.de/_Überblick_Kasernen_mit_neuem_Namen.html (дата обращения: 10.11.2019).
14. Biehl H. Die Tradition der Bundeswehr // Bundeszentrale für politische Bildung. 29.06.2018. URL: http://Tradition_der_Bundeswehr_bpb.html. (дата обращения: 10.11.2021).
15. Максимчук Н. А. Классификационные признаки в комплексной характеристике ономастических единиц // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований: Вестник Смоленского государственного университета Сер. 1: Филология. Т. 1. Смоленск: Маджента, 2007. С. 190–207.
16. Бондалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для ст-в пед. ин-тов по спец-ти № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1983. 224 с.
17. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

The function of predicate words in organization of scientific text

E. A. Petrova¹

¹Ufa law Institute of the Interior Ministry of Russia, 2 Muksinova str., Ufa, 450103, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-232-241

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the issues of studying the discursive features of the communication of a scientific text, since the logical train of thought is most clearly traced in it, i.e. semantic connection between the components of a single whole. The subject of the analysis is the characteristics of the functions of predicate words in the organization of a scientific text. The methodological basis of the study was the theoretical work related to communicative linguistics, cognitive linguistics, cognitive logic, text theory, discourse studies, for which the priority is the study of the language as a cognitive mechanism that plays a role in coding and transforming textual information. The emphasis is placed on the fact that the language serves cognition, and the text, therefore, is a product of a purposeful mental and speech activity of a person and an object of reception. A particular attention is paid to the description of the text-forming categories, especially to the category of cohesion, since, as a whole, the text exists precisely due to the combination of the most diverse types of connections. Based on the results of the analysis, it is emphasized that scientific texts differ from other types of texts in a logical construction. It is concluded that the lexical markers are involved in the logical-semantic organization of scientific texts, expressing a certain relationship, in terms of their participation in ensuring the development of thought and the logical coherence of fragments of scientific texts. It was revealed that the logical cores of scientific texts - predicate words connect the text logically on the basis of the semantic valence that is inherent in them.

Keywords: text; scientific text; categorical attribute; text-forming category; cohesion; semantic structure; predicate word

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Petrova, Elena Alexandrovna | E-mail: eleina.froloff@yandex.ru
| Doc. Sc. (Philology), Associate Professor

For citation: Petrova E. A. The function of predicate words in organization of scientific text // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 232-241. (in Russ.)

Функция слов-предикатов в организации научного текста

Е. А. Петрова¹

¹Уфимский юридический институт МВД России, ул. Муксинова, 2, Уфа, 450103, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-232-241
УДК 811.111

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена вопросам изучения дискурсивных особенностей коммуникации научного текста, поскольку в нём наиболее чётко прослеживается логический ход мысли, т. е. смысловая связь между компонентами единого целого. Предметом анализа является характеристика функций предикатных слов в организации научного текста. Методологической основой исследования послужили теоретические работы, касающиеся коммуникативной лингвистики, когнитивной лингвистики, когнитивной логики, теории текста, дискурсологии, для которых приоритетным является изучение языка как когнитивного механизма, играющего роль в кодировании и трансформировании текстовой информации. Делается акцент на том, что язык служит когниции, а текст, следовательно, представляет собой продукт целенаправленной мыслительно-речевой деятельности человека и объект рецепции. Особое внимание обращено на описание текстообразующих категорий, особенно на категорию когезии, поскольку как единое целое текст существует именно за счёт совокупности самых разнообразных типов связи. Исходя из результатов анализа, подчёркивается, что научные тексты отличаются от других типов текста логичным построением. Делается вывод о том, что в логико-семантической организации научных текстов участвуют лексические маркеры, выражающие определённое отношение с точки зрения их участия в обеспечении развития мысли и логической связности фрагментов научных текстов. Выявлено, что логические стержни научных текстов – слова-предикаты – связывают текст логически на основании семантической валентности, которая присуща именно им.

Ключевые слова: текст; научный текст; категориальный признак; текстообразующая категория; когезия; смысловая структура; слово-предикат

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петрова, Елена Александровна	E-mail: eleina.froloff@yandex.ru Доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных и русского языков
------------------------------	--

Для цитирования: Петрова Е. А. Функция слов-предикатов в организации научного текста // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 232-241.

Введение

Как известно, между ресурсами языка, реальными возможностями языка и потребностью людей в языковых средствах (к примеру, стремлением создать более совершенное средство языка) в каждую культурно-историческую эпоху возникают противоречия, которые и определяют движение и развитие, а значит, и совершен-

© ЯрГУ, 2023

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ствование языка. Концептуальным ядром логико-когнитивной методологии исследования языка является представление о языке как ключе к пониманию мышления и знания.

Развитие лексического запаса языка определяется, по-видимому, противоречием, выражающим внутреннюю сущность процесса развития языка и органически связанным с мышлением. Под развитием языка следует понимать не только количественное преобразование лексики, но и качественное. Уровень развития общества и мышления носителей языка, представляя собой чисто внешнюю причинность, обуславливает – разумеется, в единстве с внутренними причинами – развитие языка в целом.

Понимание дискурса как «речи, погружённой в жизнь» (З. Г. Бурдина), позволяет признать обязательное наличие в нём языкового аспекта, теснейшим образом взаимодействующего с социальными или социально-культурологическими параметрами. Таким образом, связь между языком и реальностью становится совершенно очевидной.

Изучение дискурсивных особенностей коммуникативного процесса в целом, отдельных ситуаций общения в частности – причём с совершенно разных позиций: грамматической, лексической, интонационной и т. д. – позволит внести ясность в исследование объектов и явлений действительности в языковом отражении. Познавая мир, человек не только обрабатывает определённые знания объективного характера, но и формирует свою оценку этого мира, т. е. создаёт свою собственную картину мира. Исследователь же имеет дело с лингвистическим феноменом в оценочном познании мира.

Как известно, изучением различных картин мира, которые находят своё отражение в зеркале культуры, точнее сказать, национальной культуры, коим и является язык, вобравший в себя за всё время становления все особенности мироустройства и мироощущения всех представителей данной культурной общности: менталитет, определённую систему ценностей, целый «набор» навыков поведения для совершенно разных коммуникативных ситуаций и – самое важное с позиции лингвокультурологии – особенности использования языка в различных типах дискурса – является предметом исследования когнитивной лингвистики [1].

Имея дело с языком, мы сталкиваемся с уже так или иначе преломлённым через этот самый жизненный и культурный опыт языком, посредством которого осуществляется коммуникация. Высказывание же любого плана – текст в самом широком смысле – можно рассматривать как явление, не существующее само по себе, а «неизбежно включённое в какой-либо (исторически реальный или условный) контекст» [2].

Неоспоримость существования огромного количества типов текстов даёт исследователю поле для выработки оснований их разграничения и идентификации. Целесообразно при этом предположить существование некоторой общей для всех их видов и вариаций модели, так как не представляется возможным порождение текста любой жанровой принадлежности без опоры на систему неких исходных единиц и правил их соединения.

Исследованием роли и функционирования текста занимается, как известно, лингвистика текста или коммуникативная лингвистика. В целом текст как продукт целенаправленной мыслительно-речевой деятельности человека и объект рецеп-

ции исследуется в настоящее время рядом смежных наук (стилистикой, прагмалингвистикой, когнитивной логикой, генетикой, психолингвистикой, социолингвистикой, а СФЕ – и грамматикой). Такой интерес к тексту объясняется прежде всего сложностью и многоаспектностью самого понятия «текст», а также современной степенью развития научной мысли, которая позволяет осуществить всестороннее исследование этой высшей коммуникативной единицы.

Текст, как известно, представляет собой фрагмент речи, определённым образом организованный. Несмотря на многочисленные публикации, посвящённые проблемам текста, до сих пор не существует общепринятого его определения, да и, пожалуй, вряд ли это возможно. В связи с этим нельзя не согласиться с В. Дресслером, который подчёркивает, что при одностороннем подходе к тексту трудно выявить его природу и, следовательно, невозможно дать его адекватное определение: «... текст не может быть исчерпывающе определён только в синтаксическом или фонетическом плане, для этого необходимо учесть его семантические или коммуникативные (прагматические) характеристики» [3, с. 13–14]. В зависимости от исходных позиций исследователей в определении понятия «текст» на первый план могут выступать различные характеристики.

Итак, под текстом понимают операционную (коммуникативную) единицу, которая сегментируется не на слова, а только на предложения [4, с. 35]. Текст может трактоваться и как построенный по определённому плану отрезок речи, посредством которого реализуется то или иное коммуникативное намерение [5, с. 29]. В конечном счёте важно то, что все многочисленные дефиниции текста помогают выявить его характерные признаки (параметры, категории), которые конституируют текст как таковой и образуют в своей совокупности текстуальность речевого произведения. В случае отсутствия текстуальности текст автоматически перестаёт быть высшей коммуникативной единицей, т. е. текстом.

Со структурной точки зрения всякий повествовательный текст строится по модели предложения, не сводясь, однако, к сумме составляющих его предложений. Иначе говоря, любой фрагмент текста (так же, как и весь текст) есть ни что иное, как одно большое предложение. Вместе с тем, очевидно, что сам дискурс, понимаемый как совокупность предложений, организован по своим внутренним законам, имеет собственную грамматику организации и представляет собой автономный объект для исследования.

Если рассуждать о перманентном числе категориальных признаках текста, то в целом можно констатировать, что в настоящее время нет единой точки зрения по данному вопросу. Как показывает анализ работ, число этих признаков может варьироваться от одного (см., например, работы Н. Д. Зарубиной, М. А. К. Халлидея, Р. Хассана) до восьми у Х. Изенберга или тринадцати у И. Р. Гальперина.

На наш взгляд, как резкое сокращение числа выделяемых текстообразующих категорий, так и чрезмерное их увеличение имеет свои отрицательные моменты. В первом случае объединение всех категорий текста в одну макрокатегорию вынуждает сторонников данной точки зрения не только выделять её составляющие, но и анализировать их. Значительное увеличение числа текстообразующих признаков представляется также не совсем целесообразным. Так, например, из восьми признаков, выделяемых Х. Изенбергом, а именно: коммуникативная функциональность, семантичность, ситуативная обусловленность, интенциональность, обще-

ственное санкционирование в смысле общепринятости, правильное оформление, правильная композиция и грамматичность, последние три можно, по-видимому, объединить. В общем и целом сущность этих трёх признаков заключается в том, что адресант должен оформлять создаваемый им текст не только в соответствии с действующими в языке грамматическими правилами, но и с учётом требований, предъявляемых к конкретному виду текста.

Мы приходим к выводу о том, что практически не представляется возможным универсально упорядочить все признаки того или иного текста, поскольку существуют как разнообразные речевые произведения, так и столь же разнообразные их характеристики. Однако если подойти к данному вопросу с точки зрения принадлежности конкретного текста к какому-либо определенному виду текста, то проблема представляется более разрешимой, поскольку любой состоящий из некоторого множества СФЕ и одиночных предложений текст представляет собой не просто реализацию величины текста со всеми характерными для данной величины параметрами, а прежде всего строго определённый вид текста.

Вместе с тем разработка научной типологии текстов, т. е. выделение на основе соответствующих критериев различных видов текста, их последующая классификация и описание основных признаков данных видов, ещё только начинается [6, с. 231]. Неслучайно поэтому в рамках развивающейся лингвистики текста как самостоятельного раздела языкознания выдвигается в качестве одной из основных задач создание типологии текстов.

Вместо слова "итак" написать .. Под текстовыми категориями мы понимаем специфические признаки текста как речевого целого, отличающие это целое (текст) от других языковых явлений [7].

По мнению ряда авторов, в число текстообразующих категорий должны быть отнесены такие показатели, как рекурентность (повторяемость) семантических признаков, информативность, наличие тематического ядра или основной информации (С. Г. Ильенко, И. Р. Гальперин, Е. Ю. Стратейчук, О. И. Таюпова, Т. Н. Николаева и др.).

В любом речевом произведении необходимо обязательное присутствие всех трёх показателей, в противном случае оно будет лишено текстуальности. Число текстообразующих категорий может быть доведено до семи (когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность, межтекстуальная связь), причём основными считаются когезия и когерентность [8, с. 118]. Действительно, как единое целое текст существует за счёт совокупности самых разнообразных типов связи, т. е. когезии. Именно связность, или когезивность, текста выделяется всеми исследователями в качестве его основной характеристики.

Следует признать, что в лингвистике существуют определённые трудности в определении характера текстовых связей, а также их чёткой классификации. Очевидно, для решения их задач требуется ещё время и дополнительные исследования. Однако достаточно ясным оказывается одно обстоятельство, а именно: любые средства выражения межфразовых связей служат одной цели – обеспечению смысловой организации текста. Не случайно М. Хэллидей и Р. Хейзен отмечают, что понятие связности является семантическим [9, с. 4].

Результаты исследования

Говоря о смысловой, содержательной стороне текста, разные исследователи понимают эти термины по-разному. В нашем исследовании мы, вслед за И. Р. Гальпериным, считаем, что понятие содержания текста соотносится с информацией, заключенной в тексте в целом, понятие же «смысл» относится к мысли, сообщению, которое заключено в сверхфразовом единстве. Смысл, как утверждает И. Р. Гальперин, «относится к законченному отрезку речи, выражающему определённое суждение, ситуативно ориентированное» [10, с. 20].

Следует отметить, что разработка теории смысловой структуры текста имеет основополагающее значение для лингвистики текста в целом. Так, Г. В. Колшанский в связи с этим отмечает, что «формальная структура текста, смысловая композиция текста, логическое изложение мыслей, понимаемость текста и т. д. – все эти проблемы в значительной степени зависят от того, насколько будет разработана теория смысловой структуры текста [11, с. 20].

Текст представляет собой определённым образом организованную структуру и членится на фрагменты. В качестве компонентов, составляющих текст, предлагаются различные единицы: сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, абзац, прозаическая строфа, диктема и другие (см. труды Н. Д. Арутюновой, М. Я. Блоха, О. И. Москальской). При идентификации минимальной единицы текста исследователи отмечают функциональный характер организации элементов в тексте, что обуславливает связь формы и содержания. Критерием выделения единицы текста становится смысл, так как именно благодаря функциональному характеру сегменты смысла становятся его структурными единицами. Однако, как бы ни назывался связный фрагмент текста, в основе его лежит прежде всего определённый логический ход мысли, развитие мысли, поскольку он «является выражением своеобразного сложного суждения» [12, с. 17].

Особенно чётко логический ход мысли, т. е. смысловая связь между компонентами единого целого, обнаруживается в научных текстах. Научный стиль выделяется как один из функциональных стилей на основе своей главной функции – сообщения новой информации в строгой, логически организованной, лаконичной и объективной форме. С одной стороны, научный текст характеризуется полнотой выражения содержания, а с другой – сжатостью выражения процесса мысли. Сущность научного сообщения заключается в изложении объективных фактов, в передаче новой информации. Такая коммуникативная установка определяет специфические черты научных текстов, а именно: тесную спаянность фрагментов, строгую логическую последовательность описания, сухость изложения, эксплицитность логических отношений, обобщённость и однозначность выражения, высокий процент абстрактных существительных и другие [13, с. 54; 14, с. 205].

Стремление к ясности и чёткости изложения определяет строгое логическое построение научных текстов. Эта особенность реализуется с помощью различных языковых средств.

Цель данной статьи заключается в попытке проанализировать некоторые лексические маркеры, выражающие определённое отношение, с точки зрения их участия в обеспечении развития мысли и логической связности фрагментов научных гуманитарных текстов.

В результате проведённого анализа английских гуманитарных текстов были выявлены следующие особенности:

1. Определённые слова, в частности, слова, называющие отношение сходства или различия (такие как *to differ; similar; distinction, likeness, etc.*), могут выступать в качестве элементов текста, способных организовать его логическое единство, а соответственно, и формально-синтаксическое единство.

2. Имена существительные со значением сходства и различия (*resemblance, difference, discrepancy, etc.*) представляют собой имена отношения и, следовательно, являются предикатами, т. е. могут иметь при себе определённое число аргументов. Способность предикатного знака взаимодействовать с определённым числом аргументов называется, как известно, семантической, или логико-семантической, валентностью [15; 16]. Логико-семантическая валентность обусловлена значением самого предиката, при этом аргументы, выделяемые для данного предиката, могут быть семантически обязательными и семантически факультативными.

До недавнего времени способность обладать логико-семантической валентностью признавалась только за глаголом. Характерной особенностью развития теории валентности на современном этапе является признание логико-семантической валентности не только у глагола, но и у других частей речи, в частности, у прилагательного и существительного [17; 18].

3. Имена существительные со значением сходства и различия принадлежат к трёхактантным именам и имеют в своей предикатно-аргументной структуре следующие актанты: два объекта и основание сравнения.

Например:

*The **distinction** between regular and irregular verbs based on the extent to which the last four forms are predictable from the base* [19, p. 104].

Реализация логико-семантической валентности имён существительных может происходить в пределах предложения, т. е. в определённых синтаксических моделях, но может проецироваться и на текст.

Наблюдения показывают, что имена существительные со значением сходства/ различия способны организовать сверхфразовое единство особого рода. В основе его лежит отношение сходства или различия между объектами, которое образует структурно-логический стержень данного единства. С помощью такого единства может быть описан любой объект.

Как правило, смысловой стержень логико-смыслового единства – имена сходства и различия. За счет своих валентных свойств они устанавливают семантические связи со своими актантами (объектами, между которыми устанавливается отношение сходства или различия, и признаками, положенными в основу сопоставления), тем самым осуществляя связующую функцию в тексте. Реализация валентных мест имён сходства и различия в тексте является, таким образом, проявлением их текстообразующей функции и способствует обеспечению связности текста.

Например:

*As regards meaning, these clauses (wh-interrogative clauses) resemble wh-questions in that they leave a gap of unknown information, represented by the wh- element. There is in fact a significant **contrast** to be drawn, in some constructions, between a positive sentence which goes with the certainty of the that-clause, and a negative sentence, associated with the uncertainty of the wh-clause... There is also a grammatical **similarity** to wh-questions*

in that the wh-element is placed first, apart from the absence of subject-verb inversion in the dependent clause, the structures of the two types of clause are in all respects parallel [Ibid., p. 735].

В приведённом фрагменте текста в качестве организующих слов выступают существительные *contrast* и *similarity*, которые группируют вокруг себя свои семантические актаны – в данном случае объектами сопоставления являются *wh-interrogative clauses* и *wh-questions*, общим признаком является их значение.

Фрагменты научных текстов, организуемые употреблением существительных-предикатов со значением сходства и различия, представлены двумя разновидностями. С точки зрения логики изложения фактов они могут репрезентировать дедуктивные и индуктивные умозаключения.

Например:

*A very useful **distinction** can be made between «a religion» and «religion». The former appears only in a highly developed society in which religious behavior has been organized by tradition, the latter is universal... The religion of the Plains Indians is different in many of its details from that of the Pueblo Indians of the Southwest. Nevertheless, there are many external resemblances between them...* [20, p. 127].

Приведенный фрагмент текста является дедуктивным по способу представления материала. Вначале в нём констатируется факт различия между объектами (в данном случае в качестве объектов выступают религия в узком смысле слова и религия – в широком смысле), после чего эта мысль конкретизируется.

В индуктивных фрагментах текста изложение строится по обратному принципу – от частного к общему.

Например:

*Various classifications of personality types have been advanced, some of them based on innate factors, others on experiential ones. Among the typological pictures the one worthy of special note is perhaps that of Jung. To him may be attributed the popular **contrast** between introverts and extraverts, the former abstracting more readily from reality and finding their sense of values and personal identification within themselves, while the latter evaluate experience interns of what is immediately given by the environments* [Ibid., p. 169].

В данном отрезке текста вначале представлены объекты описания (различные типы психической организации человека), а затем констатируется факт различия между ними.

В научных гуманитарных текстах широко представлены смысловые отрезки, организуемые существительными со значением сходства и различия. Это неслучайно, поскольку мы имеем дело с одним из логических приёмов научного описания. Как известно, любое научное описание прежде всего характеризует объект описания по каким-либо признакам, отличающим его от других объектов или включающим данный объект в разряд подобных. Этим фактом объясняется то, почему так употребительны в научных текстах существительные со значением сходства и различия.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что текстообразующую функцию в научных текстах могут выполнять не только имена существительные-предикаты, но и другие части речи. Так, имена прилагательные со значением сходства и различия также способны организовать синтетическое целое, больше, чем отдельное предложение.

Например:

*We have, in the wh-interrogative clause, the **same** choice **between** initial and final preposition where the prepositional complement is in the wh-element [19, p. 735].*

*This usage is predominantly American English, but examples may **be** found in British English too. A **similar** meaning is also conveyed by «be going to» [Ibid., p. 77].*

*In a pedagogical grammar of English adverbs of time and location are **different** from sentence adverbials in a very significant way. Sentence adverbials can be derived adjectives that have their origin in a constituent sentence; but in our analysis all adverbs of time are derived from a phrase-structure rule [21, p. 164].*

*Both count and mass nouns are subject to gradeability in two respects: quality and quantity. The quality aspect is expressed chiefly by «kind» or «sort»... The expression of quantity by means of certain «partitives» is **different** and should be seen as being imposed subsequently [19, p. 130–131].*

Интересно заметить, что в приведённых примерах прилагательные со значением сходства и прилагательные со значением различия осуществляют форические связи, т. е. как анафорические, так и катафорические, благодаря тому, что их семантические актанты реализованы либо в предшествующем, либо в последующем отрезке текста.

Кроме того, в качестве связующих элементов текста, его логических стержней могут употребляться и другие слова-предикаты, т. е. лексические единицы, содержащие в своем значении сему «отношение». Так, текстообразующую функцию могут выполнять такие слова, как *cause, reason, type, sort, kind, result, part, etc.*

Например:

*There are usually compelling **reasons** for preferring one or other construction in a given case, and numerous environments in which only one construction is dramatically acceptable [19, p. 81].*

Обсуждение

Проведённое исследование позволило проанализировать содержательную сторону слов-предикатов с точки зрения когници, а именно на когнитивном и языковом уровнях, и интерпретировать их как средство выражения своеобразных логико-коммуникативных компонентов смысловой организации научных текстов.

Изучение функций слов-предикатов в организации текстовых фрагментов, умение найти в отрезке текста стержневое слово, несомненно, способствует развитию навыков понимания, перевода и реферирования научных текстов и представляется важным не только для лингвистики, но и для лингводидактики.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что строить научный текст необходимо с учётом логики рассуждения, развития мысли, а это достигается, кроме других способов, употреблением определённой семантики, т. е. слов-предикатов, которые могут связать текст логически на основании семантической валентности, свойственной им.

Ссылки

1. Серебрянников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 212 с. URL: <https://search.rsl.ru/record/01001394949> (дата обращения: 21.11.2022).

2. Лотман Ю. М. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. Москва: Гнозис, 1994. 547 с.
3. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen. Niemeyer, 1972. 135 S. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_INFOCOMM_46_5000715690/ (дата обращения: 15.10.2022).
4. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 13. изд., испр. и доп. М.: Флинта, 2016. 384 с.
5. Sprachliche Kommunikation Einführung und Übungen. Leipzig: Bibliogr. inst., cop. 1986. 257 S. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000522617> (дата обращения: 21.11.2022).
6. Deutsche Sprache. Kleme Enzyklop/tdie. Leipzig: VEB Bibliogr. Institut, 1983. 724 S. URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_016487_/ (дата обращения: 20.10.2022).
7. Ильенко С. Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц: Межвуз. сб. научн. трудов. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1988. С. 7–22.
8. Beaugrande D. R.-A. de, Dressier W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1982. 290 S.
9. Halliday M., Hasan R. Cohesion in English. London, 2014. 390 p. URL: <https://www.amazon.com/Cohesion-English-M-K-Halliday-ebook/dp/B0B5FQMV22> (дата обращения: 21.11.2022).
10. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 9-е. М.: Лена-над, 2016. 137 с.
11. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Комкнига, Лингвистическое наследие XX века, 2018. 176 с.
12. Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982. 176 с.
14. Троянская Е. С. О природе лингвистических признаков текстов, характеризующих различные функциональные стили // Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979. С. 202–224.
15. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 206 с.
16. Кибардина С. М. Основы теории валентности: Лекции: Пособие по сравнит. типологии нем. и рус. яз. Вологда: ВГПИ, 1979. 55 с.
17. Зоммерфельдт К. К вопросу о минимуме предложения/валентность и ситуативная завершенность // Иностранные языки в школе. 1975. № 1. С. 10–19.
18. Степанова М. Д., Хельбинг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978. 259 с.
19. A Grammar of Contemporary English / R. Quirk, S. Greenbaum, J. Leech, J. Svartvic. London, 1972. 1120 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000201_000064_BJVVV214746/ (дата обращения: 21.11.2022).
20. Sapir E. Culture, Language and Personality. Selected Essays. Los Angeles: University of California Press, 1985. 207 p.
21. Thomas O. Transformational Grammar and the Teacher of English. New York, 1965. 240 p. URL: <https://www.amazon.com/Transformational-Grammar-Teacher-English-Thomas/dp/B007HEF4GW> (дата обращения: 21.11.2022).

Russian speech etiquette in the aspect of speech genre in diachrony (on the material of Russian phraseological dictionaries)

E. I. Beglova¹

¹Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ankudinovskoe shosse, 3, GSP-268, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-242-250

Research article
Full text in Russian

The subject of the study was phraseological units and catchphrases, representing specific etiquette genres peculiar to communication ethics in the 18th–21st centuries, that is, speech etiquette in diachrony. The aim of the article was to trace the change in speech formulas reflecting various etiquette genres in different periods of the development of Russian society and to demonstrate the specifics of speech etiquette in business and everyday communication. The study of speech etiquette in diachrony is relevant, as it allows us to trace the dynamics of the moral foundations of Russian society in a particular period of its development. Semantic and stylistic analysis of the language material extracted from the phraseological dictionaries of the Russian language and the dictionary of popular expressions allowed us to make the following conclusion: there are etiquette genres of business and everyday communication. In quantitative terms, the etiquette genres of everyday communication prevail; due to this fact, phraseological units and catchphrases with colloquial coloring dominate; phraseological dictionaries record both outdated formulas of speech etiquette, typical for business and everyday communication of the 18th–19th centuries, and modern ones, mostly ironic, playful, less often euphemistic, more typical for everyday communication. Phraseological units labeled "obsolete" captured the communication ethics and speech etiquette of the 18th–19th centuries, while catchphrases – the speech etiquette of everyday communication of the 20th–21st centuries. Two etiquette genres turned out to be numerous in terms of the number of catchphrases: an invitation to something and a request, which by origin are phrases of characters in works of art, television and films, animated films, as well as phrases from songs known to the mass addressee.

Keywords: phraseological unit; catchphrase; phraseological dictionary; speech etiquette; etiquette genre; dia-chrony

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Beglova, Elena I. | E-mail: beglova-elena@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-3208-0549
Doc. Sc. (Philology), Professor

For citation: Beglova E. I. Russian speech etiquette in the aspect of speech genre in diachrony (on the material of Russian phraseological dictionaries) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2023. Vol. 9, No. 2. P. 242–250. (in Russ.)

Русский речевой этикет в аспекте речевого жанра в диахронии (на материале фразеологических словарей русского языка)

Е. И. Беглова¹

¹Нижегородская академия МВД Российской Федерации, Анкудиновское шоссе, д. 3, Бокс-268, Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-2-242-250
УДК 81.37

Научная статья
Полный текст на русском языке

Предметом изучения явились фразеологические единицы и крылатые выражения, представляющие собой определённые этикетные жанры, свойственные этике общения XVIII–XXI вв. Цели статьи: проследить изменение речевых формул, отражающих разные этикетные жанры в разные периоды развития российского общества, и продемонстрировать специфику речевого этикета в деловом и бытовом общении. Изучение речевого этикета в диахронии актуально, так как позволяет проследить динамику моральных устоев российского общества в разные периоды его развития. В результате проведённого семантического и стилистического анализа языкового материала сделаны выводы: отмечаются этикетные жанры делового и бытового общения. В количественном отношении превосходят этикетные жанры бытового общения, в связи с чем доминируют фразеологические единицы и крылатые выражения с разговорной и просторечной окраской; во фразеологических словарях фиксируются как устаревшие формулы речевого этикета, свойственные деловому и бытовому общению XVIII–XIX вв., так и современные, преимущественно ироничные, шутливые, реже эвфемистические, характерные в большей степени для бытового общения. Фразеологические единицы с пометой «устаревшее» запечатлели этику общения и речевой этикет XVIII–XIX вв., а крылатые выражения – речевой этикет бытового общения XX–XXI вв. Многочисленными по количеству крылатых фраз оказались два этикетных жанра: приглашение к чему-либо и просьба, которые по происхождению являются фразами персонажей художественных произведений, теле- и кинофильмов, мультипликационных фильмов, а также фразами из известных массовому адресату песен.

Ключевые слова: фразеологическая единица; крылатое выражение; фразеологический словарь; речевой этикет; этикетный жанр; диахрония

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беглова, Елена Ивановна

E-mail: beglova-elena@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-3208-0549

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Для цитирования: Беглова Е. И. Русский речевой этикет в аспекте речевого жанра в диахронии (на материале фразеологических словарей русского языка) // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 2. С. 242-250.

Введение

Речевой этикет и его национальные особенности – это актуальная тема не только культуры речи, но и лингвистики в целом. Предметом изучения в статье явились фразеологические единицы и крылатые выражения, представляющие собой определённые этикетные жанры, свойственные этике общения XVIII–XXI вв., то есть речевой этикет в диахронии.

Цели статьи: 1) проследить изменение речевых формул, отражающих разные этикетные жанры в разные периоды развития российского общества, 2) продемонстрировать специфику речевого этикета в деловом и бытовом общении. Актуальность темы и материала статьи заключается в том, что в настоящее время речевой этикет либо сознательно игнорируется, либо не соблюдается по причине его незнания и др. Речевой этикет является показателем этических отношений в обществе в конкретный период, поэтому важно отслеживать, какие речевые формулы устаревают, а какие появляются в связи с общественными изменениями. Источником языкового материала послужили фразеологические словари и словарь крылатых выражений. Фразеологизмы и крылатые выражения извлекались из словарей методом сплошной выборки.

Основные понятия и термины

Известно, что понятие *речевого этикета* непосредственно связано с понятием *этикета*. *Этикет* – это принятые в обществе нормы общения, особенности поведения. Лингвисты Л. А. Введенская и Л. Г. Павлова справедливо определяют *речевой этикет* как правила речевого поведения и систему речевых формул обращения в процессе коммуникации [1, с. 19]. Афорист XX–XXI вв. Г. Малкин метко определяет этикет в афоризме: *Этикет – безусловные правила условностей* [2, с. 466]. В своей работе «Риторика» мы подробно освещали основные понятия речевого этикета [3, с. 106–113]. Проблема жанра речевого этикета актуальна в исследованиях XX–XXI вв. Например, в статье Л. Р. Дускаевой и Н. А. Корниловой изучаются новые этикетные жанры в газетном тексте [4], с позиций этнического сознания речевой этикет рассматривается в работе О. Б. Христофоровой [5] и др.

Необходимо напомнить, что соблюдение речевого этикета в общении создаёт предпосылки для бесконфликтного общения и способствует достижению цели общения. В связи с этим важно знать функции, которые выполняет речевой этикет. Основной функцией этикета является *антиконфликтная*. Не менее важными являются и другие функции: *создание атмосферы взаимного комфорта, сигнализация о принадлежности к определенной социальной и культурной среде* (социальный статус человека определяется по употребляемым им этикетным максимам), *коммуникативная* (соблюдение этикетных тем общения и пр.). По нашему мнению, в настоящее время, когда большая часть граждан пренебрегает требованиями применения формул речевого этикета в общении, необходимо пропагандировать особенности речевого этикета, его этикетные жанры, целенаправленно обучая им или акцентируя внимание носителей русского языка на специфике речевого этикета, например, отсылая к словарям речевого этикета, составленным Н. И. Формановской [6], А. Г. Балакаем [7] и др.

Изучать речевой этикет в диахронии необходимо, так как это позволяет проследить динамику моральных устоев российского общества в тот или иной период его развития. Интерес с этой точки зрения представляет словарь русского речевого

этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX–XX вв., составленный А. Г. Балакаем [8]. На наш взгляд, в настоящее время наблюдаются две тенденции, обуславливающие особенности русского речевого этикета: 1) отказ от традиционных формул речевого этикета (этикетного жанра) по разным причинам: их незнания, снижения уровня речевой культуры, недостаточного их изучения и пр.; 2) появление новых этикетных жанров, например, возникла новая формула прощания *до связи*, что справедливо утверждает исследователь языка сети Интернет М. А. Кронгауз: «*Раньше мы прощались «до свидания», «до встречи» и имели в виду контакт визуальный. Новой формуле прощания уже лет двадцать, и она настолько закрепилась, что только пурист может ее отрицать*» [9]. Мы отмечаем еще одну максимум прощания, частотную в сети Интернет, – *доброего времени суток*, ориентированную на разницу во времени, обусловленную часовым поясом и местонахождением адресата в географическом пространстве.

Так как речевой этикет, который часто не соблюдается в наше время в общении, требует особого внимания, в связи с этим в 2017 г. депутаты Госдумы предлагали ввести речевой этикет как учебную дисциплину в общеобразовательных организациях, но предложение не было реализовано. Отслеживая языковой материал в СМИ, мы обратили внимание на один важный факт, отражающий специфику русского речевого этикета – обращение на «Вы» к одному лицу. В телепередаче «Человек и закон» от 8 декабря 2017 года было отмечено, что в Госдуме собирались «заставить» всех обращаться друг к другу на «Вы», а именно предлагалось утвердить закон об обращении. Телеведущий А. Пиманов заметил с иронией: «Вместо обращения к незнакомому гражданину «Эй, **Ты!**... , харя!» будут говорить «Вы не могли бы...» <...> Телеведущий А. Пиманов в конце телепередачи подвёл итоги с сарказмом: «Были времена, когда удивляло хамство, теперь удивляет вежливость!» (ТВ. 1 канал. Человек и Закон. 08.12.2017. Ведущий программы А. Пиманов).

В данной статье важно еще одно понятие – этикетный жанр, которое мы определяем как форму осуществления общения, определяющуюся использованием определённых этикетных выражений. Этикетными жанрами являются приветствие, прощание, пожелание, благодарность, поздравление, извинение, утешение, сочувствие, просьба, приглашение, комплимент, отказ и др. [1, с. 53–57]. Итак, предметом изучения явились фразеологические единицы и крылатые выражения, представляющие собой определённые этикетные жанры, свойственные этике общения XVIII–XXI вв., то есть речевого этикета в диахронии.

Требуется дать определения следующим понятиям, которые в нашей работе очень важны: *фразеологическая единица*, которую мы определяем как лексически неделимое словосочетание, устойчивое по структуре, грамматическому составу и воспроизводимое в речи в готовом виде [10, с. 377–378]. *Крылатые выражения* – это устойчивые изречения, вошедшие в язык из определённого литературного, исторического и др. источника, например, меткие изречения писателей, политических, общественных и государственных деятелей, литературные цитаты, цитаты из мультфильмов, кинофильмов, получившие широкое распространение в речи по причине их смысловой меткости, выразительности [Там же. С. 115].

Методы исследования

При выявлении и описании своеобразия особенностей речевого этикета, выраженного во фразеологических единицах и крылатых выражениях, нами использована

лись следующие методы: описательный, метод стилистического анализа, семантический (при описании фразеологизма или крылатого выражения, представляющего собой формулу речевого этикета), компаративный метод – для выявления семантических, этимологических и коммуникативно-прагматических особенностей максимы речевого этикета в отличие от фразеологической единицы как единицы языка и речи.

Результаты исследования

Этикетные жанры делового общения (на материале фразеологических единиц и крылатых выражений)

Изучая материал фразеологических словарей [11; 12; 13; 14], мы собрали уникальный фразеологический материал, запечатлевший разные этикетные жанры. Проанализируем выделенные нами тематические группы фразеологических единиц, представляющих соответствующие этикетные жанры в деловом и бытовом общении. Отобрав методом сплошной выборки фразеологический материал, мы выявили следующие этикетные жанры делового общения XVIII–XX вв.

1. **Приветствие:** *Челом тебе (Вам)* – 1) устаревшее; почтительное приветствие; 2) просить о чем-либо, низко кланаясь [12, с. 582].

2. **Выражение уважения, почтения:** *снимать (снять) шляпу* – книжное; выражать кому-либо своё почтение, глубокое уважение [Там же. С. 503].

3. В письменной речи: **заключение письма, деловой бумаги:** *Ваш покорный слуга* – устаревшее; формула вежливого заключения письма [Там же. С. 498].

4. **Пожелание:** *Мир дому твоему (сему, вашему дому)* – пожелание счастья, спокойствия семье; цитата из песни (сл. И. Кохановского, муз. О. Фельцмана, 1973) [14, с. 379].

5. **Запрет:** *Позвольте Вам этого не позволить* – 1) вежливое запрещение; 2) попытка предотвратить какой-либо поступок собеседника; Слова Манилова из поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» (1842), часть 1, гл. 2) [Там же. С. 541].

6. **Приглашение работать:** *Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!* – приглашение начать работать; является цитатой из речи Н. С. Хрущева на закрытии XXII съезда КПСС (31 октября 1961 г.) [Там же. С. 733]. В количественном отношении фразеологизмов и крылатых выражений, запечатлевших особенности делового общения, немного, но они являются свидетельством отношений человека к человеку, проявлявшихся в таких признаках, как вежливость, доброжелательность, почтение.

Этикетные жанры бытового общения (на материале фразеологических единиц и крылатых выражений)

Большое количество фразеологических единиц и крылатых выражений отражают сферу быта, то есть бытовое общение. Мы выделили следующие этикетные жанры:

1. **Приветствие:** *Салфет вашей милости* – устаревшее, просторечное; выражение приветствия или доброго пожелания, употребляющегося в значении «будьте здоровы» [12, с. 470].

2. **Обращение:** *Мой свет* – устаревшее, просторечное, ласковое, приветливое обращение к кому-либо (обычно к близкому, любимому человеку, приятелю)

[Там же. С. 474]; *Старая скворечница (скворечня)* – грубо-просторечное, пренебрежительно-обращение к старой женщине [Там же. С. 492].

3. **Благодарность:** *Спаси Христос* – устаревшее, просторечное; выражение благодарности кому-либо за что-либо [Там же. С. 509]. *И на том спасибо* – разговорное, экспрессивное; хорошо что так, и тем доволен. Выражение благодарности, удовлетворения по поводу незначительного проявления внимания, мелкой услуги, уступки или небольшого везения (когда даже малого не ждешь, рассчитываешь на худшее) [Там же].

4. **Пожелания:** *Храни тебя (Вас) Бог* – устаревшее, разговорное; форма пожелания благополучия кому-либо (чаще при прощании, расставании) [Там же. С. 574]. *Чай с сахаром* – устаревшее, просторечное, доброе пожелание пьющим чай [Там же. С. 578]. **Пожелание:** *Чтоб ты жил на одну зарплату!* – пожелание оставаться бедным; фраза одного из героев кинокомедии «Бриллиантовая рука» (1969) [14, с. 744].

Названные выше этикетные жанры приветствия, обращения, благодарности, пожеланий, представленные фразеологическими единицами и крылатыми выражениями, характерны для этики бытового общения XVIII–XIX вв. и отражают как доброжелательное отношение русского человека к человеку, так и недоброжелательное, о чём свидетельствуют стилистические пометы в словарях: *устаревшее, разговорное, просторечное, ласковое* или *грубо-просторечное, пренебрежительное*.

Нами собрано большое количество крылатых выражений из словаря Л. П. Дядечко [14], источником которых в большей степени явились художественные произведения или кинофильмы XX века, поэтому они являются демонстрацией этических отношений в обществе названного периода. Продемонстрируем этикетные жанры XX века, основанные на крылатых выражениях, и проанализируем их со стилистической точки зрения.

1. **Приветствие, одобрение:** *Ку!* – 1) приветствие или одобрение; 2) ответ на вопрос, не имеющий смысла, символ чего-либо непонятного; слово из речи инопланетян фантастической комедии «Кин-дза-дза!» (1986) [Там же. С. 346]. **Приветствие девушке:** *Ты жива ещё, моя старушка!* – приветствие любимой девушке, женщине любого возраста (шутливое, ироническое); это фраза является начальной строкой стихотворения С. Есенина «Письмо матери» (1924) [Там же. С. 694].

2. **Выражение согласия / несогласия:** *И я, и я того же мнения!* – выражение согласия; цитата персонажа Винни-пуха из песенки мультфильма «Винни-пух и день забот» (1972) [Там же. С. 287]. *Муля, не нервуй меня...* – 1) выражение несогласия; 2) просьба не надоедать, не раздражать; фраза героини кинокомедии «Подкидыш» (1939) (арт. Ф. Раневская) [Там же. С. 391].

3. **Отказ:** *Индийская национальная изба – «Фиг-Вам» называется* – форма отказа; реплика Шарика из мультфильма «Зима в Простоквашино» (1984), по произведениям Э. Успенского [Там же. С. 276]. *Спасибо, я пешком постою* – отказ от приглашения сестрь; реплика героя Мимино из одноименной кинокомедии (1977) [Там же. С. 541].

Особо следует остановиться на двух этикетных жанрах, включающих большое количество крылатых выражений, – **приглашение к чему-либо** и **просьба о чём-либо**. В них доминирует юмор, шутка или ирония. Представим названные этикетные жанры соответствующими крылатыми выражениями.

1. Приглашение к чему-либо:

Приглашение в гости: *Ты заходи..., если что...* – приглашение навещать; реплика Волка из мультфильма «Жил-был пёс» (1982) [14, с. 695]. **Приглашение к сто-**

лу: Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! – приглашение к столу, шутиливое; реплика Василия Алибабаевича из кинокомедии «Джентльмены удачи» (1971) [Там же. С. 350].

Приглашение покупать товар: зазывалка: *Налетай, торопись! Покупай живопИсь!* – приглашение покупать товар; фраза, которую произносит герой кинокомедии «Операция Ы» (1965) Трус (арт. Г. Вицин) [Там же. С. 419].

Приглашение к танцу: *Танцуют все!* – приглашение к танцу; обращение ко всем присутствующим; восходит к цитате из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» (1973) [Там же. С. 671].

Приглашение к отдыху: *Распрягайте, хлопцы, коней* – приглашение к отдыху; это одноименное название и начало украинской песни (1964) [Там же. С. 592].

2. Просьба о чём-либо: *Муля, не нервируй меня...* – 1) просьба не надоедать, не раздражать; 2) выражение несогласия; фраза героини кинокомедии «Подкидыш» (1939) (арт. Ф. Раневская) [14, с. 391]; *На заре ты её не буди...* – просьба не тревожить, не поднимать кого-либо слишком рано; слова из романа на стихи А. Фета, музыку А. Варламова (1842) [Там же. С. 416]; *Сделай дружбу* – устаревшее; выражение просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку [Там же. С. 480].

Просьба не говорить: *Не сыпь мне соль на рану...* – просьба не говорить о наболевшем, не расстраивать; цитата из припева песни на слова С. Осиашвили, музыку В. Добрынина (1989) [Там же. С. 457]; **Просьба не вмешиваться:** *Не учите меня жить* – просьба не вмешиваться в дела, так как говорящий может справиться с ними сам; одна из фраз Элочки-людоедки из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) [Там же. С. 460]; **Просьба позаботиться о ком-либо:** *О бедном гусаре замолвите слово* – 1) просьба позаботиться о беззащитном, беспомощном, не имеющем достаточных средств для существования; 2) просьба походатайствовать за кого-либо в каком-либо деле; одноименное название музыкальной кинокомедии (1980); первая фраза романа, которую поет герой Плетнёв [Там же. С. 479]. **Просьба дать полную информацию:** *Огласите весь список, пожалуйста* – 1) просьба дать исчерпывающую информацию, полный перечень чего-либо; 2) просьба назвать всех участников мероприятия; это фраза из речи героя кинокомедии «Операция Ы» (1965), часть 1 «Напарник» [Там же. С. 482].

Просьба открыть дверь: *(Козлятушки, ребятушки!) Отпритесь, отворитесь! Ваша мать пришла, молочка принесла!* – 1) просьба открыть дверь; 2) о доставке продуктов; песенка козы из русской народной сказки «Волк и семеро козлят» [Там же. С. 509].

Просьба позвонить: *Позвони мне, позвони!* – настойчивая просьба позвонить; название и первая строка песни на слова Р. Рождественского и музыку М. Дунаевского, которую поет героиня кинокомедии «Карнавал» (1981) (арт. И. Муравьева) [Там же. С. 541].

Просьба покинуть помещение: *Позвольте Вам выйти вон* – эвфемизм; просьба покинуть помещение; реплика персонажа комедии по произведению А. П. Чехова «Свадьба» (1889) [Там же. С. 540–541].

Просьба говорить медленно: *Помедленнее, пожалуйста, я записываю* – просьба говорить не спеша; реплика персонажа кинокомедии «Кавказская пленница» (1966) Шурика (артист А. Демьяненко) [Там же. С. 550].

Просьба сменить тему разговора: *Разговор на эту тему портит нервную систему* – просьба сменить тему разговора; это цитата из куплетов Параси и Сусика из музыкальной комедии «Трембита» (1968) [Там же. С. 588–589].

Просьба успокоиться: *Спокойнее (не нервничайте, хладнокровнее) (Маня), вы не на работе* – просьба не нервничать, не волноваться зря; это реплика Бени Крика, героя рассказа И. Бабеля «Король» (1921) [Там же. С. 648].

Просьба не нервничать: *Спокойствие, только спокойствие* – просьба не нервничать; фраза Карлсона, героя мультфильма «Малыш и Карлсон» (1968) [Там же. С. 649].

Просьба не мешать: *Тихо! Чапай думать будет!* – просьба не мешать говорящему сосредоточиться; является репликой Петьки, героя кинофильма «Чапаев» (1934) [Там же. С. 679].

Просьба не спешить: *Ямщик, не гони лошадей!* – 1) просьба не спешить, особенно при езде; 2) просьба не торопиться с решением, выполнением какого-либо дела; название романса (слова Н. Риттера, муз. Я. Фельдмана, 1905) [Там же. С. 788].

Просьба проснуться: *Я пришел к тебе с приветом (рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом по листам затрепетало)* – просьба проснуться; просьба проснуться и заняться каким-либо делом; цитата из стихотворения А. А. Фета (1843) [Там же. С. 793].

Эти два этикетных жанра представлены главным образом разговорными и просторечными крылатыми выражениями, имеющими шутовую или ироническую окраску, что свойственно бытовому общению. Безусловно, данные этикетные формулы, образованные на основе текстов художественной литературы, телефильмов, кинофильмов, мультипликационных фильмов, известных массовому адресату, привносят в бытовое общение юмор, иногда эвфемизируют речь, то есть являются эвфемизмами типа *Позвольте Вам выйти вон! Чтоб ты жил на одну зарплату!* и другие.

Обсуждение: выводы и рекомендации

Таким образом, мы исследовали фразеологические единицы и крылатые выражения, являющиеся этикетными жанрами XVIII–XX вв. Отмечаются этикетные жанры делового и бытового общения. В количественном отношении превосходят этикетные жанры бытового общения, в связи с чем доминируют фразеологические единицы и крылатые выражения с разговорной или просторечной окраской.

В словарях русской фразеологии и крылатых слов, которые мы использовали для сбора языкового материала, отмечаются как устаревшие формулы речевого этикета, свойственные деловому и бытовому общению XVIII–XIX вв., так и современные, преимущественно ироничные, шутовые, реже эвфемистические, характерные главным образом для бытового общения.

Самыми многочисленными по количеству крылатых фраз оказались два этикетных жанра: приглашение к чему-либо и просьба, которые по происхождению являются фразами персонажей художественных произведений, теле- и кинофильмов, мультипликационных фильмов, а также фразами из известных массовому адресату песен.

В целом мы определили одиннадцать этикетных жанров (приветствие, выражение уважения, почтения; заключение письма; пожелание, запрет, приглашение к чему-либо, обращение к кому-либо; выражение благодарности; выражение согласия / несогласия; отказ; просьба о чём-либо), представленных сорока одной языковой единицей. Фразеологические единицы с пометой «устаревшее» запечатлели этику

общения и речевой этикет XVIII–XIX вв., а крылатые выражения – речевой этикет бытового общения XX–XXI вв.

В настоящее время утверждаются новые этикетные формулы, например, формулы прощания *до связи* и *доброго времени суток*, обусловленные особенностями общения в сети Интернет и по телефону мобильной связи.

Ссылки

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика и культура речи. 13-е изд. Ростов н/Д., 2014. 537 с.
2. Малкин Г. Афоризмы для умных людей: Не падай духом, где попало! М.: РИПОЛ классик, 2006. 480 с.
3. Беглова Е. И. Риторика. Н. Новгород: НА МВД России, 2019. 164 с.
4. Дускаева Л. Р., Корнилова Н. А. Этикетный речевой жанр в газетном дискурсе // Вестник Пермского университета. Сер. Российская зарубежная филология. 2012. Вып 3 (19). С. 177–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etiketnye-rechevye-zhanry-v-gazetnom-diskurse/viewer> (дата обращения: 13.10.2022).
5. Христофорова О. Б. «У меня есть слово...»: традиционный речевой этикет и проблемы этнического сознания в авторских текстах // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 9. С. 303–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/u-menya-est-slovo-traditsionnyu-rechevoy-etiket-i-problemy-etnicheskogo-samosoznaniya-v-avtorskih-tekstah-1/viewer> (дата обращения: 13.10.2022).
6. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 2012. 156 с.
7. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-Пресс, 2001. 670 с.
8. Балакай А. Г. Доброе слово: Словарь-справочник речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XIX–XX вв. В 2-х томах. Кемерово: Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 1999. Т. 1. А–О. 317 с. Т. 2. П–Я. 316 с.
9. Интервью журналиста Марии Прониной с лингвистом М. А. Кронгаузом. URL: <https://www.culture.ru/materials/173675/kultura-rechi> (дата обращения: 27.09.2020).
10. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. А. И. Фёдорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.
13. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.
14. Дядечко Л. П. Крылатые слова нашего времени. Толковый словарь. М.: НТ Пресс, 2008. 797 с.